

ОЧЕРКИ
ИСТОРИИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
АРХЕОЛОГИИ

IV

выпуск

Российская академия наук
Институт археологии

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ

Выпуск IV

Москва
2015

УДК 902/904
ББК 63.4
О95

Редакционная коллегия:
П.Г. Гайдуков, И.В. Тункина (ответственные редакторы),
С.В. Кузьминых, А.С. Смирнов,
И.А. Сорокина (составители)

Рецензенты: В.И. Гуляев, И.С. Каменецкий

Очерки истории отечественной археологии. Вы-
пуск IV. – М.: ИА РАН, 2015. 266 с.: илл.

В сборник включены статьи, основой которых послужили выступления на прошедшем в феврале 2013 г. в Институте археологии РАН круглом столе «История археологической науки для настоящего и будущего». Статьи сборника посвящены истории археологической науки в России. В них рассматриваются теоретические вопросы истории археологической науки, конкретные проблемы истории изучения тех или иных памятников, регионов, формирования научных школ и направлений, роль государственных органов в деле управления культурным наследием.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 978-5-94375-186-8

© Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт археологии РАН, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ.....	4
<i>Тункина И.В.</i> Открытие позднескифских памятников Крыма в 1820 – 1830-х годах.....	8
<i>Тихонов И.Л.</i> Археология в художественных музеях Санкт-Петербурга конца XIX – начала XX века.....	41
<i>Вдовин А.С., Дэвлет М.А., Кузьминых С.В.</i> Коллекционирование древностей Енисея как социально-культурный феномен.....	64
<i>Смирнов А.С.</i> Охранная археология до и после 1917 года (вторая половина XIX – первая треть XX века). Утраченный опыт организации работ.....	97
<i>Платонова Н.И.</i> РАИМК и кампания по изъятию церковных ценностей в Петрограде.....	105
<i>Сорокина И.А.</i> Государственная система управления культурным наследием и наукой в 1921–1925 годах.....	119
<i>Сафонов И.Е.</i> Вклад В.А. Городцова в разработку периодизации эпохи металла: история вопроса и современность.....	136
<i>Кузьминых С.В., Белозёрва И.В.</i> Лекционный курс В.А. Городцова «История археологии»: несвоевременный опыт.....	147
<i>Афанасьев Г.Е.</i> Забытые страницы в истории полевого изучения Алексеевского городища на Тихой Сосне.....	169
<i>Щавелёв С.П.</i> Археологическое краеведение в России: противоречивые фазы развития, итоги и перспективы.....	215
<i>Колесникова В.А., Яненко А.С., Черновол И.В.</i> История археологии в Украине: направления исследовательского поиска.....	235
<i>Мельникова О.М.</i> История и историография археологии в контексте предмета археологии, интеллектуальной истории и современных практик воспроизводства науки.....	251
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	262

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Пробуждение и стремительный рост интереса археологов к истории собственной науки в последние два десятилетия стали очевидны не только им самим, но и специалистам в смежных областях историко-филологического и естественнонаучного знания. Все настойчивее провозглашается тезис о формировании новой субдисциплины в рамках археологии – истории археологической науки, что нашло отражение в попытках институализировать этот вид исследовательской деятельности. Речь идет о создании формальных и неформальных исследовательских групп в разных городах и странах бывшего СССР, изучающих институциональную, социальную и когнитивную историю науки, о проведении постоянно действующих семинаров и специализированных научных конференций по историко-научной проблематике. Не случайно на последних всероссийских археологических съездах работала специальная секция «История археологии».

В то же время историю археологической науки нередко воспринимают как вспомогательное «историографическое» направление, ограничивая его задачи написанием соответствующих разделов монографий и диссертаций. При этом забывается, что история науки является неразрывной частью всей системы археологического знания, основой теоретических исследований, методологии научной археологической деятельности. Она обогащает современную науку огромным предшествующим опытом, способствует выяснению путей и перспектив ее дальнейшего развития.

Традиции подлинно научного изучения истории археологии в широком историко-культурном контексте были заложены в Институте археологии АН СССР еще А.А. Формозовым. В феврале 2013 г. его последователями в Институте археологии РАН был проведен круглый стол «История археологической науки для настоящего и будущего». Его организаторы надеялись, что научные дискуссии по тем или иным затронутым проблемам и личное общение будут способствовать определению направлений дальнейших исследований в области истории археологии. На круглом столе прозвучали доклады ученых ведущих научных институтов и вузов России (Москва, Санкт-Петербург, Воронеж, Ижевск, Красноярск, Курск, Самара) и Украины (Киев). В выступлениях обсуждались теоретические вопросы истории археологической науки, конкретные проблемы истории изучения тех или иных памятников, регионов, формиро-

вания научных школ и направлений. Тексты докладов послужили основой статей, опубликованных в настоящем сборнике.

И.В. Тункина в статье «Открытие позднескифских памятников Крыма в 1820 – 1830-х годах» наглядно показала как пренебрежение изучением результатов работ наших предшественников приводит к «повторному открытию» памятников спустя столетие. По архивным материалам стало очевидно, что многие позднескифские поселения Тавриды были обнаружены еще в первой трети XIX в. первыми исследователями древностей Крыма П.И. Кёппеном, А.Я. Фабром и Ф. Дюбуа де Монпере, не успевшими опубликовать свои материалы.

История археологической науки в России неразрывно связана с историей отечественных музеев, в хранилищах которых столетиями формировались уникальные коллекции артефактов. Этой теме посвящена статья **И.Л. Тихонова** «Археология в художественных музеях Санкт-Петербурга конца XIX – начала XX века», в которой излагается история формирования археологических собраний в музеях Императорской Академии художеств, Центрального училища технического рисования барона А.Л. Штиглица и Общества поощрения художников. Автор дает оценку значения музейной деятельности для истории археологической науки в дореволюционной России.

Статья **А.С. Вдовина, М.А. Дэвлет и С.В. Кузьминых** «Коллекционирование древностей Енисея как социально-культурный феномен» посвящена проблеме коллекционирования археологических артефактов в XVIII–XX вв. и влиянию этого явления на историю археологической науки, деятельность отдельных ученых, культурную жизнь российской провинции. Столь распространенное явление как коллекционирование древностей обладало в Сибири рядом особенностей и своеобразно проявлялось в местной культурной и научной жизни. Отмечается особая роль музеев, которые являлись единственными научно-исследовательскими учреждениями во многих городах Сибири, объединяя под своей крышей представителей различных социальных групп населения.

В статье **А.С. Смирнова** «Охранная археология до и после 1917 г. (вторая половина XIX – первая треть XX века). Утраченный опыт организации работ» показана необходимость изучения научного и методического наследия наших предшественников даже для такой специфической области науки как новострочная археология. Многие приемы организации охранных археологических

работ, создание которых, как правило, приписывают археологам конца XX в., использовались столетием ранее.

Трагическому эпизоду начала 1920-х гг., приведшему к гибели значительной части отечественного культурного наследия, посвящена статья **Н.И. Платоновой** «РАИМК и кампания по изъятию церковных ценностей в Петрограде». Автор реконструирует события, происходившие в Петрограде в годы послереволюционного безвременья, и участие в них представителей Российской академии истории материальной культуры.

История преобразований Наркомпроса, государственного органа, задачами которого помимо народного просвещения являлись охрана культурного наследия, в том числе археологического, и управление им, проанализирована в статье **И.А. Сорокиной** «Государственная система управления культурным наследием и наукой в 1921–1925 годах».

Заслуги В.А. Городцова в области изучения памятников южной России раскрыты в статье **И.Е. Сафонова** «Вклад В.А. Городцова в разработку периодизации эпохи металла: история вопроса и современность». В ней изложена история создания известным русским ученым системы периодизации памятников эпохи раннего металла и анализируется значение созданной им теории для истории археологической науки.

Критическому разбору деятельности В.А. Городцова как преподавателя и историка науки посвящена работа **С.В. Кузьминых** и **И.В. Белозёровой** «Лекционный курс В.А. Городцова “История археологии”: несвоевременный опыт». Авторы рассмотрели лекции В.А. Городцова, которые он читал в 1-м МГУ в конце 1920-х гг., на фоне современных им научных трудов и пришли к выводу о крайней сложности исследований по истории и историографии археологии и безуспешности авральных попыток подготовки курса, требовавшего глубокого осмысления громадного материала, накопленного мировой археологией. Отмечается, что рукопись курса и сам план лекций в методическом и познавательном отношении существенно проигрывают учебным пособиям, на которые Городцов опирался при их составлении.

В статье **Г.Е. Афанасьева** «Забытые страницы в истории полевого изучения Алексеевского городища на Тихой Сосне» раскрывается история исследования этого археологического комплекса местным археологом И.И. Турбиным и петербургским ученым С.Н. Замятниным и роль последнего в формировании представ-

лений о салтовской культуре. Автор приводит результаты собственных исследований материалов Алексеевского городища, подтверждающих присутствие византийских архитектурных и строительных традиций в хазаро-аланском фортификационном зодчестве на Дону.

О значении краеведческой деятельности для развития археологической науки идет речь в статье **С.П. Щавелёва** «Археологическое краеведение в России: противоречивые фазы развития, итоги и перспективы». Автор рассуждает об особенностях этого процесса, начиная с XIX в., анализирует последствия воздействия политических доктрин и социальных условий на краеведческую деятельность.

Завершающие статьи сборника касаются более широких проблем истории археологической науки. **В.А. Колесникова**, **А.С. Яненко** и **И.В. Черновол** в статье «История археологии в Украине: направления исследовательского поиска» характеризуют процесс формирования этого направления археологической науки в Украине и рассматривают различные стороны этого явления – формирование методологии, биографии ученых, изучение различных археологических культур, конкретных памятников. Статья снабжена обширным библиографическим аппаратом, включая литературу, выходящую на западе Украины до 1941 года.

О.М. Мельникова в статье «История и историография археологии в контексте предмета археологии, интеллектуальной истории и современных практик воспроизводства науки» излагает свое видение состояния истории археологической науки в наши дни, рассматривает проблемы ее методологии и терминологии, а также подходов и методов исследования. Анализируя изменения, произошедшие в области историко-научных и историографических изысканий за последние восемь лет, автор статьи признает факт институционализации историко-научного направления в археологии в качестве самостоятельной субдисциплины.

Предлагаемое вниманию читателей издание продолжает серию сборников «Очерки истории русской и советской археологии» (1991) и «Очерки истории отечественной археологии» (1998; 2002), вышедших под редакцией А.А. Формозова, и является 4-м выпуском. Мы искренне надеемся, что издание этой серии Институтом археологии РАН будет продолжено и в дальнейшем.

ОТКРЫТИЕ ПОЗДНЕСКИФСКИХ ПАМЯТНИКОВ КРЫМА В 1820 – 1830-х ГОДАХ¹

© 2015 г. И.В. Тункина

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Санкт-Петербург

Ключевые слова: Крым, скифы, позднескифские городища, археологические памятники, архивные материалы

Начало дискуссии о местонахождении крепостей скифского царя Скилура (Палакий, Хабеи, Неаполь), упомянутых Страбоном (VII. 3. 17; 4. 3, 7), положило открытие древнегреческих надписей, скульптуры и монетного клада на территории городища Керменчик около Симферополя в 1827 году. Директор Одесского и Керченского музеев И.П. Бларамберг (1772–1831) в 1831 г. попытался локализовать эти три крепости и пришел к выводу, что Керменчик – это Неаполь, Балаклава – Палакий, а Хабеи он локализовал на территории древнего поселения в 5 верстах на юг от с. Отузы в окрестностях Старого Крыма. На основе архивных документов автор статьи доказал, что многие позднескифские памятники Тавриды были открыты в 1820 – в начале 1830-х гг. первыми исследователями древностей Крыма – П.И. Кёппеном (1793–1864), А.Я. Фабром (1789–1863) и швейцарским натуралистом Фредериком Дюбуа де Монпере (1798–1850). Это городища Вишенное (Ак-Кая), Усть-Бельбекское, Кермен-Кыр (Красное) и другие. В 1820-х гг. А.Я. Фабр снял планы древних поселений Меловое, Зуйское (Барут-Хане), Коныч (Монтанай), которые затем были обследованы П.И. Кёппеном в 1833–1834 гг., но эти материалы остались неопубликованными. Описанные еще в первой трети XIX в. позднескифские памятники Крыма были повторно открыты и обследованы лишь в XX веке.

Археологические остатки позднескифских памятников Тавриды привлекают внимание ученых не одну сотню лет. Внимание антиквариетов первыми привлекли городище и некрополь Керменчик в пределах современного Симферополя. С момента своего открытия

¹ Исследование проведено при поддержке Российского научного фонда, проект № 14-18-00010.

в 1827 г. этот памятник многими исследователями идентифицируется с упоминаемым в позднеантичных письменных источниках городом-крепостью Неаполем – столицей Крымской (Малой) Скифии. Именно поэтому в советской археологической литературе XX в. Керменчик традиционно именуют сложносоставным именем – Неаполь Скифский.

Ни одно позднескифское городище Тавриды не подвергалось столь длительному, разностороннему и целенаправленному изучению, как Керменчик. Историография памятника представлена сотнями работ – монографиями, диссертациями, сборниками статей и пр. Тем не менее в большинстве современных публикаций о начальном этапе изучения позднескифских памятников, прежде всего об открытии Керменчика, говорится лишь вскользь (Зайцев, 2003. С. 5; Шульц, 2004. С. 11), причем зачастую с фактическими и хронологическими ошибками. Современные ученые полагают, что события, *«положившие начало исследованиям позднескифских древностей, неоднократно описаны в литературе»* (Храпунов, 2004. С. 26), поэтому вновь обращаться к ним не имеет смысла.

Такое пренебрежительное отношение к истории собственной науки объясняется несколькими причинами. Во-первых, археология – сравнительно молодая научная дисциплина, поэтому подобная рефлексия большинства ученых всего лишь показатель ее «болезней роста». Во-вторых, археологи, более полугода занятые полевыми исследованиями, затем камеральной обработкой собранных материалов и написанием полевых отчетов, не располагают ни временем, ни желанием тратить усилия на изучение архивных документов об изучаемом памятнике. К тому же большинство из них просто не обладают эдиционными навыками для историко-архивных изысканий, не имеют представления об объеме, ценности и месте хранения ретроспективной документальной информации о «своем» памятнике и территории, и зачастую надеются получить необходимые сведения из публикаций «чистых» историков, архивистов и краеведов. В этой связи следует подчеркнуть, что практически никто из современных специалистов, занимающихся поздними скифами Крыма (за редкими исключениями), не привлекает архивные документы XIX в. для реконструкции истории изучения исследуемых ими городищ и некрополей.

С моей точки зрения, традиционный «историографический» подход к истории археологии в корне ошибочен. Без привлечения и критического анализа не только опубликованных работ, но в

первую очередь архивных материалов адекватная история изучения любого памятника, целого региона – в данном случае Крыма, конкретной археологической субдисциплины, в частности, скифологии, как и истории археологии в целом, не может быть написана вообще (Тункина, 2002. С. 19).

Очевидна невосполнимость археологических источников, уничтожаемых в процессе раскопок, именно поэтому записи, рисунки и схематические чертежи, выполненные нашими предшественниками, навсегда сохраняют свою ценность. Современными специалистами такая «полевая» документация зачастую воспринимается как дефектная – несовершенная, неполная и неточная. По моему убеждению, лапидарность и неполнота (с точки зрения современной науки) информации о раскопках XIX в. простительна. Ведь представления о предмете и объекте археологии, полевых и кабинетных методах исследования у антиквариетов, живших в прошлых столетиях, были *кардинально отличны* от взглядов ученых XXI в., располагающих качественно другим объемом археологической информации и работающих в рамках развитой, расчлененной научной дисциплины (Тункина, 2010. С. 69; 2011. С. 58). Современным ученым необходим отказ от позиции разоблачителя науки прошлого и безоглядной критики явлений, происходивших в дореволюционной археологии, в частности, навязчивого подчеркивания несовершенства методики раскопок того времени. Все научные практики (и полевые, и кабинетные) так или иначе отражают уровень развития научного знания на определенном историческом этапе и совершенствуются постоянно (Тункина, 2002. С. 9–11; Тункина, Щавелёв, 2013. С. 239–240).

Объекты изучения археологии имеют территориальную привязку, поэтому не только печатные, но и рукописные картографические материалы являются важнейшим инструментом археологических исследований. Карты и ситуационные чертежи антиквариетов прошлого позволяют привязать памятники к современной карте и внести сведения о них в геоинформационные системы, своды (кадастры) и историко-археологические описания объектов. Нередко документы имеют важную источниковедческую ценность как единственные свидетельства о погибших и частично разрушенных ныне памятниках. Каждый такой объект ценен и для статистических подсчетов, и для картографирования памятников, и для установления охранных зон археологических объектов, поэтому я в полной мере присоединяюсь к выводу А.А. Формозова, что по мере разви-

тия археологии значение архивных материалов будет непрерывно возрастать (Формозов, 1978. С. 39–41).

Высказанные в преамбуле размышления полностью подтверждаются при реконструкции по архивным материалам и дореволюционной периодике истории изучения позднескифских памятников Крыма, многие из которых впервые были описаны еще в 1820 – 1830-х гг., а затем заново открыты лишь в XX столетии.

Исследования И.П. Бларамберга

С момента основания в 1784 г. столицы русской Тавриды – Симферополя, городище Керменчик, расположенное на юго-восточной окраине города, выполняло функции каменоломни – из него постоянно ломался и вывозился штучный камень, употреблявшийся для строительства казарм, госпиталей, других общественных и частных зданий, а также для прокладки новых дорог. В соседней слободке, названной Петровской, были размещены солдаты, которые использовали древний камень в качестве готового строительного материала. Керменчик как памятник археологии долгое время не попадал в поле зрения ученых и путешественников, только в 1810 – 1820-х гг. он обратил на себя внимание живших по соседству иностранцев на русской службе: естествоиспытателя Х.Х. Стевена и врача П.И. Ланга. Известно, что именно в этот период камень из Керменчика использовался при строительстве дороги Симферополь – Алушта, проложенной прямо под плато с городищем в 1824–1826 гг. Весной 1827 г. случайное открытие татарами при ломке камня древнегреческих надписей, рельефов и клада из 165 греческих и римских золотых, серебряных и медных монет подтолкнуло первого директора Одесского и Керченского музеев древностей И.П. Бларамберга (1772–1831) к скорейшему началу раскопок на городище близ Симферополя (Тункина, 2002. С. 537–544). Информация об этих находках дошла до Султана А.И. Крым-Гирея Ката Гирея, который поспешил приобрести керменчикские находки.

Из писем И.П. Бларамберга А.И. Крым-Гирею и А.Я. Фабру за 1827–1828 гг. выясняются подробности, которые расходятся с официальной версией открытий, известной из опубликованных работ И.П. Бларамберга. В личных письмах А.И. Крым-Гирею И.П. Бларамберг просил приобрести найденные памятники у татар, открывших надписи, и за собственный счет «в долг» «осуществить съемку местности без промедления с помощью землемера или помощника

архитектора в виде небольшого плана или чертежа этих руин и укреплений». Он обещал по приезде в Симферополь немедленно оплатить все его расходы из средств, которые выделены на раскопки в Керчи генерал-губернатором Новороссийского края М.С. Воронцовым, а также просил снять копии найденных греческих надписей и как можно быстрее прислать их в Одессу. Он умолял всю операцию «не предавать огласке» из опасения «препятствий», которые могли возникнуть со стороны «полу-антиквариев» (СПФ АРАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 344. Л. 217 об.–219 об.).

Дело в том, что И.П. Бларамберг намеревался сделать приятный сюрприз М.С. Воронцову и надеялся сохранить весть об открытии до поры до времени в тайне. Он хотел предотвратить утечку информации о находках, чтобы до его приезда в Симферополь не поползли слухи, которые могли просочиться и в газеты: частные коллекционеры «антиков» как местные, так и путешественники вполне могли перекупить древности и провести раскопки на месте открытия рельефов, надписей и монет еще до его приезда в Симферополь. Одесский антикварий явно опасался, что А.И. Крым-Гирей мог продать керменчикские находки коллекционерам древностей из Великобритании (Султан получил образование в Эдинбургском университете и стал протестантским миссионером Библейского общества в Крыму).

Не позднее 28 мая 1827 г. И.П. Бларамберг в сопровождении своего 17-летнего сына Михаила, выполнявшего функции «временного инженера», чертежника и рисовальщика при раскопках и разведках в Крыму, прибыл в Симферополь для проведения археологических раскопок. На исследования в Тавриде ему была ассигнована 1 тыс. рублей из Канцелярии Новороссийского генерал-губернатора. Первым делом антикварий нанес визит А.И. Крым-Гирею, где осмотрел находки, рассчитался с ним за приобретенные у татар древности, а также сверил полученные им ранее копии греческих надписей с оригиналами.

С целью удешевления работ И.П. Бларамберг начал раскопки одновременно в тех местах городища, где на глубине двух аршин (1,4 м) были открыты первые древности, – барельеф всадника и греческие надписи, а также клад монет римской эпохи, найденный в 200 шагах далее. В первый же день был открыт фрагмент рельефа с изображением парного портрета двух варваров, обращенных вправо, которые позднее были приняты им за портреты скифского царя Скилура и его сына Палака. Из-за нездоровья И.П. Бларамберга масштаб раскопок был незна-

читательным – он планировал после завершения работ в Симферополе заехать в Керчь и вернуться в Одессу уже через три недели.

Неожиданные находки заставили И.П. Бларамберга включиться в дискуссию о соотношении городища Керменчик с одним из городов Скифии, засвидетельствованных античной нарративной традицией. Как мне удалось установить при фронтальном просмотре ежегодных подшивок, в трех, а не в двух (как было принято считать в литературе) номерах французского и русского изданий официальной газеты Новороссийского края «Journal d'Odessa» («Одесский вестник»), И.П. Бларамберг сообщил читателям об открытии различных древностей на городище близ Симферополя (B[ларамберг], 1827а–с. Рус. переводы: [Бларамберг], 1827а, в). Содержание первых двух писем, изданных на русском языке, дословно воспроизведено в анонимной статье для журнала «Сын Отечества», где об археологе говорится в третьем лице ([Бларамберг], 1827б).

В этих публикациях И.П. Бларамберг приводит перечень основных находок 1827 г. из собрания А.И. Крым-Гирея и собственных раскопок: «1-е. Греческая надпись на камне, во многих местах изглаженная, на коей начальные слова «Царь Скилур»...» (СІГ, II, 2103=ІРЕ, І², 668); «2-е. Надпись на мраморном пьедестале следующего содержания *Дио* (то есть, Юпитеру) *Атавирийскому от Посидия, сына Посидиева, приношение*» (СІГ, II, 2103b=ІРЕ, І², 670); «3-е. Надпись на мраморе, упоминающая о приношении, сделанном тем же самым гражданином нимфе Напее Акмине». Кроме правильно восстановленного имени почитателя – Посидея, сына Посидея, И.П. Бларамберг неверно восстановил остальной текст этой надписи (СІГ, II, 2103c=ІРЕ, І², 671), но его чтение уже к 1831 г. исправил А. Бёк как посвящение Афине Линдии; «4-е. Обломок верхней части барельефа, на твердом камне высеченного, работы изящной, на коем видны изображения в профиль старца с длинною бородою и молодого человека. Длинные их волосы распущены по плечам, а на головах имеют они шапки..., сходные с теми, кои на разных греческих вазах покрывают головы амазонок-савроматид, одетых в анаксириды (род скифского исподнего платья)»; «5-е. Барельеф, представляющий, как кажется, того же самого молодого человека на коне, в такой же шапке, одетого в анаксириду, и имеющего на плечах род хламиды, или короткого плаща... По всем сим признакам невозможно не узнать одеяния скифского»; «6-е. Кусок плоского кирпича, на коем изображено по-гречески имя одного *астинома*...». Этот фрагмент плоской херсонесской черепицы (СІГ, II, 2103d) был найден либо до начала раскопок, «среди развалин, разбросанных по земле этой

древней крепости», либо на второй день исследований на месте, где был заложен раскоп И.П. Бларамберга; «7-е. Малый сосуд, наполненный серебряными монетами римских императоров; древнейшие принадлежат царствованию Нерона, а позднейшие владычеству Макрина». Судя по описанию Х.Х. Стевена, монетный клад 1827 г., приобретенный А.И. Крым-Гиреем и найденный в 200 метрах от места находок надписей и рельефов, был зарыт в лепном скифском сосуде – «дрянном глиняном горшке». При раскопках 1827 г. были также найдены фрагмент рельефа с изображением головы собаки и мелкие золотые бляшки круглой формы, запечатленные на рисунках М.И. Бларамберга, которые отсутствуют на опубликованных литографированных таблицах. Именно поэтому они выпали из поля зрения науки вплоть до 2002 г. (Тункина, 2002. Рис. 142–143). Если рельефу с собакой посвящена отдельная статья И.П. Бларамбера в «Journal d'Odessa», то бляшки даже не упомянуты в текстах его рукописных и печатных работ о Керменчике, они известны только по рисункам.

А.И. Крым-Гирей, купивший у татар найденные на городище Керменчик древности, просил И.П. Бларамберга передать в дар М.С. Воронцову приобретенные им римские монеты. В свою очередь И.П. Бларамберг выражал надежду, что граф обратится к Крым-Гирею с просьбой о продаже Одесскому музею остальных открытых древностей – камней с греческими надписями и рельефа «конного Палака». В сентябре 1827 г. керменчикские находки оставались еще в симферопольском доме А.И. Крым-Гирея. Об этом оставил свидетельство шотландец Джеймс Уэбстер: «Мы пообедали с Султаном, который показал нам грубо выполненный рельеф скифского воина на коне. Рядом с ним была надпись, в которой упоминается царь Скилур [в тексте Scelerius – *И.Т.*]. Согласно Султану, он был найден в миле от Симферополя [в тексте Symferapol – *И.Т.*]. Он предполагает, что третья крепость Скилур² находилась на соседнем холме. Там есть много интересных руин глубокой древности, о которых русские знают, но, однако, выказывают к ним неуважение, употребляя рельефы и камни с надписями для ремонта дорог. Чтобы убедить нас в этом, Султан снял часть вымостки дороги и, указывая на камни, сказал “Там они лежат”. Можно ли представить что-либо более варварское?» (Webster, 1830. P. 94).

По просьбе М.С. Воронцова керменчикские памятники «в дар» от А.И. Крым-Гирея поступили в Одессу. При этом властитель Но-

² Вслед за И.П. Бларамбергом А.И. Крым-Гирей считал Керменчикское укрепление Неаполем.

вороссии остался в неведении, что А.И. Крым-Гирей был щедро вознагражден за свои «дары» из средств, выделенных И.П. Бларамбергу на раскопки 1827 г. Еще двумя неделями ранее до официального обращения М.С. Воронцова к А.И. Крым-Гирею газета «Одесский вестник» 20 февраля 1828 г. сообщила читателям: «Одесский музей обогатился разными любопытными предметами, из коих особенно замечательны: три надписи и большой барельеф, открытые близ Симферополя в одной возвышенности, укрепленной в древние времена. На сем урочище кажется находилась одна из крепостей, которые, по словам Страбона, были построены Скиллуром, царем тавро-скифов, и его сыновьями. Означенные памятники, пожертвованные отставным поручиком Султаном Кади Гирей Крым-Гирей, присоединены к барельефу, открытому в том же месте статским советником Бларамбергом. Барельеф сей изображает царя Скиллура и, вероятно, сына его Палакиона» (Взгляд, 1829. С. 59).

После перевозки в Одессу керменчикские находки первоначально хранились у самого И.П. Бларамберга, изучавшего их и не спешившего передавать монеты, рельефы и надписи в музей. В его личном собрании они оставались вплоть до смерти антиквара. В 1842 г. большая часть керменчикских памятников в составе собрания И.П. Бларамберга была приобретена на средства города Одессы у его наследников для городского музея древностей. Таким образом, за керменчикские находки государственные средства были заплачены дважды: первый раз в 1827 г. – А.И. Крым-Гирею, второй раз в 1842 г. – наследникам И.П. Бларамберга. В декабре 1858 г. памятники поступили в музей Одесского общества истории и древностей, который объединил оба археологических собрания (Тункина, 2002. С. 286), ныне Одесский археологический музей Национальной академии наук Украины.

Тексты донесений М.С. Воронцову о раскопках в Керменчике 1827 г. и иллюстрации к ним собраны И.П. Бларамбергом в отдельных манускриптах и особом рукописном сборнике под названием «*Cartes et dessins se rapportant à la découverte récente de différentes antiquités trouvées près de la ville de Symphéropol en 1827*». Рукописи, рисунки, планы и литографии находок Бларамберга сохранились в нескольких архивах России, Украины и Германии (ИР НБУВ. V, 1021; V, 1032; V, 1048; ГАРФ. Ф. 1463. Оп. 2. Д. 1217. Л. 8–21; ОР РГБ. Ф. 203. Папка 193. № 1. Л. 1–13; РСА СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 2. Д. 253. Л. 21–22; Тункина, 2002. С. 540; 2004. С. 242–244, 248–249). Значительный интерес представляют частные письма антиквара

о находках на Керменчике. Так, четыре письма И.П. Бларамберга А.Я. Фабру из Одессы в Симферополь 1827–1828 гг. посвящены попыткам прочтения древнегреческих надписей и исторической интерпретации рельефов (НА ОАМ НАНУ. № 83181. Л. 1–15).

И.П. Бларамберг очень быстро осознал значение керменчикских находок для решения «проблемы, которая со времен Страбона до сего дня ждала решения» ([Blaramberg], 1827а. Р. 187). В первых двух письмах в «Journal d'Odessa» археолог осторожно предположил, что находка надписи с именем скифского царя Скилура (CIG, II, 2103=IPE, I², 668), упомянутого в «Географии» Страбона вместе с сыном Палаком (*Strabo*, VII, 3, 17; 4, 3, 7), позволяет считать Керменчик одной из построенных властителем Скифии крепостей. Эти укрепления перечислены древним географом в следующем порядке – Палакий, Хаб (или «Хавон», Хабон, Хабеи) и Неаполь. Они служили опорными пунктами в войнах скифов против полководцев Митридата VI Евпатора (*Strabo*, VII, 4, 3, 7). И.П. Бларамберг в своих газетных статьях 1827 г. еще не решался соотнести реальные археологические остатки на Керменчике с конкретным топонимом, упомянутым Страбонном, – Неаполем или Палакием. Именно поэтому автор статьи, опубликованной в «Сыне Отечества», прямо писал, что И.П. Бларамберг «не берет на себя решить, которое именно из трех названий принадлежит описанному месту» ([Бларамберг], 1827б. С. 362).

Сразу после обнародования исследований И.П. Бларамберга в «Journal d'Odessa» его друг И.А. Стемповский безоговорочно принял локализацию одной из крепостей Скилура на Керменчике: «Всякий беспристрастный читатель согласится с мнением сего археолога [И.П. Бларамберга – И.Т.], полагающего, что скифское укрепление составляло одну из трех крепостей, тавро-скифским царем Скилуром и сыновьями его построенных. Приводимые г-ном Бларамбергом доказательства, основанные на свидетельстве древних писателей и достовернейших памятников, неоспоримы; а если и найдутся люди, которые будут стараться опровергнуть оные, то сим обнаружат они только или весьма непохвальное пристрастие, или самый вредный для науки скептицизм» (Крымский помещик, 1827. С. 352). Находки 1827 г. в конце концов подтолкнули И.П. Бларамберга к выводу о тождестве Керменчика с Неаполем Страбона и заставили в 1828–1830 гг. заняться разведками с целью определения местонахождения двух других крепостей Скилура.

Через несколько лет после появления трех статей в «Journal d'Odessa» И.П. Бларамберг написал большую статью о трех тавро-

скифских крепостях, которые согласно Страбону были построены скифским царем Скилуром (Blaramberg, 1831; рус. перевод: Бларамберг, 1889). Автор посвятил свою книгу великому князю Михаилу Павловичу, брату императора Николая I, который покровительствовал археологическим исследованиям на юге России.

В брошюре 1831 г. И.П. Бларамберг пытался доказать, что укрепление Керменчик под Симферополем являлось Неаполем – «царским местопребыванием», столицей царя тавро-скифов Скилура. Здесь И.П. Бларамберг впервые опубликовал литографии керменчикских находок – «рисунки памятников, доселе еще нигде неизданные», которые «представляют собою неоспоримые доказательства, вместе с планами и картою, относительно царствования царя Скилура, о котором упоминают Страбон и Плутарх». По мнению И.П. Бларамберга, найденные в Ольвии три монеты Скилура показывали портретное сходство с изображением на парном барельефе из Симферополя: антикварий предположил, что это портреты бородатого скифского царя Скилура и молодого воина, его сына Палака. На взгляд И.П. Бларамберга портрет старика аналогичен изображению на неизданной ольвийской медной монете скифского царя Скилура, где тот изображен с длинной бородой ([Бларамберг], 1827б. С. 363). Волосы и прическа юноши на парном барельефе были подобны изображению на барельефе молодого всадника, который одет в широкие штаны (анаксириды), короткий плащ или хламиду. Следовательно, базируясь исключительно на цепочке собственных предположений, вытекающих одно из другого, И.П. Бларамберг посчитал рельеф юного всадника «на твердом камне» из собрания А.И. Крым-Гирея изображением Палака. Система доказательств антиквария, предположившего, что найденные барельефы изображают Скилура и его сына Палака, строилась на сходстве изображения «старца» на парном рельефе из Керменчика со штемпелями ольвийских монет с именем Скилура, властителя Скифии. Первоначально И.П. Бларамберг располагал только одной поврежденной ольвийской монетой «бородатого Скилура», но вскоре «разновременно» приобрел два других типа монет с его именем, также найденных в Ольвии. Все эти монеты, по его словам, поступили в фонды Одесского городского музея древностей ([Бларамберг], 1827б. С. 364–365). По дошедшим до нас рисункам этих нумизматических памятников и литографиям появилась реальная возможность идентифицировать монеты в собрании Одесского археологического музея НАНУ и установить их принадлежность коллекции И.П. Бларамберга.

Согласно концепции И.П. Бларамберга, Неаполь, локализованный им на городище Керменчик, являлся греческой колонией родосцев, существовавшей под покровительством царя тавроскифов Скилура, где располагалась его резиденция. Это предположение, на взгляд автора, доказывали находки двух посвященных надписей на древнегреческом языке от лица Посидея, сына Посидея, Зевсу Атабирию и Афине Линдии (IPE, I², 670–671). По мнению И.П. Бларамберга, открытое древнее укрепление принадлежало грекам, жившим под владычеством Скилура, скорее всего выходцам с острова Родос, где Зевс Атабирий особенно почитался. В брошюре 1831 г. автор уже не упоминает посвящение Посидея мнимой нимфе Напе Акмене – оно верно атрибутировано как посвящение Афине Линдии без ссылки на первоначальное ошибочное чтение³. Тогда же И.П. Бларамберг издал гравюру с планом городища Керменчик, снятым его сыном Михаилом с оригинала Савина (Blaramberg, 1831. Lit. A).

Вторую тавро-скифскую крепость Палакий (Pallakium) И.П. Бларамберг локализовал у входа в Балаклавскую бухту. Он согласился с авторитетным мнением академика П.С. Палласа, который по созвучию названий Палаклава/Балаклава поместил здесь гавань или

³ Еще в 1829 г. И.П. Бларамберг отправил немецкому эпиграфисту, профессору А. Бёку копии многих севернопричерноморских надписей для включения во второй том «Corpus inscriptionum Graecorum» (1843). Эти материалы сохранились в архиве Inscriptiones Graecae в Берлине (благодарю А.И. Иванчика за информацию). В недоданных до нас частных письмах Бёк правильно восстановил тексты посвященных надписей, о чем сообщил И.П. Бларамбергу, и тот в брошюре 1831 г. опубликовал их исправленное чтение. В леммах к неапольским надписям берлинский профессор очень осторожно высказался о локализации одной из крепостей Скилура в Симферополе, на месте которой либо до, либо после царствования Скилура, судя по клейменной херсонесской черепице, могла возникнуть колония Херсонеса Таврического. «Бларамберг полагает, – писал А. Бёк, – что эта крепость возле Симферополя некогда была Неаполем, и, возможно, эта крепость Скилура прежде была греческой колонией. Возможно также, что боспоряне или, скорее, подчиненные им жители Херсонеса... вывели колонию в Неаполь после покорения местных скифов и тавров... Как бы то ни было, там жил родосец». А. Бёк принял гипотезу И.П. Бларамберга, что Посидей, сын Посидея, известный по посвященным надписям из Ольвии и Симферополя, был родосцем по происхождению. В лемме к херсонесскому черепичному клейму А. Бёк высказал мысль, что если оно «не привезено из какого-нибудь другого места, может быть, с какой-нибудь фабрики по соседству с Херсонесом... там должна была быть совершенно греческая колония... Итак, можно было бы говорить о том, что туда была выведена колония Херсонеса после Скилура. Однако это не достоверно» (SIG, II, 2103d. P. 147).

бухту Символов (Симболон лимен) Страбона (*Strabo*, VII, 4, 2). Древний географ писал, что это «гавань с узким входом» – Симболон лимен, «где тавры (скифское племя) обычно собирали свои разбойничьи банды, нападая на тех, кто спасался сюда бегством». Между 1827–1830 гг. сын И.П. Бларамберга Михаил составил два плана Балаклавской крепости – генуэзской Чембало, на месте которой его отец локализовал Палакий – к востоку от устья бухты, на горе Кастрон (Blaramberg, 1831. Lit. B).

Третью крепость – Хабон (Хаб, Хабеи, Хавон) И.П. Бларамберг искал в окрестностях Кафы (Феодосии) и соотнес с городищем, находящимся «в 5 верстах» южнее с. Отузы неподалеку от Эски-Крыма (Старого Крыма). Речь идет о средневековом укреплении, известном как Кордон-Оба. В этих развалинах, названных им «крепостцой», И.П. Бларамберг нашел «черепки древних сосудов», видимо античных, хорошо известных ему по раскопкам в Керчи. И.П. Бларамберг полагал, что здесь существовала греческая колония, возможно, Афинеон или порт скифо-тавров (*Anon. PPE*, 76(50), 78(52), 82(56)), которая могла существовать рядом с «Хавоном» «под покровительством скифов», как аналогичная «греческая колония родосцев» в Керменчике–Неаполе. Михаил Бларамберг в 1829 г. снял рукописный план этого «тавро-скифского» порта, гравюра с которого была опубликована в 1831 г. (Blaramberg, 1831. Lit. C).

Резюмируя свое исследование о трех тавро-скифских крепостях, И.П. Бларамберг, опиравшийся на Страбона, сделал вывод, что «угнетающее могущество» царя Скилура простиралось не только до Ольвии, как доказывают его монеты, но и на всю южную часть Тавриды, включая южный берег полуострова от Балаклавы до Феодосии. «Главные притоны» тавро-скифов, занимавшихся грабежом в Тавриде, были построены на пограничных окраинах побережья Крыма – от Балаклавы на западе, т.е. на границе с Херсонесом Таврическим, с которым вел войну Скилур, до долины с. Отузы на востоке, на границе с Боспорским царством; на севере контролируемые ими земли простирались до Симферополя. Три главные крепости тавро-скифов, прежде всего Керменчик-Неаполь, располагавшийся на перекрестке торговых путей к Перекопу, Кучук-Ламбату, Алуште и пр., контролировали ситуацию на всем полуострове (Blaramberg, 1831. P. 35–36; Бларамберг, 1889. С. 68). Приложенная к книге И.П. Бларамберга карта южной части Крыма демонстрировала расположение крепостей и места расселения тавро-скифов (Blaramberg, 1831. Lit. D).

Исследования П.И. Кёппена, А.Я. Фабра и Ф. Дюбуа де Монпере

Другим исследователем Крыма, обратившим внимание на позднескифские городища, стал П.И. Кёппен (1793–1864). Еще в октябре 1819 г. 26-летний путешественник начал отмечать видимые на поверхности следы «прежних укреплений» (СПФ АРАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 132. Л. 1 об.–2). Но только после перевода на службу в Тавриду в 1827 г. интерес П.И. Кёппена к памятникам археологии проявился в полной мере. Инициатива П.И. Кёппена по описанию крымских укреплений была поддержана генерал-губернатором Новороссии графом М.С. Воронцовым, который выделил на эти исследования 1200 рублей. С июня 1833 г. ученый стал «странствовать» по горам для открытия «важнейших мест, отыскивая следы древних крепостей и нагорных стен, узнавая дороги и тропы...» (Кёппен, 1834. С. 18). Результаты исследований П.И. Кёппена нашли отражение в неизданных трехтомных «Материалах для ближайшего познания горной части Крыма: Путевые заметки (1833–1834)», переписанных от руки его дочерьми с черновых путевых записей под наблюдением отца (СПФ АРАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 343–345). Рукопись включает сведения о городище Керменчик, в том числе набросок его плана (Тункина, 2002. С. 97. Рис. 20). Печатным результатом исследований укреплений Тавриды стал хорошо известный «Крымский сборник» (Кёппен, 1837). Книга планировалась как четырехтомник, но первый выпуск оказался единственным. П.И. Кёппен опубликовал план Керменчикского укрепления (Кёппен, 1837. С. 325–326; Тункина, 2002. С. 98. Рис. 21) и посчитал локализацию И.П. Бларамберга, считавшего городище Неаполем, вполне правдоподобной, но далеко не окончательной гипотезой.

Именно П.И. Кёппен, тщательно изучивший предгорья и горный Крым, в какой-то мере развивая мысли И.П. Бларамберга, высказал предположение, что северная часть предгорий Тавриды защищалась сетью древних укреплений или военных блокпостов, преграждавших путь в горные районы и выходы к морю. В укреплениях горного Крыма ученый видел регулярные цепи взаимосвязанных и построенных по единому плану крепостей, однако он ошибочно включил в свою «систему» разновременные памятники – как античные, так и средневековые. П.И. Кёппен резонно полагал, что большая часть укреплений Таврики относится к византийской эпохе – «послеюстиниановскому времени» (Кёппен, 1837. С. 2, 44–45, 295). Но ряд городищ, в том числе Керменчик, ученый

справедливо приписал позднеантичной эпохе. За позднескифское укрепление, построенное Палаком и другими сыновьями Скилура, он принял также крепость Сарымамбаш-Кале (Сарымамбаш-Кермен) «на земле деревни Мангуш» к юго-востоку от «деревни Бадрак» на р. Бодрак в Юго-Западном Крыму (Кёппен, 1837. С. 318–319). Уже в нашу эпоху было установлено, что это укрепление датируется XIV–XV вв. (Мыц, 1991. С. 127).

П.И. Кёппен, полемизируя с И.П. Бларамбергом, локализовал Хабеи («Хавон») на территории современной ему Феодосии, а не под Отузами. Он, тем не менее, опубликовал глазомерный план отузского укрепления, предположительно отнесенного им к XIV–XVI вв. (Кёппен, 1837. С. 101–107). К позднескифским памятникам сегодня относят ряд описанных П.И. Кёппеном городищ – *Альма-Кермен (Заветное)*, а также открытое Ф. Дюбуа де Монпере укрепление *Кермен-Кыр (Красное)* у деревни Сарайли-Кият (Кёппен, 1837. С. 5, 334–335, 347).

В 1833 г. коллекционер и любитель древностей А.Я. Фабр (1789–1863) передал П.И. Кёппену для ознакомления планы трех позднескифских городищ, открытых им к востоку от Симферополя во время обследования древностей Тавриды. Эти укрепления находились вдоль границы степи и предгорий, в бассейнах рек Зуи и Бурульчи – правых притоков Салгира. По мнению С.Г. Колтухова (Колтухов, 1999. С. 7; Колтухов, Юрочкин, 2004. С. 46) именно А.Я. Фабр, а не П.И. Кёппен, первым поставил вопрос о существовании в предгорном Крыму единого стратегического оборонительного рубежа и рассматривал тавро-скифов как «горских скифов», защищавших свои рубежи в предгорьях линией небольших крепостей (Фабр, 1844. С. 239; 1859. С. 14). На мой взгляд, эта идея в зародыше была высказана еще И.П. Бларамбергом в труде о трех тавро-скифских крепостях, затем она оказалась подхвачена и развита в трудах П.И. Кёппена, А.Я. Фабра и Ф. Дюбуа де Монпере, которые, безусловно, обсуждали эту проблему при личных встречах.

Согласно А.Я. Фабру, приморские районы Крыма были заняты греческими колониями, защищавшимися от варваров стенами и валами, а степи имели «других обитателей». На его взгляд, «... горная часть Тавриды имела свою охранительную линию, которая, начинаясь в окрестностях Севастополя и Балаклавы, должна была изгибаться по направлению гор до речки Кара-су, а оттуда, продолжаясь под тупым углом, примкнуть к Черному морю около Феодосии» (Фабр, 1844. С. 240; 1859. С. 14–16). А.Я. Фабр занялся ис-

следованиями на местности и пришел к выводу, что эти крепости, включая Керменчик у Симферополя, Чоргунь, Мангуп, Альбат, Керкес-Кермен, Эски-Кермен, Тепе-Кермен, Чуфут-Кале, а также «следы древних укреплений на р. Альме и в округе д. Ягмурчи по Саблынской дороге», представляют единую систему обороны – «непрерывный ряд укреплений, простирающихся вдоль гор и соответствующих тем, которые находятся на противоположной покатости высоте, составляющих Южный берег, как бы для защиты входов и выходов теснин» (Фабр, 1844. С. 240). Как и П.И. Кёппен, А.Я. Фабр включил в эту «единую систему обороны» разновременные памятники. Цель сооружения всех этих крепостей по внешней северной границе предгорий в древности – контроль над степной частью полуострова. Пройдя по этой виртуальной линии две трети пути, А.Я. Фабр достиг междуречья Зуи и Бурульчи, где на «уединенных» скалах обнаружил следы трех укреплений. Он верно подметил, что многие крымские крепости имеют фигуру неправильного пятиугольника – «три только бока его искусственные, т.е. состоят из вала и рва, остальные же два заменяются отвесною скалою».

Тогда же А.Я. Фабр снял глазомерные планы этих трех укреплений и «впоследствии сообщил» их П.И. Кёппену «вместе с мнением... о линии древних крепостей» (Фабр, 1844. С. 242). Однако эти планы так и не были опубликованы, так как автор съемки планировал их издать в собственных трудах, но свое намерение не осуществил. Причина такого поступка очевидна – научная ревность А.Я. Фабра, который запретил П.И. Кёппену их публикацию в «Крымском сборнике»: «Все эти три укрепления открыты и со всеми подробностями сняты А.Я. Фабром, благоволившим сообщить мне составленные им планы, которые, к сожалению, обстоятельства не позволяют мне представить здесь моим читателям», – с сожалением констатировал Пётр Иванович (Кёппен, 1837. С. 352). К счастью, подлинные планы А.Я. Фабра и копии с них с дополнениями и уточнениями П.И. Кёппена дошли до наших дней. Подлинники планов я обнаружила в 1986 г. в составе рукописного сборника документов, подаренного А.Я. Фабром как членом-основателем в 1839 г. Одесскому обществу истории и древностей (Тункина, 2002. С. 142). Сегодня сборник А.Я. Фабра хранится в Научном архиве Одесского археологического музея НАНУ, а копии его планов городищ Малой Скифии – в личном фонде П.И. Кёппена в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН.

Копии П.И. Кёппена более информативны, так как содержат его собственные дополнения, сделанные прямо на местности, поэтому они были опубликованы первыми (Тункина, 2013б. С. 327. Рис. 1; С. 328. Рис. 1а; С. 330. Рис. 1б; С. 334. Рис. 3; С. 335. Рис. 4; С. 336. Рис. 5; С. 337. Рис. 5а).

П.И. Кёппен сам обследовал все три укрепления в октябре 1833 г., пользуясь полученными от А.Я. Фабра глазомерными планами. Первое укрепление пятиугольной формы было открыто А.Я. Фабром на р. Зуе на горе Кирк-Азиз (*тат.* Сорок святых), именуемое татарами Барут-Хане (Пороховой завод), близ д. Каяасты и д. Конечи. Оно расположено на высокой скале и отделено валом и рвом, причем «вне вала» А.Я. Фабром были отмечены «следы жилищ» (Фабр, 1844. С. 241; 1859. С. 16). На этом плане А.Я. Фабром зафиксированы два позднескифских городища (рис. 1) – Зуйское (Барут-Хане) и на горе *Монтанай* (Коньч) у р. Коньч (НА ОАМ НАНУ. № 83181. Л. 28–29. № 13; ср.: Тункина, 2013б. С. 327. Рис. 1; С. 328. Рис. 1а; С. 330. Рис. 1б).

Зуйское городище, или *Барут-Хане*, расположено на краю обрывистого плато у северной окраины с. Литвиненково, которое включило несуществующие ныне с. Кен-Тогай и с. Подгорное (бывшее Кая-Асты) Белогорского района АРК (Фабр, 1859. С. 16; Дашевская, 1991. С. 5; Колтухов, 1999. С. 109–110; Колтухов, Юрочкин, 2004. С. 46). По заключению П.И. Кёппена, «план Андр. Яковл. Фабра точен, но бугры и лощины показаны слишком явственно: они в натуре несравненно отлогее и отчасти едва приметны, однако же действительно существуют» (СПФ АРАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 344. Л. 133 об.). Кёппен составил и собственный глазомерный набросок укрепления, на котором отметил вал длиной 270 шагов «от одного края крутого берега до другого».

Только столетие спустя, в 1949 г. позднескифское Зуйское городище (Барут-Хане) с селищем, расположенное к северу от г. Зуя у с. Владимировка было заново открыто и обследовано П.Н. Шульцем и Н.Н. Погребовой, а в 1968 г. – А.И. Барановым. В 1984 г. С.Г. Колтухов заложил здесь разведочные шурфы и провел рекогносцировку на платообразной возвышенности, ограниченной скальными обрывами высотой до 20 м с юго-запада. Городище площадью 1,2 га, по его данным, было подтреугольным в плане, защищено с напольной стороны остатками каменной стены в виде валообразного возвышения (восточный участок имеет протяженность 70 м, северный – 170 м); восточная часть стены была уси-

лена башнями, расположенными в 40 м одна от другой (рис. 2). Мощность культурного слоя составляет от 0,2 до 0,5 м, археологический материал датируется рубежом III–II в. до н.э. – I в. н.э. Синхронное городищу селище с четырьмя зольниками примыкает к нему с запада и востока, причем в западной части заметны остатки многочисленных построек, редких с восточной стороны (Дашевская, 1991. С. 46. № 9; Колтухов, 1999. С. 44, 109–110. № 19). Ближайшим аналогом этому памятнику С.Г. Колтухов считает другое укрепление, открытое А.Я. Фабром, – городище Меловое. В.Г. Зубарев локализует здесь Ассираны (*Plin. NH*, IV, 85), а где-то рядом – Пассириду (*Ptol.*, III, 5, 13), так как именно отсюда он обозначает виртуальный «поворот дороги на карте Птолея к югу и к юго-востоку в сторону Феодосии» (Зубарев, 2005. С. 229, 442).

Второе укрепление в междуречье Зуи и Бурульчи было найдено А.Я. Фабром на горе *Коньч (Монтанай)*, имеющей «вид усеченного конуса», близ которой протекала «иссякающая» речка Монтанай, в 5 верстах (5,33 км) к юго-востоку от Барут-Хане. «Большие» оборонительные стены были укреплены круглыми башнями. Здесь А.Я. Фабр зафиксировал «остатки каких-то оград» (Фабр, 1844. С. 241; 1859. С. 16–17), возможно, каскады земледельческих террас, нанесенные на план. П.И. Кёппен отметил, что на горе Коньч (у него – Хоньч) «заметны следы многих жилищ, каковые видны и на бугре, отделенном от оной ложиною» (Кёппен, 1837. С. 351). «С планом А.Я. Фабра я отправился на гору Хоньч, с коей обозреть можно все окрестности, – записал П.И. Кёппен. – Тут приметны и поныне следы стен, как оные на плане указаны. Замечу только, что пространство между Монтанаем и Зуею шире; оно более похоже на то, как оно показано на карте Мухинской. У А.Я. [А.Я. Фабр. – *И.Т.*] оба русла сии почти идут параллельно. Да сверх того скажу, что ложица между Хоньчем и бугром, на коем также видны следы построек, в натуре пространнее. Не сомневаюсь в том, что гора Хоньч служила некогда одним из наблюдательных пунктов против набегов, могущих делаться с севера» (СПФ АРАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 344. Л. 135 об.–136).

Городище на горе *Коньч (или Монтанай)* площадью 1,7 га, расположенное на столовой горе в междуречье Зуи и Бурульчи, было заново открыто и обследовано в 1968 г. А.И. Барановым и в 1991 г. С.Г. Колтуховым. К этому времени камни из стен и башен внешней оборонительной стены были полностью разобраны местным населением как готовый строительный материал. С.Г. Колтухов открыл

на южной оконечности вершины площадью около 0,3 га задернованные остатки стены цитадели, а внутри ее – курган высотой более 3 метров. «Признаков построек и культурного слоя на городище и склонах горы нет», – констатировал археолог. В 200–300 м от подножья горы он зафиксировал остатки домов, видимо, позднесредневековых, а также подъемный материал позднеэллинистического и римского времени (Колтухов, 1999. С. 110. № 20).

Третье укрепление, по его словам самое крупное по площади, А.Я. Фабр обнаружил в 5–6 верстах (5,3–6,4 км) далее к северо-востоку при р. Бурульче (правый приток Салгира) близ деревень Боркая и Борасхан. Это городище ныне известно как *Меловое* на реке Бурульча, между современными селами Долиновка и Цветочное Белогорского района АРК. Согласно А.Я. Фабру, укрепление расположено на «утесистой горе», защищено валом и рвом, остатками стен и башен. Он отметил здесь следы значительного поселения, которое характеризуют «насыпная во многих местах земля, изрытые и волнистые площади и пр.». Его возведение местные татары приписывали «франкам», т.е. генуэзцам. А.Я. Фабр принял этот памятник за город Паросту, упомянутый Птоломеем (*Ptol.*, III, 6, 5), локализация которого до сих пор дискуссионна (Качарава, Квирквелия, 1991. С. 216–217).

До нас дошло три глазомерных плана этого городища, составленных А.Я. Фабром (рис. 3–5). Первый, ситуационный «Глазомерный план древнего укрепления на речке Бурульче, близ татарских деревень Борасхан и Боркая» (рис. 3). П.И. Кёппен записал: «О плане мне сообщенном скажу то же, что о плане прежде сего упомянутом. Следы укрепления и в особенности возвышенности и покатоности показаны на оном слишком явственно (яркими красками); так например место R кажется здесь яром, между тем как это лощина, едва приметная» (СПФ АРАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 344. Л. 136–136 об.). Между тем в экспликации к планам А.Я. Фабра эта буква отсутствует, а все планы и их копии, известные на сегодняшний день, являются не цветными, а черно-белыми. Возможно, планы с цветной отмывкой деталей рельефа были представлены А.Я. Фабром генерал-губернатору М.С. Воронцову, архив которого рассредоточен между Москвой, Санкт-Петербургом и Одессой. Их поиск – отдельная задача для историков науки.

Каждая из трех копий с глазомерных планов А.Я. Фабра, снятых П.И. Кёппеном, имеет собственный заголовок и ряд различий в деталях (СПФ АРАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 475. Л. 217–221 об.; опубл.:

Тункина, 20136. С. 327. Рис. 1; С. 328. Рис. 1а; С. 330. Рис. 1б; С. 334. Рис. 3; С. 335. Рис. 4; С. 336. Рис. 5; С. 337. Рис. 5а). На самом крупномасштабном показаны центральный и боковые въезды в крепость, а также следы улиц, кварталов и отдельных построек, какая-то одноапсидная постройка, возможно, фундамент христианского храма вне крепости. На этом плане зафиксировано городище, ныне известное как *Меловое*, расположенное в 4 км к северу от с. Меловое на краю обрывистого плато, возвышающегося над правым берегом р. Бурульчи. В послевоенные годы XX в. здесь работал П.Н. Шульц, снявший глазомерный план укрепления (рис. 6, а) и считавший, что въезд в него осуществлялся на юго-восточном участке близ обрыва. По его данным, куртины стен были усилены 10 фланкирующими выступами, или башнями, на расстоянии 10–15 м друг от друга, а с внутренней стороны к боевой стене были пристроены шесть помещений. Рекогносцировки и раскопки на Меловом в 1984, 1990 и 1991 гг. провел С.Г. Колтухов, который считал указание А.Я. Фабра на ров и вал ошибочным: «Этих элементов в фортификационной системе городища не могло существовать, так как дерновый слой здесь подстигает известняковая скала с прочным колпаком» (Колтухов, 1999. С. 44). Исследователь считал памятник типичным позднескифским памятником III–II в. до н.э. – I в. н.э., ближайшим аналогом Зуйского городища (Барут-Хане), который также состоял из подтреугольного в плане городища «с явными признаками убежища» площадью 0,76 га и примыкающего селища площадью до 2–3 га. Протяженность памятника вдоль обрыва высотой 6–10 м – около 160 м; с напольной стороны цитадель защищала каменная стена, выступающая углом (протяженность северо-восточной части – 160 м, юго-восточной – 80 м). Из-за интенсивных выборок камня местным населением следов башен и стен, виденных еще П.Н. Шульцем, С.Г. Колтухову уже не удалось обнаружить. На южном участке обороны им была исследована стена и пристроенная к ней башня, существовавшая на протяжении трех строительных периодов (рис. 6.1). Внутри крепости были открыты три зольника I в. до н.э. – I в. н.э., высотой до 0,3 м и диаметром до 20 м (Колтухов, 1999. С. 44–45, 170. Рис. 54). В.Г. Зубарев соотносит поселение Меловое с городом Стактары (*Plin., NH, IV, 85*), рядом авторов отождествляемым с Сатархой (*Ptol., III, 6, 5*), локализация которого вызывает споры среди исследователей (Качарава, Квирквелия, 1991. С. 232–233, 243–244; Зубарев, 2005. С. 229, 442).

Наконец, П.И. Кёппен упоминает четвертое городище, открытое А.Я. Фабром в центральном Крыму на границе предгорной зоны и степи, – *Ак-Кая/Вишенное*: «По словам А.Я. Фабра, на высотах ниже Карасубазара, близ речки Каресевки (т.е. Бююк-Карасу) при имени генеральши Рудзевичевой, именуемом Кая (на мухинской карте Ак-Кая) приметны слабые следы (укреплений?). NB. Нет ли таковых при речке Кучук-Карасу, ниже Катырша сарая, где река сия, судя по карте, должна протекать узким ущельем...» (СПФ АРАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 344. Л. 142). Со слов А.Я. Фабра П.И. Кёппен в своих записках отметил одну из крупнейших позднескифских крепостей – городище *Ак-Кая/Вишенное* площадью около 10 га, которое расположено у юго-восточной окраины современного с. Вишенное в 6 км к северо-востоку от г. Белогорска АРК, на северном отроге скального массива Ак-Кая, на правом берегу р. Бююк-Карасу. К сожалению, П.И. Кёппен не доехал до Ак-Кая, поэтому описание и глазомерный план городища отсутствуют в его бумагах. Показательно, что в современной историографии открытие городища *Ак-Кая/Вишенное* приписывают не А.Я. Фабру, а краеведу А.П. Булавенко и относят лишь к 1924 году. В 1947 г. памятник обследовали П.Н. Шульц, в 1968 – И.А. Баранов, в 1984 – С.Г. Колтухов. Южную часть скального мыса занимало позднескифское укрепление площадью 1,1 га, к которому примыкало большое скифское селище площадью до 11 га. В эпоху Средневековья здесь возникла большая крепость с валом и рвом, причем скифское укрепление использовалось в качестве цитадели (Дашевская, 1991. С. 46; Колтухов, 1999. С. 21, 110–111. № 22. Рис. 67, 5). В 2001 г. экспедиция под руководством В.Л. Мыца провела здесь разведочные шурфовки и выполнила топографическую съемку памятника. С 2005 г. городище исследуется Крымской предгорной экспедицией Крымского филиала Института археологии НАНУ под руководством Ю.П. Зайцева. По его данным, позднескифская крепость античного времени (рубеж IV–III – I вв. до н.э.) занимала площадь около 10 га. Средневековая крепость площадью около 1,1 га расположена в южной части скального мыса. В.Г. Зубарев соотносит Вишенное с городом Акисалиты (*Plin. NH, IV, 85*), который большая часть специалистов локализовать не берется (Качарава, Квирквелия, 1991. С. 10; Зубарев, 2005. С. 229, 442).

Честь открытия ряда позднескифских памятников Крыма принадлежит швейцарскому натуралисту Ф. Дюбуа де Монпере (1798–1850), который в 1832–1834 гг. изучал древности Тавриды.

В Симферополе Ф. Дюбуа де Монпере останавливался в гостевом домике имения главного инспектора шелководства на юге России Х.Х. Стевена, расположенном в долине Салгира напротив городища Керменчик. Путешественник принимал участие в еженедельных дружеских обеденных журфиксах Стевена, проходивших каждый четверг, где обменивались новостями и дискутировали гости хозяина, в том числе А.Я. Фабр и П.И. Кёппен, занимавшиеся крымскими древностями.

В июле 1834 г. Ф. Дюбуа де Монпере приступил к изучению окрестностей столицы Таврической губернии Симферополя и включился в дискуссию о местоположении крепостей Скилура. В письме от 9 апреля 1835 г. Ф. Дюбуа де Монпере сообщил П.И. Кёппену, к тому времени переведенному на службу из Крыма в Петербург, что он был занят поисками семи скифских крепостей Скилура, которые окружали Гераклеийский полуостров. Позднее текст этого письма, подлинник которого украшен набросками находок из некрополя Керменчика (СПФ АРАН. Ф. 30. Оп. 3. Д. 83. Л. 17 об.–18), был издан П.И. Кёппеном в русском сокращенном переводе (Письмо, 1835. С. 292–301) и вошел в текст описания путешествия швейцарца (Dubois de Montpréaux, 1843b. P. 382–387; Дюбуа де Монпере, 2009. С. 287–288).

Одну из крепостей швейцарский ученый нашел в долине Бельбека, в двух верстах от устья реки, «на холме, лежащем по левой стороне». Квадратный фундамент «четвероугольного замка, занимающий всю ширину узкого холма», был еще хорошо виден, как и «канал, проводивший в то время воду» из Бельбека к подножию крепости; «вообще видны в окрестностях сего возвышения развалины из кирпичей, обломки сосудов и следы прежних жилищ». Укрепление находилось в 2 км от с. Любимовки (ныне Нахимовский район Севастополя). Скорее всего путешественник открыл Усть-Бельбекское городище в 2 км от устья р. Бельбек (Кёппен, 1837. С. 243; Высотская, 1972. С. 63, 65; Дашевская, 1991. С. 5, 49 № 53; Колтухов, 1999. С. 120), однако в современной историографии открытие этого памятника ошибочно приписывают Н.М. Печёнкину и относят к началу XX века (Печенкин, 1905. С. 30).

Вторую крепость, аналогичную Бельбекской, Ф. Дюбуа де Монпере обнаружил в 4 или 5 верстах (4,26–5,33 км) от Симферополя у Салгира: «Вы там найдете, на вершине холма на левом берегу следы вала, жилищ, несколько небольших курганов и обломки глиняной посуды» (СПФ АРАН. Ф. 30. Оп. 3. Д. 83. Л. 17 об.–18;

Письмо, 1835. С. 292–293). Путешественник отметил, что Керменчик был построен в верховьях Салгира для защиты долины реки, а со стороны степи ее защищала другая крепость, расположенная над деревней Сарайли-Кият на небольшом мысу, отделенном оборонительной стеной, «по обе стороны которой разбросаны сильно стертые руины жилищ, обломки керамики и несколько небольших курганов». Эта позднескифская крепость, расположенная в 6 км к северо-западу от Симферополя на левом склоне долины р. Салгир, сегодня известна под названием городища *Кермен-Кыр*, или *Красное* (ныне в черте с. Мирное Симферопольского района АРК) (Пуздровский, 2008). Не доезжая Симферополя, примерно на полпути между Керменчиком и Сарайли-Кият Ф. Дюбуа де Монпере отметил «возвышающийся на краю осыпи белого рухляка большой курган; в нем оказалось множество костей, сваленных вперемешку, как после битвы» (Dubois de Montpéreux, 1843b. P. 387, 388; Дюбуа де Монпере, 2009. С. 288). В бумагах путешественника сохранился ситуационный план с обозначением этих памятников (рис. 7) (Тункина, 2013а. С. 739. Рис. 1).

В конце августа 1834 г. Ф. Дюбуа де Монпере изучил городище Керменчик и окружающие его могильники. Он первым из исследователей провел раскопки, обмеры и зарисовки погребальных сооружений, описал найденный инвентарь и обнаружил собранную информацию о Западном и Восточном некрополях Керменчика. Ф. Дюбуа де Монпере снял план (рис. 8) и кратко описал само городище Керменчик, которое он назвал «безымянной резиденцией царя скифов Скилура, врага Митридата» (Dubois de Montpéreux, 1843а. P. 389; 1843b. P. 378–387; Дюбуа де Монпере, 2009. С. 122, 285–288; Тункина, 2013а. С. 740. Рис. 2). Следовательно, швейцарец не согласился с локализацией И.П. Бларамбергом Неаполя Страбона на Керменчике. Ф. Дюбуа де Монпере правильно заметил особенность месторасположения позднескифских городищ – они строились на холмах, с одной стороны ограниченных рекой, с другой – глубокими балками. Верхушки холмов плато, где возводились цитадели, всегда отсекали линии валов с оборонительными стенами.

Таким образом, еще в первой трети XIX в. И.П. Бларамбергом, А.Я. Фабром, П.И. Кёппеном, Ф. Дюбуа де Монпере были открыты как минимум восемь позднескифских селищ с убежищами-акрополями, разбросанными на протяжении десятков километров по внешнему краю предгорий – Ак-Кая/Вишенное, Меловое, Зуй-

ское (Барут-Хане), Коныч (Монтанай), Альма-Кермен (Заветное), Кермен-Кыр (Красное), Керменчик, Усть-Бельбекское городище. Эти «варварские города», по предположению В.Г. Зубарева, были расположены вдоль дороги, отмеченной на карте древнегреческого географа Клавдия Птолемея (Колтухов, 1991. С. 97. Рис. 3; Зубарев, 2005. С. 229), которая связывала предгорье с побережьем.

Краткий обзор архивных документов и публикаций начала позапрошлого века с очевидностью доказывает их непреходящую ценность как кладезя научной информации о памятниках Крыма на момент их первоначальной фиксации. Введение в научный оборот неизданных архивных материалов И.П. Бларамберга, П.И. Кёппена, А.Я. Фабра и Ф. Дюбуа де Монпере позволит разрушить сложившиеся историографические штампы о времени открытия и приоритете в изучении ряда памятников археологии Тавриды, ставших известными еще в 1820 – 1830-х годах.

Литература

- [Бларамберг И.П.] Древности. Открытие признаков древней крепости близ Симферополя (извлечение из известий, сообщенных г. статским советником Бларамбергом, и напечатанных на французском языке в № 49 и 49 сего Вестника) // ОВ. 1827а. 7/19 сент. № 70. С. 280–281; 10/22 сент. № 71. С. 284–285.
- [Бларамберг И.П.] Древности. Открытие признаков древней крепости близ Симферополя // Сын Отечества. 1827б. Ч. 115. № 20. С. 359–366.
- [Бларамберг И.П.] Древности (дополнение к статье, помещенной в № 70 и 71) // ОВ. 1827в. 24 сент./6 окт. № 75. С. 301.
- Бларамберг И.П. О местонахождении трех тавро-скифских крепостей, упоминаемых Страбонем, с картами, планами, снимками надписей и рисунками древних мраморов / Пер. с фр. А.Л. Бертье-Делагарда // ИТУАК. 1889. № 7. С. 56–69.
- Взгляд на состояние Новороссийского края в 1828 году. Просвещение // ЮО/ОВ. 1829. 20 févr./4 mars. № 15. С. 59.
- Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие в Крым: (Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым. В 6 тт.: Т. 5, 6) / Пер. с фр., предисл. и примеч. Т.М. Фадеевой. Симферополь, 2009.
- Высотская Т.Н. Поздние скифы в юго-западном Крыму. Киев, 1972.
- Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму. М., 1991. (САИ. Вып. Д1–7)
- Зайцев Ю.П. Неаполь Скифский (II в. до н.э. – III в. н.э.). Симферополь, 2003.
- Зубарев В.Г. Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М., 2005.
- Качарова Д.Д., Квирквелия Г.Т. Города и поселения Причерноморья античной эпохи: Малый энциклопедический справочник. Тбилиси, 1991.
- Кёппен П.И. Археографическая и топографическая поездка по южному берегу Крыма // ОВ. 1834. 17 января. № 5. С. 17–18.
- Кёппен П.И. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837. (Крымский сборник. Вып. 1)

- Колтухов С.Г. Укрепления Крымской Скифии. Симферополь, 1999.
- Колтухов С.Г., Юрочкин В.Ю. От Скифии к Готии: Очерки истории изучения варварского населения Степного и Предгорного Крыма (VII в. до н. э. – VII в. н. э.). Симферополь, 2004.
- Крымский помещик. Письмо к издателям // ОВ/Ю. 1827. 9/21 nov. № 88. Р. 351–354.
- Мыц В.Л. Укрепления Таврики X–XV вв. Киев, 1991.
- Печёнкин Н.М. Раскопки в окрестностях г. Севастополя // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1905. № 38. С. 29–37.
- Письмо г-на Дюбуа к П.И. Кёппену. Покрой (Виленской губ.), 9 апреля 1835 г. // Журнал Министерства внутренних дел. 1835. Т. 16. № 5. С. 285–301.
- Пуздровский А.Е. Скифское городище Кермен-Кыр // Херсонесский колокол: Сборник научных статей, посвященный 70-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности В.Н. Даниленко. Симферополь, 2008. С. 273–285.
- Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002.
- Тункина И.В. О судьбе рукописного наследия И.П. Бларамберга // Херсонесский сборник. Севастополь, 2004. Вып. 13. С. 233–249.
- Тункина И.В. История отечественной археологии на современном этапе: Антропологический поворот // Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2009 / Санкт-Петербургский научный центр РАН. СПб., 2010. С. 62–72.
- Тункина И.В. Современные тенденции изучения истории отечественной археологии в России и на Украине // История археологии: личности и школы: Международ. науч. конф. к 160-летию со дня рождения В.В. Хвойки. Киев, 05–08.10.2010 / Отв. ред. Н.И. Платонова. СПб., 2011. С. 55–64.
- Тункина И.В. Ф. Дюбуа де Монпере – исследователь позднескифских городищ Крыма // Боспорское царство как историко-культурный феномен: Греки и варвары на Евразийском перекрестке. Международ. науч. конф. (Санкт-Петербург, 19–22 ноября 2013 г.). СПб., 2013а. С. 737–744.
- Тункина И.В. П.И. Кёппен, А.Я. Фабр и Ф. Дюбуа де Монпере как первооткрыватели позднескифских городищ Крыма // Причерноморье в скифо-античное и раннесредневековое время: Сборник научных работ, посвященный 65-летию В.П. Копылова. Ростов-на-Дону, 2013б. С. 324–340. (Серия «Археология, история и культура Причерноморья»)
- Тункина И.В., Щавелёв С.П. Мысль об истории мысли: когнитивный портрет развития мировой археологии (рецензия на книгу: Клейн Л.С. История археологической мысли. В 2-х т. СПб.: изд-во СПб. ун-та, 2011. Т. I. 688 с.; Т. II. 624 с.) // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. 38. № 4. С. 235–240.
- Фабр А.Я. О древних нагорных укреплениях в Крыму // ЗООИД. 1844. Т. 1. С. 239–242.
- Фабр А.Я. Достопамятнейшие древности Крыма и соединенные с ними воспоминания. Одесса, 1859.
- Формозов А.А. Археология и архивы (К вопросу об изучении археологической документации) // Археографический ежегодник за 1974 год. М., 1978. С. 38–48.
- Храпунов И.Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке. Симферополь; Керчь, 2004. (Боспорские исследования. Вып. 6)
- Шульц П.Н. История исследований Неаполя Скифского (1827–1941 гг.) // У Понта Евксинского (памяти Павла Николаевича Шульца). Симферополь, 2004. С. 11–35.

- [Blaramberg J. de]. Nouvelles d'intérieur. Symphéropol, 9 juin // Journal d'Odessa. 1827a. 18/30 juin. № 47. P. 187–188.
- [Blaramberg J. de]. Antiquités (article communiqué par Mr. le conseiller-d'état de Blaramberg) // Journal d'Odessa. 1827b. 3/15 sept. № 69. P. 275–277.
- [Blaramberg J. de]. (Article communiqué par Mr. de Blaramberg) // Journal d'Odessa. 1827c. 17/29 sept. № 73. P. 291–292.
- Blaramberg de J.* De la position des trois forteresses Tauro-Scythes dont parle Strabon, avec carte, plans, copies d'inscriptions et dessins d'après des marbres antiques. Odessa, 1831.
- Dubois de Montpéroux F.* Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Gorgie, en Arménie, en Crimée. Paris, 1843a. T. 5.
- Dubois de Montpéroux F.* Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Gorgie, en Arménie, en Crimée. Paris, 1843b. T. 6.
- Webster J. Travels through the Crimea, Turkey, and Egypt, performed during the years 1825–1828. 2 Vols. London, 1830. Vol. 1.

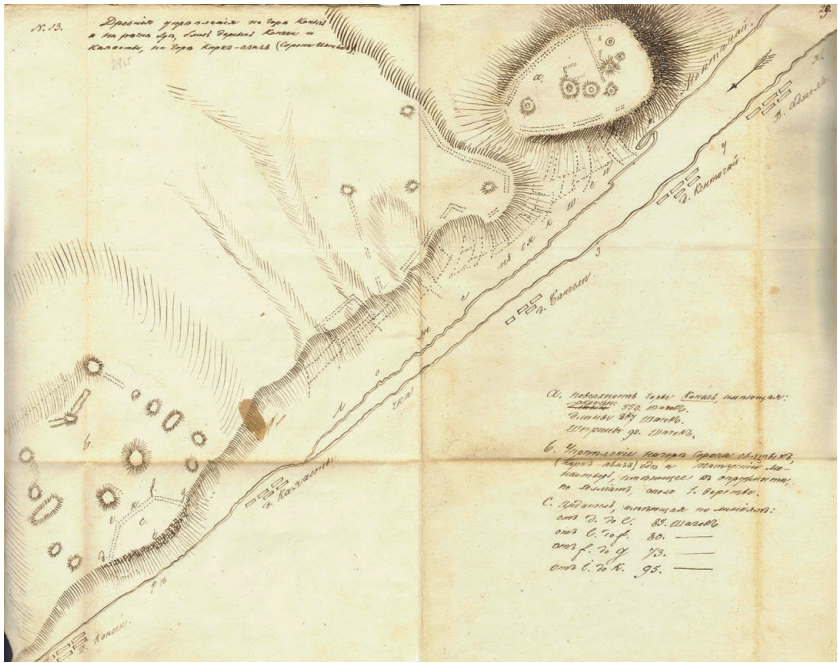

Рис. 1. А.Я. Фабр. «Древние укрепления на горе Кончы и на речке Зуе, близ деревни Конечи и Каясты, на горе Кирк-Азиз (сорока святых)» (планы позднескифских городищ Зуйское (Барут-Хане) и на горе Монтанай (Кончы) у р. Кончы). НА ОАМ НАНУ. № 83181. Л. 28 об.-29. № 13. Публикуется впервые

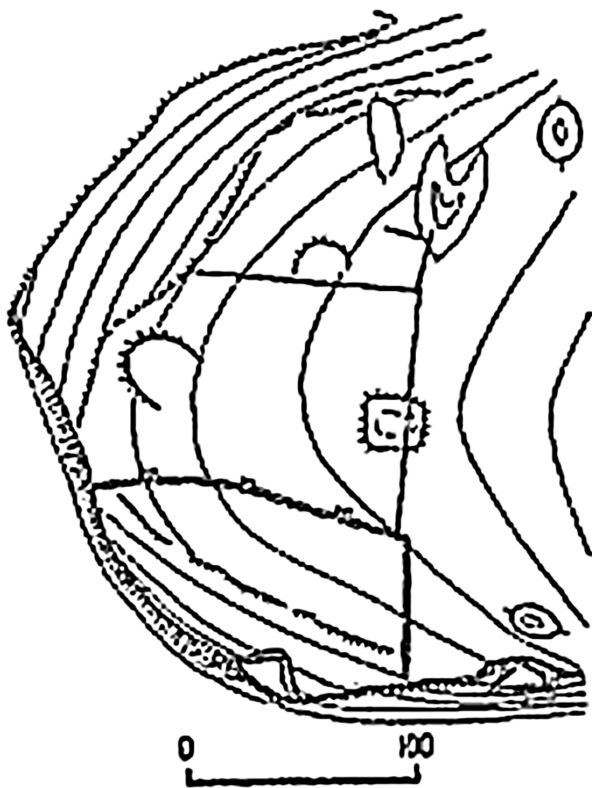

Рис. 2. План городища Барут-Хане, по: Колтухов, 1991. Рис. 68, 4

Рис. 3. А.Я. Фабр. «Глазомерный план древнего укрепления на речке Бурульче, близ татарских деревень Борсахан и Боркая. а. Остатки древнего укрепления (Пароста?)» (городище Меловое), НА ОАМ НАНУ. № 83181. Л. 25 об.-26. № 10. Публикуется впервые

Рис. 4. А.Я. Фабр. «То же древнее укрепление (Пароста?)» (городище Меловое).
НА ОАМ НАНУ. № 83181, л. 26 об.-27. № 11. Публикуется впервые

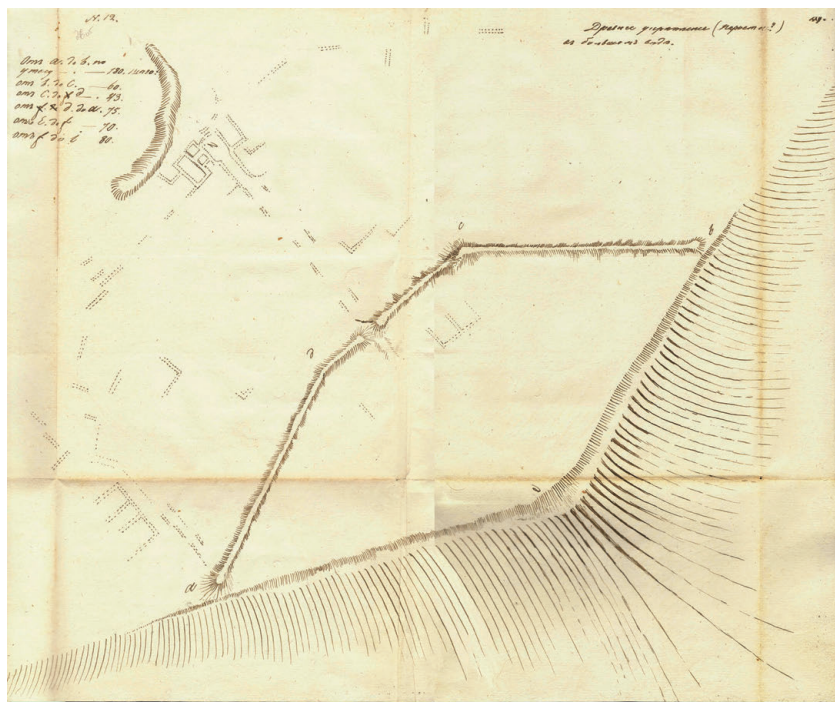

Рис. 5. А.Я. Фабр. «Древнее укрепление (Пароста?) в большем виде» (городище Меловое). НА ОАМ НАНУ. № 83181. Л. 27 об.-28. № 12. Публикуется впервые

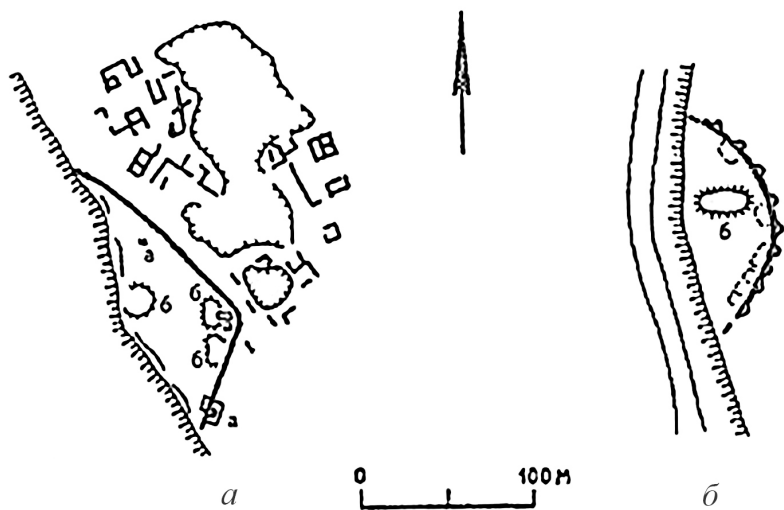

Рис. 6. Планы позднескифского городища Меловое: а – Съемка С.Г. Колтухова;
б – Глазомерная съемка П.Н. Шульца, по: Колтухов, 1999. Рис. 54, 1–2

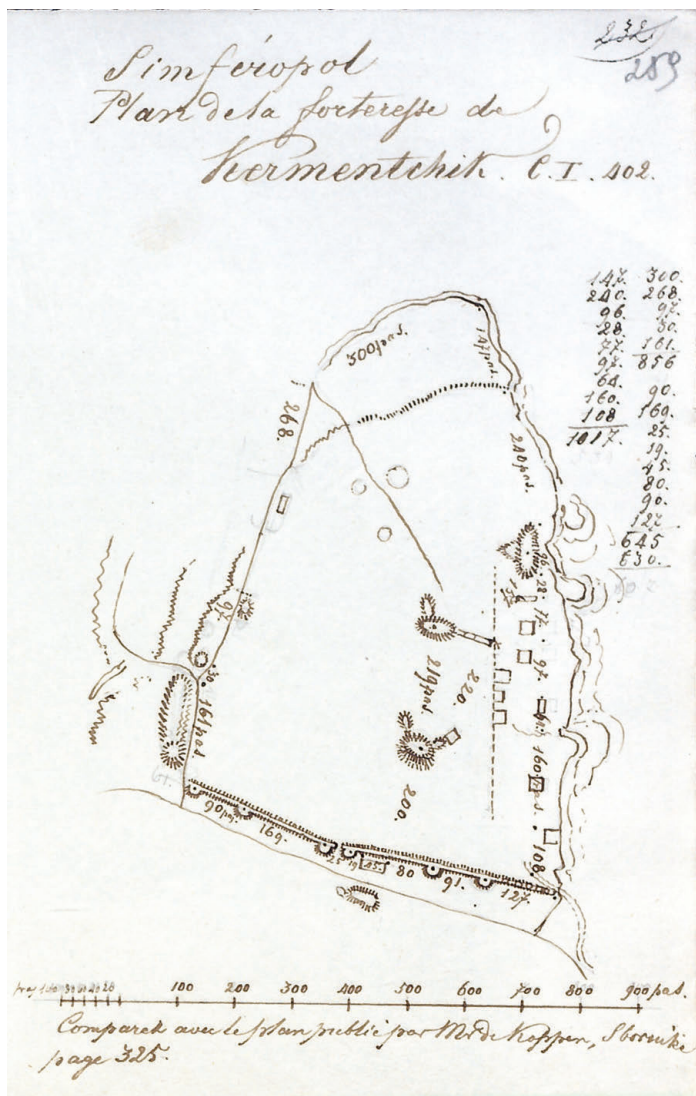

Рис. 8. Ф. Дюбуа де Монпере. «Симферополь. План городища Керменчик. Сверен с планом, опубликованным Кёппеном, [Крымский] сборник, с. 325». Не позднее августа 1834 г. На фр. яз. СПФ АРАН Ф. 86. Оп. 1. Д. 23. Л. 259

АРХЕОЛОГИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ МУЗЕЯХ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

© 2015 г. И.Л. Тихонов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург

Ключевые слова: Санкт-Петербург, археологические коллекции, Музей Императорской Академии художеств, Музей Центрального училища технического рисования барона А.Л. Штиглица, музей Общества поощрения художеств

В статье освещается история формирования археологических собраний в трех художественных музеях Санкт-Петербурга, прослеживаются истоки этого процесса и значение музейной деятельности для истории археологической науки в дореволюционной России.

Начиная с XV в. в европейских столицах шел активный процесс формирования археологических коллекций и музеев. Ранее всего музеи, собирающие и экспонирующие древности, появились в Риме. Капитолийский музей, созданный в 1471 г., считается старейшим публичным музеем такого рода. В 1683 г. возникает Ашмолеан музей при университете в Оксфорде, в 1753 г. – Британский музей в Лондоне. В XVII столетии в Европе сформировался особый тип музея – собрание различных диковин, получившее название «Кунсткамера». В 1819 г. в Копенгагене для публики был открыт Национальный музей северных древностей, который известный английский специалист в области музейного дела К. Хадсон считал первым в мире систематически организованным археологическим музеем. А в 1870-е гг. генерал Пит-Риверс в своем поместье основал музей нового типа – музей археологии и этнографии, задуманный с единственной целью – дать людям понятие о развитии человеческой культуры во всем мире (Хадсон, 2001. С. 34–40).

В России до начала XVIII в. не было такого значимого для европейской культуры явления, как антикварианизм – увлечение древностями. В Европе же именно антикварианизм являлся той платформой, на которой началось формирование новой науки –

археологии (Schnapp, 1996; 2002; Клейн, 2011. С. 110–111). Единственное существовавшее до XVIII в. отечественное собрание древностей – Оружейная палата – являлось скорее царской сокровищницей, чем музеем. В ней преобладали предметы материальной культуры и произведения декоративно-прикладного искусства XIV–XVII вв., собственно археологических, т.е. извлеченных из земли, артефактов было ничтожное количество.

Причинами неучастия России в этом процессе постепенного накопления древностей было, прежде всего, отсутствие памятников античности на ее территории и слабое развитие светской культуры в целом. Образованная часть русского общества, конечно, была знакома с античной культурой, но культурой книжной, известной по сочинениям античных авторов и Отцов Церкви. В Петровскую эпоху Россия, как бы наверстывая упущенное время, активно включается в процесс изучения античного наследия в области материальной культуры, прежде всего произведений искусства, и сбора его образцов. Первый российский император проявил интерес к древностям. Ряд указов и распоряжений великого реформатора России положили начало целенаправленным поискам, коллекционированию и описанию древних вещей и памятников. Указ от 13 февраля 1718 г. гласил: «Ежели кто найдет в земле или воде какие старые вещи... также какие старые подписи на камнях, железе или меди, или какое старое и ныне необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что зело старо и необыкновенно, також бы приносили, за что давана будет довольная дача, смотря по вещи, понеже не видав, положить нельзя цены...» (Охрана памятников, 1978. С. 21). Еще ранее, в 1714 г. была создана Кунсткамера – первый российский музей, куда и стали поступать подобные находки. Коллекция золотых украшений скифской эпохи, собранная из раскопок бугровщиков и сибирских академических экспедиций, стала первой археологической коллекцией в России.

Петр I положил начало и покупке древностей за рубежом. По его распоряжению в Россию были доставлены первые античные статуи и среди них такой шедевр, как Венера Таврическая. Эти традиции собирательства художественных произведений древности были продолжены и другими русскими монархами. Собрания Екатерины II положили начало крупнейшему музею России – Эрмитажу. В первой половине XIX в. происходило интенсивное пополнение Эрмитажа лучшими находками из раскопок в Северном Причерноморье. Уже к середине XIX столетия Императорский

Эрмитаж становится крупнейшим хранилищем археологических коллекций. Истории их формирования посвящена многочисленная литература, и эта тема заслуживает отдельного освещения и анализа (Тихонов, 2013б. С. 28–32).

Значительные коллекции по археологии имелись в двух этнографических музеях Петербурга – этнографическом отделе Русского музея императора Александра III и особенно в Музее антропологии и этнографии Академии наук (Тихонов, 2010; 2011а.). В результате активной полевой деятельности генерала Н.Е. Бранденбурга интересные и большие коллекции появились в Артиллерийском музее (Бранденбург, 1902). Свои собрания имелись в Русском археологическом обществе (Веселовский, 1900. С. 326–360; Спицын, 1908), Санкт-Петербургском археологическом институте и Санкт-Петербургском университете (Пивоварова, 2001; Тихонов, 2013а).

Интересные собрания древностей в разные годы формировались и в других петербургских музеях художественного профиля. Это, прежде всего, Музей Императорской Академии художеств, Музей Центрального училища технического рисования барона А.Л. Штигица и музей Общества поощрения художеств.

Музей Императорской Академии художеств

Начало собранию «антиков» в Академии художеств было положено в 1758 г., когда куратор Академии И.И. Шувалов преподнес ей художественную коллекцию, включающую античные барельефы. Позднее императрица Екатерина II поручила И.И. Шувалову купить за границей за ее счет античные статуи и слепки с них. В 1769 г. поступило 58 копий знаменитых античных статуй, приобретенных И.И. Шуваловым. В середине 1760-х гг. новый президент Академии И.И. Бецкой подарил «конную статую консула римского» и «антик-статую мраморную, представляющую здравие» (Конькова, 1994. С. 36).

В 1774 г. адмирал Г.А. Спиридов преподнес в дар Академии коллекцию греко-римской скульптуры, собранную на островах греческого архипелага во время Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. По большей части это были сильно поврежденные статуи, их фрагменты и рельефы. Еще одну группу образцов древней пластики составляли памятники, поступившие в Академию в 1784 г. так же по повелению Екатерины II. Это преимущественно рельефы и мраморные маски (Юбилейный справочник, 1914. С. 98). В самом начале XIX в. в составе коллекции Антонио Фарсетти поступили

слепки с античной скульптуры. В 1818 г. были приобретены слепки с фриза и статуй Парфенона, а в 1843 – 64 гипсовых слепка с античных вещей Неаполитанского музея (Преснов, 1949. С. 4–5). С помощью собрания академических слепков были отлиты бронзовые группы, скульптуры и бюсты для парков и дворцов в Петергофе, Павловске, Царском селе. В 1834 г. по инициативе императора Николая I свыше тысячи античных ваз, множество бронз и терракот были куплены у римского антиквара Пиццати. До открытия Нового Эрмитажа они хранились в Академии художеств.

В последней четверти XVIII – начале XIX в. в эпоху господства классицизма в европейской и отечественной культуре копиями античных статуй и архитектурных элементов украшали строящиеся в Санкт-Петербурге и его окрестностях дворцы, общественные и частные здания, интерьеры и даже хозяйственные постройки. Соответственно «антики» в это время являлись элементами живой культуры, а уж копирование их учащимися Академии становилось важнейшей частью художественной подготовки. Для совершенствования в искусствах Академия чаще всего посылала своих выпускников в Италию, где посещение раскопок Помпей, Геркуланума и ряда других являлось частью обязательной программы. Результатом такого посещения стала знаменитая картина К.П. Брюллова «Последний день Помпеи». В одном из писем художника 1824 г. сохранился рассказ об этой поездке: «Нам открылась откопанная часть сего несчастного города. Мы взошли, у входа сидели сторожа-проводники; один из них предложил нам свои услуги и сказал, что это место был малый форум, или место, где собирался народ для торга и других публичных дел <...> Вид сих развалин невольно заставил меня перенестись в то время, когда эти стены были еще обитаемы, когда этот форум, на котором мы стояли одни и где тишина была только прерываема какой-нибудь ящерицей, был наполнен народом <...> Нельзя пройти сии развалины, не почувствовав в себе совершенно нового чувства, заставляющего все забыть, кроме ужасного происшествия с сим городом» (Брюллов, 1961. С. 42–43). К.П. Брюллов одним из первых среди русских художников поставил себе целью воссоздать в картине реальное, а не мифологическое событие прошлого, опираясь на изучение исторических источников и археологических данных. Стремясь к наибольшей достоверности изображения, он тщательно изучил материалы раскопок и исторические свидетельства Плиния Младшего. Архитектурные сооружения на картине восстановлены им

по остаткам сохранившихся в Помпеях зданий, предметы домашнего обихода и женские украшения были скопированы с экспонатов, находящихся в Неаполитанском музее. «В особенности же старался я более ознакомиться с древностями Бурбонского музея, единственного по своему собранию ваз, бронз и фресок, найденных при открытии Геркуланума и Помпеи», – докладывал художник из Неаполя в Петербург в Общество поощрения художеств (Брюллов, 1961. С. 59). На картине изображено реальное место в Помпеях – Дорога гробниц и перекресток возле усыпальниц некоего Скавра и сына жрицы богини Цереры, где действительно были найдены подобные ожерелья, кольца, серьги, браслеты, обугленные остатки колесницы. В письме к брату весной 1828 г. подробно описывая композицию начатой картины, К.П. Брюллов отмечал: «Пункт избрал в Strado dei Sepolcri, картинная линия на перекрестке от гробницы Scavao к гробнице какой-то жрицы Цереры. Декорацию сию я взял всю с натуры, не отступая нисколько и не прибавляя, стоя к городским воротам спиною»; и подчеркивал, что скелеты «найжены были в таком положении», а изображенные им вещи «все взяты мною из музея» и, что он следует «нынешним антиквариям» (Брюллов, 1961. С. 63).

Изображения руин античных построек со скульптурой и элементами декора стали излюбленной темой русских художников в Италии и других странах. Историческая тематика занимала одно из первых мест в творчестве выпускников Академии художеств.

В 1870 г. был опубликован каталог древней скульптуры собрания Академии художеств (Указатель скульптурного музея, 1870). Большинство оригиналов относилось к позднеримской эпохе и до 1830-х гг. их было всего 39 (Андреева, 2004. С. 62). Среди них были мраморная статуя Гигеи, найденная в 1729 г. на Палатине в Риме, керамические рельефы из Геркуланума, а в 1831 г. к ним добавилось 20 подлинных античных произведений, переданных по распоряжению Николая I. Это были небольшая скульптура спящего Силена, головы Деметры и льва, две капители, четыре «мрамора с греческой надписью» и 13 надгробных барельефов с болгарского берега Черного моря и из Румелии (европейской части Турции), собранные в 1829–1830 гг. библиотекарем Николая I С. Сейджером и художником А.О. Дезарно (Андреева, 2004. С. 62).

По сведениям В.Г. Лисовского, во второй половине XIX в. в музей поступили «коллекции южнорусских древностей», собранные Т.В. Кибальчицем. Они составили интереснейшую экспозицию,

развернутую в нескольких помещениях, расположенных в первом этаже здания Академии художеств вдоль 3-й линии Васильевского острова. Впоследствии эти коллекции были переданы в Русский музей и положили начало его отделу народного искусства (Лисовский, 1982. С. 105).

В музее Академии художеств хранилось и значительное число русских, греческих, римских, византийских, западноевропейских медалей и монет. Коллекция римских и византийских медалей и монет была вывезена из Варшавы в 1832 г. и по Высочайшему повелению передана в 1834 г. в Академию, пополнившую этим значительным вкладом свой небольшой до того времени минц-кабинет, составленный из разных случайных поступлений. В 1870-е гг. принадлежащие Академии нумизматические коллекции были приведены в надлежащий порядок хранителем кабинета Д.И. Прозоровским, составившим подробный каталог. К этому времени в собрании было 98 греческих монет и почти полторы тысячи римских (Минц-кабинет, 1874. С. 92.)

Интересной частью академического собрания были 32 архитектурные модели известных построек античности, сделанные из пробки итальянским архитектором А. Кики по заказу Екатерины II. Они предназначались для обучения внуков императрицы – Александра и Константина. В течение всего XIX в. музей постоянно пополнялся слепками с наиболее известных произведений античной пластики, которые использовались в процессе подготовки скульпторов и художников.

В 1817 г. президентом Академии художеств был назначен Алексей Николаевич Оленин (1763–1843). Археология занимала немалое место в кругу интересов и деятельности этого крупного вельможи, государственного деятеля, художника и мецената. Г.С. Лебедев в своей периодизации истории отечественной археологии назвал именем А.Н. Оленина целый период с 1826 по 1846 г. (Лебедев, 1992. С. 73–80; 1993. С. 2). Увлечение А.Н. Оленина древностью началось еще в молодые годы, когда он в течение пяти лет обучался в Дрездене «воинским и словесным наукам». На формирование его художественных вкусов и исторических интересов огромное влияние оказали труды основоположника научного изучения античного искусства, уроженца Саксонии И.И. Винкельмана и других титанов немецкого Просвещения XVIII в. – Г.Э. Лессинга и И.Г. Гердера. Винкельман, позднее писал А.Н. Оленин, – это «необыкновенный гений, открывший верный путь к постижению и знанию древностей

и который должен служить примером для всех желающих посвятить себя этому благородному и обширному поприщу» (цит. по: Файбисович, 2006. С. 154). В то же время это не было слепым поклонением отцу искусствоведения и античной археологии, и А.Н. Оленин не раз критиковал некоторые взгляды Винкельмана, указывая на его ошибки как археолога. Также, восхищаясь Рафаэлем, А.Н. Оленин отмечал грубые промахи художника в изображении материальной культуры древности: так, на одном из его полотен Аполлон был изображен со скрипкой. Другой крупнейший мастер и большой знаток истории, основоположник французского классицизма Н. Пуссен, по мнению А.Н. Оленина, неправильно изобразил расположение застольных мест в «Тайной вечере».

А.Н. Оленин сам хорошо рисовал. В 1795 г. Г.Р. Державин поднес императрице Екатерине II собрание своих стихотворений в рукописи, украшенной 92 виньетками, выполненными А.Н. Олениным тушью и акварелью; мотивы их были умело заимствованы молодым художником из классической мифологии и древней истории.

Его первый печатный труд по археологии появился в 1806 г., это было «Письмо к гр. А.И. Мусину-Пушкину о камне Тмутараканском». Разобрав надпись на камне и сделав ее критическую оценку, А.Н. Оленин пришел к выводу о ее подлинности. Исследование о Тмутараканском камне отличалось такой основательностью, что с нею справедливо связывают начало древнерусской эпиграфики и палеографии. По его же инициативе в 1809 г. члены его кружка К.М. Бороздин и А.И. Ермолаев отправились в путешествие по России «для открытия и описания древних достопамятностей» (Файбисович, 2006. С. 263).

В 1808 г. А.Н. Оленин стал товарищем директора императорских библиотек, а с 1811 г. возглавил Императорскую Публичную библиотеку, в которой помимо печатных изданий и рукописей, имелись и коллекции древностей. Во всяком случае, во время эвакуации 1812 г. на корабль были погружены 7 ящиков с античными вазами. Пожертвовав 400 монет, А.Н. Оленин положил начало и нумизматической коллекции библиотеки, которая к 1827 г. превысила 9 тыс. единиц хранения и по приказанию императора была передана в Эрмитаж (Файбисович, 2006. С. 134, 140). В библиотеке имелись 42 вазы из коллекции генерала Н.Ф. Хитрово, 84 «чудских» предмета, новгородские серебряные гривны. Туда же поступили находки из раскопок Я.Л. Парокия 1817–1818 гг. в окрестностях Фанагорийской крепости, а также находки из раскопок курганов на р. Синюхе,

которые были преподнесены поручиком Адабашем Александру I. В 1831 г. фанаторийские древности, а в 1851–1852 гг. и остальные археологические, художественные и этнографические коллекции Публичной библиотеки, как непрофильные, по распоряжению Николая I были переданы в Эрмитаж и другие собрания (Тункина, 1995. С. 20). А.Н. Оленин не только стремился собирать древности в библиотеке. В процессе комплектования ее основных фондов явно сказывались научные интересы директора, поскольку преимущественно приобреталась литература по истории, археологии, палеографии, нумизматике, классической филологии и изобразительному искусству, особенно по классическим древностям.

Требую от художников соблюдения исторической точности в своих произведениях, А.Н. Оленин разработал «Программу систематического разделения курса истории, археологии и этнографии для питомцев Императорской Академии художеств». Этот учебный курс включал в себя изучение памятников политической, военной, бытовой истории и давал краткие сведения об обычаях отдельных народов. Он охватывал несколько хронологических периодов, включая первобытный, и тематических разделов. Преподавание основ этих археологических и этнографических знаний должно было быть основано на изучении памятников древнего искусства и «верных сведениях» ученых, «ибо ничто не может быть столь неприятно для образованного любителя художеств, как видеть в превосходно механически исполненной картине нелепое и невежественное смешение обычаев, обрядов, одеяний, оружия, архитектуры и скарба, совершенно несвойственных народу и времени, к которому изображенное живописцем или ваятелем произведение принадлежит» (Цит. по: Тункина, 1995. С. 19). Таким образом, видно, что курсу археологии в программе обучения воспитанников Академии художеств А.Н. Оленин отводил сугубо утилитарное, практическое значение «ликбеза» для будущих мастеров кисти и резца. Для реализации этих задач он энергично взялся за создание рюсткамеры – «оружейной или костюмной палаты», где собирались различные коллекции оружия, исторической одежды, предметов быта. Передал в дар Академии ее президент и свое личное собрание оружия. По его рисункам изготавливались образцы вооружения греческих и римских воинов. В 1832 г. А.Н. Оленин опубликовал работу «Опыт об одежде, оружии, нравах, обычаях и степени просвещения славян от времен Траяна и русских до нашествия татар», которая имела подзаголовок «Опыт к составлению полного курса истории, архео-

логии и этнографии для питомцев Санкт-Петербургской Императорской Академии художеств», позволяющий судить о том, что он рассматривал этот труд в качестве учебного пособия. Современные исследователи считают эту работу началом изучения отечественного костюма (Файбисович, 2006. С. 164). Еще ранее А.Н. Оленин изучал вооружение римских гладиаторов (Оленин, 1882), доспехи древнегреческих воинов и древнерусский шлем, найденный в 1808 г. крестьянами с. Лыкова Владимирской губернии. Он сумел полностью реконструировать находку и атрибутировать ее как шлем князя Ярослава Всеволодовича, бросившего свои тяжелые доспехи во время бегства с места Липицкой битвы в 1216 г. Он же стал первым исследователем клада древнерусских украшений, найденного на городище Старая Рязань. Эта работа вышла в свет в 1831 г. под названием «Рязанские русские древности, или известие о старинных и богатых великокняжеских или царских убранствах, найденных в 1822 г. близ села Старая Рязань». В ней автор не только дал подробное описание находок, но и привел исторический очерк о городе, полностью разрушенном татарами-монголами. По сути, эти публикации А.Н. Оленина положили начало изучению памятников древнерусской археологии. По инициативе президента Академии художеств в 1830 г. художник Ф.Г. Солнцев был отправлен в многолетнюю экспедицию по старинным русским городам с целью сбора и зарисовок памятников древности. По результатам этих работ А.Н. Олениным было задумано грандиозное издание «Древности Российского государства», осуществленное уже после его смерти. Наконец, А.Н. Оленину первым пришла в голову мысль о создании общегосударственного правительственного органа, который бы ведал всеми раскопками, систематизацией и описанием памятников, выработывал инструкции «для правильных поисков» (Императорская археологическая комиссия, 2009. С. 27), сосредотачивал бы все финансовые средства, отпускаемые на раскопки. Этот проект был воплощен в жизнь только в 1859 г., через 16 лет после смерти А.Н. Оленина.

Важно отметить, что многие археологические штудии президента Академии художеств получали живое воплощение в современном ему искусстве. Так, художник Орест Кипренский изобразил в своей картине «Дмитрий Донской на Куликовом поле» шлем князя Темкина-Ростовского, изученный А.Н. Олениным. При его консультационном участии были выполнены статуи воинов, украшающие павильоны Аничкова дворца на Невском проспекте, Бе-

люю башню в Царском селе, Нарвские триумфальные ворота; фигура Александра Невского на северном портике Казанского собора; некоторые интерьеры Зимнего дворца. Причем в процессе разработки проекта и сооружения Нарвских ворот, по предложению А.Н. Оленина, античные воины, которые первоначально должны были их украшать, превратились в русских витязей (Файбисович, 2006. С. 283). Эскизы костюмов и вооружения для нескольких театральных постановок на сюжеты из древнерусской и античной истории были также выполнены А.Н. Олениным.

Еще одна крупная работа, занявшая много лет, – археологический комментарий к переводу «Илиады» Н.И. Гнедича, – осталась незаконченной. А.Н. Оленин опубликовал на французском языке только исследование о древнегреческих шлемах. Позднее ее фрагменты были изданы Д.В. Поленовым и И.В. Помяловским (Оленин, 1872; 1877). Обращение к памятникам то античного, то древнерусского искусства и истории были совершенно естественны для А.Н. Оленина, который считал русскую культуру через Византию органически связанной с греческой. Без сомнения он был и явным адептом «греческого проекта» Екатерины II и Г.А. Потёмкина. Опять же не следует забывать, что эпоха А.Н. Оленина – это время господства классицизма в русской культуре, когда еще многие сюжеты и персонажи отечественной истории подгонялись под античные каноны и рядились в античные одежды.

Проявил интерес А.Н. Оленин и к древнеегипетской культуре, отдав дань общеевропейской моде, начавшейся в первой четверти XIX века. В отличие от некоторых профессиональных ориенталистов, например, П.А. Гульянова и О.И. Сенковского, высмеявших гениальное открытие, он сразу же оценил способы дешифровки египетских иероглифов, предложенные Ф. Шампольоном и вступил с ним в переписку (Мачинский, 1934). При участии А.Н. Оленина были сооружены Египетские ворота при въезде в Царское село. Деятельное участие он принял и в установке на набережной перед фасадом Академии сфинксов, привезенных из Египта. Правда, сочиненная А.Н. Олениным неудачная надпись на пьедестале о «сих огромных сфинксах» вызвала немало шуток и издевок.

Таким образом ясно, что А.Н. Оленин играл заметную роль в культурной и научной жизни Петербурга первой половины XIX в. Э.Д. Фролов в своей фундаментальной монографии об истории антиковедения в России справедливо писал: «трудно переоценить вклад А.Н. Оленина в развитие классицизма в России... Вместе с

тем велико значение его ученой, просветительской и общественной деятельности, проникнутой духом классицизма, для развития собственно русской культуры, включая и такой важный ее элемент, как изучение русской национальной истории. Ведь именно привитием классицизма были сообщены русской культуре те высокие пафосные и эстетические элементы, которые навсегда обеспечили первой трети XIX века в жизни российского общества ни с чем не сравнимое качество высшей нормы. С другой стороны, велико было значение развившейся в русле неоклассицизма антиковедческой науки для формирования отечественной науки истории. Ибо нельзя отрицать того, что классические штудии – история, филология и археология греко-римского мира – стали нормой и образцом для становления науки об отечественных древностях» (Фролов, 2006. С. 140).

В то же время А.Н. Оленин оставался сугубо кабинетным ученым, никаких сведений о его хотя бы присутствии на раскопках не имеется. Он не сумел ни понять, ни оценить по заслугам подвижническую деятельность П. Дюбрюкса и И.А. Стемпковского по изучению памятников Керченского полуострова. Опережающий свое время труд Поля Дюбрюкса показался столичному ученому по-дилетантски небрежным, бессистемным, малограмотным и не заслуживающим серьезного внимания. Приложенные к нему планы и чертежи были оценены президентом Академии как «во всех отношениях недостаточные» (Тункина, 2002. С. 385). Сам же Оленин не без некоторого кокетства именовал себя любителем. А.А. Формозов отнес его к «дворянам-дилетантам», как, впрочем, и всех председателей Императорской археологической комиссии и Московского археологического общества (Формозов, 2004. С. 21–22). С такой позицией крупнейшего историографа археологии трудно согласиться. Дело, видимо, в том, что А.А. Формозов автоматически относил к дилетантам всех, кто не зарабатывал себе на жизнь научными трудами и занимался еще чем-нибудь, помимо науки. Труды же А.Н. Оленина (тем более А.С. Уварова) были выполнены вполне на уровне науки своего времени и дилетантскими не являлись.

Последующие президенты Академии художеств не проявляли такого интереса к археологии, как А.Н. Оленин. Соответственно не было и интенсивного пополнения фондов музея Академии археологическими находками. После открытия Императорского Эрмитажа как публичного музея в 1852 г. туда переводятся по распоряжению Николая I многие античные памятники из петер-

бургских и пригородных дворцов. Из Академии художеств в Эрмитаж в 1869 г. было передано 11 надгробных рельефов, в 1872 г. еще 12 рельефов, в послереволюционные годы в Отдел древностей Эрмитажа также передавались оригиналы античных произведений искусства (Трофимова, 1993. С. 64). В 1872 г. президент Академии – великий князь Владимир Александрович, выполняя пожелание участников Второго археологического съезда, передал в дар музею Русского археологического общества археологическую коллекцию и гипсовые слепки с известных античных предметов вместе с тремя шкафами, в которых они хранились (Веселовский, 1900. С. 342). Из Академии в музей РАО поступила ценная коллекция погребальных урн, происходящая с территории Польши. Она включала в себя 44 предмета, среди которых были и лицевые урны (Спицын, 1908. С. 40).

Во второй половине XIX в. научная и собирательская деятельность Академии художеств концентрировалась в области изучения древнерусского искусства, прежде всего памятников архитектуры. Заведующим «древне-христианского музея» стал преподаватель истории Морского кадетского корпуса В.А. Прохоров, перешедший с 1859 г. на работу в Академию художеств для чтения курсов по истории и археологии. В период с 1863 по 1875 г. он на средства Академии систематически путешествовал по России, собирая древние иконы и образцы народного искусства. В музей Академии поступила и его собственная большая коллекция этнографических предметов. В.А. Прохоров в 1862–1878 гг. издавал журнал «Христианские древности и археология», а в 1879 г. опубликовал каталог музея древнерусского искусства Академии художеств (Прохоров, 1879). Он же разработал специальный курс лекций по истории древнерусского искусства, «призванный ознакомить учащихся с результатами изысканий русских историков и археологов». Одной из практических целей курса было, как и в концепции А.Н. Оленина, недопущение «вопиющих несообразностей», встречающихся в произведениях на сюжеты из отечественной истории (Лисовский, 2000. С. 169).

С 1883 г. в работу по изучению памятников древнерусского зодчества включился В.В. Суслов, издавший на средства Академии художеств несколько монографических публикаций (Суслов, 1888; 1889). В 1895–1901 гг. Суслов подготовил семь выпусков «Памятников древнего русского зодчества». Со второй половины 1880-х гг. Академия художеств стала постоянно сотрудничать по

вопросам сохранения и реставрации памятников архитектуры с Императорской археологической комиссией. Особенно тесным это сотрудничество стало после выхода постановления 1889 г., возложившего на комиссию «по сношению ее с Императорскою Академией художеств» (ИАК, 2009. С. 127) надзор за реставрацией монументальных памятников древности. 31 декабря 1890 г. министр двора граф И.И. Воронцов-Дашков утвердил «Правила о порядке рассмотрения Археологической комиссией и Академией художеств ходатайств о восстановлении древних монументальных памятников», которые всю работу по сбору заявок, рассмотрению проектов реставрации и ремонта памятников архитектуры возлагали на комиссию, оставляя представителям Академии художеств только права экспертов (ИАК, 2009. С. 128). Связи Академии художеств с Археологической комиссией могли бы еще более упрочиться, когда в декабре 1889 г. председатель комиссии граф А.А. Бобринской был назначен вице-президентом Академии. Но он пробыл на этом посту всего лишь год, войдя в конфликт с президентом Академии художеств великим князем Владимиром Александровичем и конференц-секретарем графом И.И. Толстым (Тихонов, 2003. С. 97).

Музей Центрального училища технического рисования барона А.Л. Штиглица

Инициатива создания училища и музея при нем принадлежала сенатору А.А. Половцову, одному из основателей Русского исторического общества, и была реализована на средства его тестя – крупного российского финансиста и промышленника барона А.Л. Штиглица. Днем основания музея при училище принято считать 15 мая 1878 г., когда на одном из первых заседаний Совета училища впервые был поставлен вопрос о необходимости создания художественной коллекции.

Начало музейному собранию было положено летом 1879 г. во время длительного заграничного путешествия, которое предпринял А.А. Половцов вместе с известным русским дипломатом и коллекционером князем А.Б. Лобановым-Ростовским (они побывали в Турции, Греции, Италии и Германии). Результатом этой поездки стало приобретение музейных экспонатов и учебных пособий, а также знакомство с такими людьми, как знаменитый археолог Г. Шлиман и директор Южно-Кенсингтонского музея в Лондоне Ф. Канлифф-Оуэн. Знакомство А.А. Половцова с Г. Шлиманом

произошло 24 мая 1879 г. на корабле, на котором сенатор плыл в Афины. Генрих Шлиман в сопровождении своего помощника – археолога Э. Бюрнуфа возвращался с раскопок на Гиссарлыке и сел на афинский корабль во время его остановки у Дарданелл. Далее их общение продолжилось в Афинах, где А.А. Половцов упоминал «об умных и приятных днях» (Йене, 1996. С. 1), проведенных в обществе археолога. Их последующая переписка длилась почти шесть лет. А.А. Половцов постоянно проявлял большой интерес к работам Шлимана, а тот регулярно присылал ему свои книги и отчеты о раскопках. Поэтому неудивительно, что Шлиман решил подарить сенатору небольшую коллекцию из своих раскопок. В сентябре 1880 г. в музей поступила первая часть так называемой «Троянской коллекции», присланной им через сына – Сергея Шлимана (Прохоренко, 2000. С. 128). По мнению российского биографа Шлимана И.А. Богданова, этот щедрый дар был вызван еще и стремлением расчетливого археолога заручиться поддержкой влиятельного лица в России – сенатора А.А. Половцова, который мог оказать протекцию его сыну Сергею (Богданов, 1995. С. 165).

Кроме того, уже с середины 1870-х гг. Г. Шлиман не раз высказывал намерение передать России всю «Троянскую коллекцию» за сумму вдвое меньшую первоначальной цены. Об этом он писал коллекционеру и археологу барону Н.К. Богушевскому в 1875 г. и повторял в 1876 г. в письме к банкиру барону Гинцбургу: «Но после того, как я двадцать лет своей жизни провел в Петербурге, все мои симпатии принадлежат России, и поскольку я искренне желаю, чтобы мое собрание попало туда, я прошу от русского правительства только 50000 франков и был бы даже согласен спустить цену до 40000... Во всяком случае, я обещаю Вам, что для России я оставляю преимущество перед всеми прочими странами, ибо там я добыл мое состояние, а кроме того, я хотел бы провести раскопки в глубине России...» (цит. по: Клейн, 1998. С. 13). Спустя три года (в 1878 г.) Г. Шлиман вновь обращался к Богушевскому: «Я пожелал бы, чтоб троянские мои древности поступили в Эрмитаж, потому что я капитал свой приобрел в России и надеюсь, что древности мои могут быть причиной возвращения моего в Россию...» (Неверов, 1998. С. 68). Еще одной из причин настойчивого стремления археолога заручиться поддержкой влиятельных в России лиц было его желание начать раскопки на Черноморском побережье Кавказа в полумифической Колхиде с целью поиска следов пребывания там аргонавтов и золотого руна. В 1883 г. он через товарища пред-

седателя Русского археологического общества И.В. Помяловского обращался с такой просьбой в Императорскую археологическую комиссию (РО НА ИИМК. Ф. 1. 1883. Д. 2. Л. 2). Не дожидаясь, пока решится этот вопрос, но все-таки надеясь на благоприятный для себя результат, Шлиман в начале 1883 г. еще прислал в Петербург на имя А.А. Половцова пять ящиков с троянскими древностями (Ханутина, 2004. С. 373). В своем дневнике А.А. Половцов записал, что вещи оказываются гораздо многочисленнее и разнообразнее, чем он ожидал. А в мае 1884 г. поступили еще воспроизведения двух мегаронов и копии фресок из Орхомена, сделанные из стюка (искусственного мрамора).

В инвентарь музея вся коллекция была внесена после 1886 г. под номерами 7417–7597, т.е. 181 предмет. В инвентарной описи кое-где рядом с описанием предмета имелся маленький рисунок пером, служащий, очевидно, для уточнения внешнего вида. Порою приводились сведения о стратиграфии, уточняющие глубину, на которой был найден тот или иной предмет: «№ 7436. Чаша с ручками из красной глазурованной глины с глубины 4–6 м. № 7437. стакан цилиндрический с глубины 5 м». Такими же сведениями сопровождалась каменные орудия: «№ 7464–7470. Семь клиночков ножей из черного кремня. На глубине 10 м на месте Трои. № 7471–7472. Два наконечника пик из черного камня. На глубине 9–10 м». Глиняные пряслица обозначены следующим образом: «№ 7481–7491. Одиннадцать кубарей глиняных. Их находят до девственной почвы от 3 м» (Неверов, 2006. С. 154). В коллекции было много маленьких сосудиков типа пиксид, амфорисков, арибаллов, ойнохой, киλικов, светильников, фигурок животных птиц и людей.

Г.Е. Прохоренко справедливо указала, что первое упоминание в делопроизводстве музея об этой коллекции относилось лишь к 29 ноября 1886 г. (Прохоренко, 2000. С. 128), что дало основание О.Я. Неверову полагать, что предметы «Троянской коллекции» поступили в музей только в это время (Неверов, 1998а. С. 68). По его же мнению, часть вещей, входивших в эту коллекцию, происходит не из раскопок на холме Гиссарлык, а могла быть найдена в Коринфе, Аттике, Беотии. Отдельные предметы происходят из Причерноморья и даже из Египта.

В 1899 г. хранитель музея А.А. Карбоньер издал «Каталог предметов глиняного, фаянсового и майоликового производства», в котором в разделе «Глиняное производство в древнем мире» опубликовал часть коллекции Г. Шлимана. Помимо этих материалов

в музее имелись иероглифические надписи и ушебти из Египта, статуэтки и сосуды из раскопок в Керчи, этрусские и римские лампы, маски, чаши (Карбоньер, 1899. С. 1–22). Ранее в 1893 г. он же опубликовал каталог стеклянных изделий музея, куда также вошли археологические находки, в основном бусы и фрагменты стеклянных сосудов, найденные в Египте и Северном Причерноморье (Карбоньер, 1893. С. 57–62).

Античные, византийские и средневековые вещи были в составе крупной коллекции А.В. Звенигородского, купленной в Париже у антиквара Левенгардта за 130 тыс. рублей и состоявшей из 662 предметов. Она поступила в музей весной 1885 г. (Раппе, 2006. С. 29). А в июле 1887 г. за 2 тыс. марок музей приобрел 31 воспроизведение вещей Гильдесгеймского клада, найденного в Саксонии и состоящего из 69 серебряных предметов, датируемых I в. до н.э – I в. н.э. Изготовлением этих гальваноконий занималась парижская фирма «Кристоффель и Ко» (Прохоренко, 2000. С. 148). В 1880-е гг. в Керчи у местных торговцев древностями Букселя и Константинова была приобретена большая коллекция греческих ювелирных изделий, состоящая из 74 предметов (Трофимова, 1993. С. 66).

С 1893 г. музей училища Штиглица стал получать некоторые археологические вещи из ИАК, председатель которой – граф А.А. Бобринской – приходился зятем А.А. Половцову и был членом Совета училища. Так, в апреле 1893 г. комиссия предложила музею часть дара египетского правительства, состоящего из 23 саркофагов с мумиями, найденными в окрестностях Фив. Эти древности были поделены между несколькими российскими университетами, Обществом поощрения художеств и училищем Штиглица. Таким образом в музей попала крышка саркофага и девять статуэток ушебти, которые стали ценным вкладом в собрание египетских древностей (Прохоренко, 2000. С. 149).

В 1898 г. училище купило за небольшую сумму два старинных головных убора и серебряные серьги, происходившие из Онежской губернии, которые были предложены ему ИАК. В 1899 г. комиссия прислала в музей 13 черепков глиняной посуды с разноцветным орнаментом и узором, найденных при раскопках в Херсонесе; в 1901 – 20 стеклянных сосудов из Керчи и Ольвии. В 1903 г. музей училища получил от комиссии 6 различных терракотовых сосудов, несколько позднее – фрагмент сосуда и две пары золотых серег, найденных Б.В. Фармаковским в Херсонской губернии. Подобные же предметы передавались в музей в 1904–1906 и

1909 г. В конце 1915 г. у графа А.А. Бобринского за 18 тыс. рублей была приобретена коллекция бронзовых изделий с перегородчатой эмалью (пластинки, бляшки, розетки, застезки, фибулы), изготовленных на Кавказе в XI в. В 1917 г. у новгородского антиквара Л.А. Квашенкина за 2 тыс. рублей музей купил коллекцию бытовых средневековых предметов (крестики, иконки, книжные застезки, кольца), найденных в Новгороде (Прохоренко, 2000. С. 151, 171).

Имелась в музее училища коллекция египетских древностей, происходящая из знаменитого собрания П.А. Сабурова, часть которого перешла к Н.М. Половцовой, которая и пожертвовала ее в музей. Среди вещей, насчитывающих 171 инвентарный номер, были бронзовые и деревянные статуэтки божеств и животных, глиняные и деревянные ушебти, сосуды из алебаstra, части саркофагов (Тураев, 1899. С. 135–141).

В экспозиции музея, разместившегося в специальном здании, построенном по проекту архитектора М.Е. Месмахера, к 1881 г. существовал отдельный зал со сводами, украшенными росписями в греко-римском стиле. В этом зале и были выставлены античные вещи, которые в совокупности с интерьером должны были создавать представление о художественном вкусе той эпохи, в соответствии со стилистикой историзма второй половины XIX в. (Трофимова, 1993. С. 66).

В послереволюционное время, несмотря на создание на базе музея училища «1-го филиала» Государственного Эрмитажа, просуществовавшего до начала 1930-х гг., «жемчужина» археологического собрания музея А.Л. Штиглица – коллекция Г. Шлимана – по акту от 12 августа 1924 г. была передана в Эрмитаж. Однако в 1951 г. после возрождения Художественно-промышленного училища 49 предметов были возвращены и находятся там до настоящего времени.

Музей Общества поощрения художеств

Очень схожими с собраниями музея училища Штиглица по своей структуре и задачам художественно-промышленного образования были коллекции музея Общества поощрения художеств (с 1882 – Императорское общество поощрения художеств – ИОПХ). Он возник в 1870 г. по инициативе известного русского писателя Д.В. Григоровича и председателя общества – великой княгини Марии Николаевны. Первоначально коллекции находились в Мариинском дворце, а в 1877 г. Обществу было передано здание на Большой Морской улице, 38, где и разместился музей. Осно-

ву его собраний составили щедрые дары императора Александра II, Марии Николаевны, многих русских аристократов (Прохоренко, Бандорина, 1997. С. 195). Материал распределялся по художественно-технологическому принципу: гончарное дело, литейное дело, ткачество и т.д. Уже в 1870 г. в музее имелись изразцы и «небольшие сосуды из обожженной глины, весьма древнего происхождения, найденные при раскопках в садах и окрестностях Ходжента», «сосуд, отлитый из олова, с человеческими изображениями и орнаментами, отлитыми также из олова и потом припаянными», найденный во время раскопок в Новгороде (Указатель собрания, 1870. С. 6, 11, 38).

В дальнейшем С.Г. Строганов пожертвовал музею собрание из 34 древнегреческих сосудов, две танагрские статуэтки, образцы различной керамики разных эпох и регионов, среди которых был, например, «горшок глиняный; по туловищу пояс с гравированным разводом, выдавленным от руки в сырой массе, доисторического периода, найденный в Ютландии». 21 сосуд и 4 светильника из керченских раскопок были пожертвованы А.В. Звенигородским. В разделе экспозиции, посвященной стеклянному производству, были целые и фрагментированные образцы римских стеклянных сосудов, значительную часть которых пожертвовал М.П. Боткин. Раздел металлического производства содержал «блюдо серебряное, изображающее кормление змей при орфических таинствах греко-римской работы приблизительно II ст. по Р.Х.», подаренное графом Г.С. Строгановым, бронзовую лампаду того же времени и «собрание ручек древнего римского и греческого производства из отливной бронзы», подаренное М.П. Боткиным (Каталог, 1901. С. 176–178, 262, 263, 288, 323). В целом коллекция античной керамики и глиняных изделий к 1904 г. насчитывала 168 номеров. С конца 1890-х гг. музей Императорского общества поощрения художеств возглавлял академик живописи, известный коллекционер и художественный деятель М.П. Боткин, который, по свидетельству современников, чисто плотностью в делах не отличался и мог путать личные коллекции с музейными. Так, в воспоминаниях П.П. Вейнера описывается история с сасанидским серебряным блюдом, подлинник которого обнаружился в музее ИОПХ, а гальваноконья в Эрмитаже, хотя должно было быть наоборот (Вейнер, 2008. С. 110–111).

В 1920-е гг. экспозиция музея была переделана в соответствии с принципами всеобщей индустриализации страны в выставку

производства и ремесленной техники. Музей ИОПХ существовал до 1929 г., когда он был соединен с бывшим музеем Центрального училища технического рисования барона А.Л. Штиглица, ставшим филиалом Эрмитажа. В дальнейшем его собрания пополнили фонды Эрмитажа.

Особенностями этих музеев были случайность в формировании фонда археологических коллекций. В отличие от экспозиции Музея антропологии и этнографии АН они не ставили своей задачей показ эволюции человеческой культуры от каменных орудий до Средневековья. Отсюда определенная эклектичность их археологических коллекций. Значительными средствами для покупки новых коллекций обладало только училище А.Л. Штиглица, остальные пополнялись за счет даров или передач из ИАК. Для музеев учебных заведений – Академии художеств, училища А.Л. Штиглица – было характерным стремление использовать археологические коллекции в учебном процессе. В последнем, также как и в музее ИОПХ, исходя из этого, коллекции могли делиться не по хронологическим признакам, а по технологическим (металл, стекло, керамика и т.д.).

Небольшие археологические коллекции были еще в нескольких петербургских музеях. В 1831–1861 гг. в Петербурге действовал Румянцевский музей, возникший из частной коллекции государственного канцлера графа Н.П. Румянцева (1754–1826). Согласно описи, составленной академиком А.Х. Востоковым в 1831 г. при переходе музея в руки государства, там, помимо большой нумизматической коллекции, значилось «восемь ящиков с древностями, состоящими из металлических, глиняных, костяных и деревянных утварей, открытых в земле и в разных местах найденных – 132 названия» (Филимонов, 1882. С. 193). Среди них были амфорные ручки с клеймами, керамические сосуды, предметы вооружения и т.п. В 1861 г. Румянцевский музей был переведен в Москву. Вскоре его книжное собрание был реорганизовано в библиотеку, давшую начало крупнейшей библиотеке России – ныне Российская государственная библиотека, а музейные коллекции разошлись по различным музеям Москвы. Археологические и этнографические экспонаты составили Дашковский музей.

В собрании Царскосельского арсенала, кроме оружия, снаряжения, доспехов и т.д. хранились и другие коллекции: собрание редких печатей, старинная утварь, предметы археологии, в том числе некоторые керченские древности. Но основой коллекции Царскосельского

арсенала было оружие. С 1852 г. Царскосельский арсенал был открыт для обозрения и получил как музей официальное признание. Во второй половине XIX в. основные коллекции арсенала вошли в состав Эрмитажа (Белавская, 1961. С. 349).

Несколько древневосточных вещей (стауэтки, папирусы, кирпичи с письменными знаками) хранилось в музее Общества любителей древней письменности (Тураев, 1900. С. 1–12). В Церковно-археологическом музее, возникшем при Санкт-Петербургской духовной академии в 1879 г. и вобравшем в себя коллекцию Новгородского земского музея, из собственно археологических предметов были только позднеантичные светильники, найденные при раскопках в Иерусалиме и в римских катакомбах (Покровский, 1909. Таб. I).

В перечнях петербургских музеев начала XX в. иногда указывают «Археологический музей А.Ф. Эльтермана», находившийся на Гороховой улице, 27. В действительности же это была часовая и антикварная лавка Аарона Фроловича Эльтермана – одного из крупнейших торговцев древностями в Петербурге. Он обладал немалым частным собранием памятников античной и египетской культуры. В декабре 1918 г. А.В. Шмидтом для Пермского университета было у него куплено «собрание древностей, состоящее из терракот, ваз, сосудов, стекла, бронз, кости, светильников и других греческих, римских и египетских предметов за тридцать пять тысяч рублей» (Колпаков, 2004). В настоящее время эта коллекция находится в музее истории Пермского государственного университета (Стабровский, 1994. С. 49–50). Некоторые частные петербургские собрания древностей были также открыты для публики и могли претендовать на статус частных музеев. Таковыми были коллекции В.С. Голенищева, М.П. Боткина (Тихонов, Бильвина, 2011. С. 132–134; Тихонов, 2011б. С. 350–351).

Археологические коллекции небольших петербургских художественных музеев сыграли важную роль в воспитании хорошего вкуса у будущих художников и дизайнеров, в пропаганде археологии и знакомстве широких кругов публики с археологическими находками. В конечном итоге почти все эти коллекции археологических материалов были аккумулированы в Эрмитаже, где стали предметом научного изучения.

Литература

- Андреева Е.М.* Музей «антиков» Императорской Академии художеств. История собрания и его роль в развитии системы художественного образования в России во второй половине XVIII – первой половине XIX веков: дис. ...канд. искусств. СПб., 2004.
- Белавская К.П.* Дворцовые музеи и хранилища XVIII – первой половины XIX века // Очерки истории музейного дела в России. Вып. III. М., 1961. С. 301–364.
- Богданов И.А.* Долгая дорога в Троя. Генрих Шлиман в Петербурге. СПб., 1995.
- Бранденбург Н.Е.* Путеводитель по С.-Петербургскому артиллерийскому музею. I. Отдел доисторический. СПб., 1902.
- К.П. Брюллов в письмах, документах и воспоминаниях современников / Сост. Н.Г. Машковцев. М., 1961.
- Вейнер П.П.* Библиографические листки. «Старые годы», их история и критика en connnaissance de cause (комментарии) / Вступ. ст., сост., коммент. И.А. Золотинкиной. СПб., 2008.
- Веселовский Н.И.* История Императорского Русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования 1846–1896. СПб., 1900.
- Императорская археологическая комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Науч. ред.-сост. А.Е. Мусин. Под общей ред. Е.Н. Носова. СПб., 2009.
- Йене А. Г.* Шлиман и А.А. Половцов. Путь троянских древностей в Россию // Троя и ее сокровища: Междунард. науч. конф. М., 1996. С. 1–2.
- [*Карбоньер А.А.*] Музей Центрального училища технического рисования барона Штиглица. Каталог предметов стеклянного производства и живописи на стекле / Сост. А.А. Карбоньер. СПб., 1893.
- [*Карбоньер А.А.*] Музей Центрального училища технического рисования барона Штиглица. Каталог предметов глиняного, фаянсового и майоликового производств / Сост. А.А. Карбоньер. СПб., 1899.
- Каталог Музея Императорского Общества поощрения художеств. СПб., 1901.
- Клейн Л.С.* Генрих Шлиман в Петербурге // Шлиман. Петербург. Троя: Каталог выставки. Государственный Эрмитаж. СПб., 1998. С. 8–15.
- Клейн Л.С.* История археологической мысли. В 2 т. Т.1. СПб., 2011.
- Колпаков И.С.* Потерянная коллекция Суручана // Новый Гиперборей. Пермь, 2004 // <http://kidm-psu08.ucoz.ru/index/0-32>.
- Конькова Г.И.* К вопросу изучения коллекции слепков музея Академии художеств. Вторая половина XVIII века // Пресновские чтения – II. Сборник статей по материалам конференции, посвященной вопросам изучения русской скульптуры XVIII–XX вв., проходившей в Ленинграде 16–17 ноября 1989 года. СПб., 1994. С. 34–43.
- Лебедев Г.С.* История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб., 1992.
- Лебедев Г.С.* Опыт периодизации истории отечественной археологии // Проблемы истории отечественной археологии. Тез. докл. конф. 11–13 декабря 1990 г. СПб., 1993. С. 2–4.
- Лисовский В.Г.* Академия художеств. 2-е изд., переработ. и доп. Л., 1982.
- Лисовский В.Г.* «Национальный стиль» в архитектуре России. М., 2000.
- Минц-кабинет Императорской Академии художеств. Собрание каталогов по минц-кабинету, с общим к ним сводом. СПб., 1874. [Сост. Д. Прозоровский].

- Неверов О.Я.* Древности из собрания Генриха Шлимана // Шлиман. Петербург. Троя. Каталог выставки. Государственный Эрмитаж. СПб., 1998а. С. 66–69.
- Неверов О.Я.* Русские промышленники – собиратели древностей // Коллекционеры и меценаты России: Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию коллекции Самарского художественного музея. Самара, 1998б. С. 68–72.
- Неверов О.Я.* Генрих Шлиман и его троянские древности // Наше наследие. 2006. № 79/80. С. 150–155.
- Оленин А.Н.* Археологические письма к Н.И. Гнедичу, СПб., 1872.
- Оленин А.Н.* Археологические труды А.Н.Оленина. Т. I [вып. 1] – II, СПб., 1877.
- Оленин А.Н.* Опыт о костюме и оружии гладиаторов. СПб., 1882.
- Охрана памятников истории и культуры в России XVIII–XX вв. М., 1978.
- Пивоварова Н.В.* Музей Санкт-Петербургского археологического института (1878–1922) // Судьбы музейных коллекций. Материалы VII Царскосельской науч. конф. СПб., 2001. С. 116–123.
- Покровский Н.В.* Церковно-археологический музей С.-Петербургской духовной академии. 1879–1909. СПб., 1909.
- Преснов Г.М.* Музей Академии художеств. Отдел античной скульптуры. Краткий очерк. Л., 1949.
- Прохоренко Г.Е.* Музей Центрального училища технического рисования барона А.Л. Штиглица. История создания и формирования коллекции: дис. ... канд. искусств. СПб., 2000.
- Прохоренко Г.Е., Бандорина К.В.* Художественно-промышленный музей Общества поощрения художеств в Петербурге // Сборник материалов Всероссийской юбилейной конф. «Учебный художественный музей и современный художественный процесс». СПб., 1997. С. 193–198.
- Прохоров В.А.* Каталог музея древнерусского искусства. СПб., 1879.
- Раппе Т.* Западноевропейское прикладное искусство в Музее Училища барона Штиглица // Наше наследие. 2006. № 77.
- Спицын А.А.* Краткий каталог музея Русского археологического общества. СПб., 1908.
- Стабровский А.С.* Из истории собрания древностей художественного фонда музея истории Пермского университета // Античные коллекции из раскопок Северного Причерноморья. М., 1994. С. 49–50.
- Суслов В.В.* Материалы к истории древней новгородско-псковской архитектуры. СПб., 1888.
- Суслов В.В.* Очерки по истории древнерусского зодчества. СПб., 1889.
- Тихонов И.Л.* Последний председатель Императорской археологической комиссии граф А.А. Бобринский // Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию кандидата исторических наук А.А. Формозова. СПб., 2003. С. 95–117.
- Тихонов И.Л.* Археология в Музее антропологии и этнографии Академии наук в XIX – начале XX вв. // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). М., 2010. С. 665–677.
- Тихонов И.Л.* Археология в этнографических музеях Санкт-Петербурга XIX – начала XX веков // Российский археологический ежегодник. 2011а. № 1. С. 527–547.
- Тихонов И.Л.* Частные археологические коллекции в Санкт-Петербурге конца XIX – начала XX вв. // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. СПб.; М.; Вел. Новгород, 2011б. С. 350–351.

- Тихонов И.Л. Археологические собрания Санкт-Петербургского университета в XIX – начале XX вв. // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 12. СПб., 2013а. С. 572–588.
- Тихонов И.Л. История российской археологии: формирование организационной структуры и деятельность научных центров в Санкт-Петербурге (XVIII – первая четверть XX вв.): автореф. дис... докт. ист. наук. СПб., 2013б.
- Тихонов И.Л., Бильвина О.Л. Частное коллекционирование археологических предметов: история и проблемы // Международный науч.-практ. конф. «Рериховское наследие». СПб., 2011. Т. VII: Н.К. Рерих. Творимая легенда. Коллекции и коллекционеры, музеи и усадьбы. Круг Рерихов, Путятиных, Боткиных. С. 126–152.
- Трофимова А.А. Музеи античного искусства в Петербурге // Санкт-Петербург и античность. СПб., 1993. С. 58–68.
- Тункина И.В. А.Н. Оленин и древности Южной России // Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки: Труды семинара «Проблемы истории и историографии археологической науки». Вып. 1. СПб., 1995. С. 18–27.
- Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX вв.). СПб., 2002.
- Тураев Б.А. Описание древневосточных предметов в Музее Императорского Общества любителей древней письменности. СПб., 1900.
- Тураев Б.А. Описание египетских памятников в русских музеях и собраниях // ЗВОРАО. 1899. Т. XI. С. 115–164.
- Указатель скульптурного музея Императорской Академии художеств. Скульптура древних народов / составил Г. Трей. СПб., 1870.
- Указатель собранию художественных произведений, принадлежащих членам Императорского дома, частным лицам и также составляющим собственность Музеума художественно-промышленных образцов, основанного Обществом поощрения художников. СПб., 1870.
- Файбисович В.М. Алексей Николаевич Оленин. Опыт научной биографии. СПб., 2006.
- Филимонов Г.Д. Граф Н.П. Румянцев как археолог-собирающий // Сборник материалов для истории Румянцевского музея. Вып. I. М., 1882. С. 171–198.
- Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма. М., 2004.
- Фролов Э.Д. Русская наука об античности. Историографические очерки. СПб., 2006.
- Хадсон К. Влиятельные музеи. Пер. с англ. Новосибирск, 2001.
- Ханутина З.В. Неизвестные терракотовые статуэтки из собрания Генриха Шлимана в античном фонде Государственного музея истории религии // Археологические вести. СПб., 2004. Вып. 11. С. 369–378.
- Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. 1764–1914 / Составил С.Н. Кондаков. I. Часть историческая. [СПб., 1914].
- Schnapp A. The discovery of the past. The origins of archaeology. London, 1996.
- Schnapp A. Between antiquarians and archaeologists – continuities and ruptures // Antiquity. 2002. Vol. 76. P. 134–140.

КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЕ ДРЕВНОСТЕЙ ЕНИСЕЯ КАК СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

© 2015 г. А.С. Вдовин*, М.А. Дэвлет**, С.В. Кузьминых**

*Красноярский педагогический университет имени В.П. Астафьева

** Институт археологии РАН, Москва

Ключевые слова: археологические коллекции, частное собирательство, кладоискательство, музеи

Статья посвящена проблемам коллекционирования археологических артефактов в XVIII–XX вв. и влиянию этого явления на историю археологической науки, деятельность отдельных ученых, культурную жизнь российской провинции.

В XVIII–XIX вв. частное коллекционирование древностей в России приобрело широкие масштабы. На волне повышенного интереса к истории после Отечественной войны 1812 г. собирательством стали увлекаться русские ученые, особенно историки. В связи с развитием античной и славяно-русской археологии возник интерес к коллекционированию, прежде всего, этих древностей. Но параллельно еще одним полюсом притяжения стали древности сибирские, главным образом минусинские. Они привлекали внимание не только ученых из Петербурга, Москвы, Казани и Гельсингфорса, но и представителей местной сибирской администрации, чиновничества, золотопромышленников, купцов и иных сословий. Последние, составляя частные коллекции, смотрели на памятники археологии как на диковинки и курьезы. Собирались в первую очередь эффектные металлические предметы, вызывавшие удивление и украшавшие кабинеты любителей древностей. Не понимая научной ценности собранных коллекций, владельцы дарили, продавали, передавали их по наследству. Постепенно предметы расходились по рукам, терялись, окончательно пропадая для науки. В частности, о коллекциях известных собирателей XIX в. – енисейского губернатора А. Степанова, минусинского окружного начальника князя Н. Кострова, чиновника Л. Титова и управляющего отделом банка И. Александрова – мы знаем лишь по воспоминаниям современников. После смерти владельцев следы собранных ими коллекций теряются уже в третьей четверти XIX в.

Одним из крупнейших собраний древностей, в первую очередь русских, обладал М.П. Погодин – известный историк и публицист, профессор Московского университета. Его археологический музей («Древлехранилище») приобрел известность по всей России. Сама личность Погодина интересна для нас с двух позиций. Во-первых, он был издателем журнала «Москвитянин», в котором печатались материалы по археологии и этнографии Сибири. Здесь поместил первые свои работы известный сибирский этнограф и археолог князь Н.А. Костров. Во-вторых, именно Погодин приобрел и сохранил для науки ценную коллекцию сибирских древностей Г.И. Спасского, которая поступила первоначально в Румянцевский музей, а затем была передана в Исторический музей (Марсадолов, 1996. С. 11). Тем самым Погодин уберег ее от участи многих подобных же собраний первой половины XIX в., впоследствии безвестно канувших в лету (Овсянникова, 1961. С. 66–144).

В первой половине XIX в. наибольшую известность среди собраний древностей приобрела коллекция первого енисейского губернатора А.П. Степанова (рис. 1). Используя служебное положение, вельможа производил раскопки курганов близ Красноярска. По его же указанию местные чиновники приобретали древности, находимые в Минусинском округе, и отсылали их в Красноярск. В книге «Енисейская губерния» Степанов упоминает, что одних только бронзовых зеркал в его коллекции было свыше двадцати (Степанов, 1835). По описанию А. Эрмана (Erman, 1850), она представляла значительный интерес для науки (рис. 3). Еще одно весьма примечательное свидетельство о коллекции Степанова оставил норвежский профессор К. Ханстен, участник экспедиции А. Гумбольдта в Западную Сибирь: «Мы проводили все свое свободное время у этого достойного человека в обществе молодых писателей, которые были привлечены к сотрудничеству в альманахе¹. В его кабинете находилась коллекция местных минералов, а во всех ящиках и на полках – гравюры и рисунки, изображающие обитателей севера, предметы естественной истории, виды, книги, антикварные редкости» (цит. по: Окладников, 1950. С. 28). В число последних входили, вероятно, и археологические предметы.

Коллекция древностей А.П. Степанова, судя по свидетельству современников, была значительной и уникальной. Упомянувшимся выше зеркалам владелец дал такую характеристику: «Эти металличе-

¹ Речь идет о литературном журнале «Енисейский альманах».

ские зеркала, сделанные из меди, имеющие всегда форму круглую и так гладко полированные с одной стороны, что иные из них, лежащие несколько веков в могилах, сохранили ясность. С задней стороны имеют они ушки и различные рельефные изображения: решетки, цветы, деревья, животных, фигурки человеческие, группы людей и даже «NB буквы» (Степанов, 1997. С. 28). Примечательно, что в этой коллекции имелись также кремневые наконечники стрел, каменные кирки, молотки и долота, собранные на пашнях в Минусинском крае. По мнению А.А. Формозова, это «первые по времени сообщения о коллекции каменных орудий у частного лица» (Формозов, 1961. С. 9). После смерти губернатора его собрание древностей бесследно исчезло.

Среди научных академических экспедиций первой половины XIX в. выделялись исследования М.А. Кастрена² (рис. 2). В ходе его работ в Западной Сибири, Саянах и Забайкалье в 1845–1849 гг. были собраны значительные археологические материалы (равно как и лингвистические, фольклорные и этнографические). В 1847 г. на среднем Енисее и в Саянах Кастрен раскопал 30 курганов различных эпох, зарисовал изваяния, скопировал с высокой точностью наскальные рисунки и надписи (у горы Оглахты, деревень Абакано-Перевозная, Тесь, Улазы, Красный камень, Майдаши, на реках Сисим и Бирюса). Им сделаны интересные наблюдения о детских захоронениях, их расположении относительно взрослых, впервые определена особая категория погребений (впускные могилы). М.А. Кастрен известен как создатель теории происхождения тюркских, монгольских и тунгусо-манчжурских языков (алтайская теория), гипотез о южных истоках предков финно-угров и самодийцев, о родстве уральских и алтайских языков, общую прародину которых он помещал на Алтае-Саянском нагорье. Археологические исследования в Минусинской котловине и Туве привели его к заключению, что прародину протофиннов надо искать не на Алтае-Саянском нагорье и в прилегающих к нему степях, а гораздо южнее. Путешествия подорвали здоровье Кастрена, что привело к его ранней кончине от туберкулеза (Памяти..., 1927). Преждевременная смерть исследователя повлекла за собой гибель значительной части собранных им ценнейших материалов.

Во второй половине XIX в. меняется состав коллекционеров. В.В. Стасов писал по этому поводу: «Начался новый период. Барство стало сходиться со сцены и замолкло, на место его выдвинулись новые

² См. коротко о нем и его исследованиях: Решетов, Кузьминых, 2009. С. 300.

сословия, которые поселились в старых барских домах, у которых явилась охота жить среди картин, статуй и редкостей, как прежде князья и графы» (Стасов, 1893. С. 585).

В окрестностях Красноярска в 1866–1871 гг. проводил раскопки И. Александров – управляющий отделом Государственного банка, который имел одно из первых разрешений от Императорской археологической комиссии на проведение раскопок на территории Енисейской губернии и посылал в ИАК свои «отчеты» (Белова, Васильева, 1992. С. 34). Занимаясь на досуге раскопками курганов, финансист-чиновник составил значительную коллекцию древностей. Работы проводились им без всякой научной цели, на низком методическом уровне. Не случайно эти «исследования» вызвали у современников негативные отзывы. А.В. Адрианов писал: «Этот вандал, обладая средствами, перепортил несколько больших курганов и тем увековечил, подобно Герострату, свое имя в археологической литературе Сибири» (Адрианов, 1884. С. 2). И.Т. Савенков сокрушался, что «коллекция Александра – археолога-психопата, разрывшего почти все курганы в окрестностях Красноярска, бывшая в беспорядке при жизни владельца, распродана и растеряна после его смерти и так же бесследно исчезла» (цит. по: Мартынов, 1973. С. 83). В свое время он пытался отыскать следы этой коллекции, но нашел лишь череп с печатью полицейского участка (Ядринцев, 1887. С. 16).

О судьбе этой коллекции Археологическая комиссия в 1889 г. пыталась навести справки через енисейского губернатора, направив письмо следующего содержания: «В течение 1867–1870 годов И. Александров производил археологические раскопки в окрестностях г. Красноярска и других местах Енисейской губернии и успел составить довольно значительную коллекцию бронзовых, железных и глиняных изделий, найденных им при этих раскопках... считаем должным обратиться... с покорнейшей просьбой приказать собрать сведения о том, куда поступила означенная коллекция после смерти Александра» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3280. Л. 63–64). Распоряжение к исполнению «спустили» красноярскому полицмейстеру, который провел дознание. Из его рапорта следует, что оставшееся движимое имущество чиновника, включая незначительную и малоценную коллекцию древностей, продавалось в Енисейском губернском правлении в 1873 или 1874 г. с аукционного торга. Несколько вещей, по словам служителя банка Шепетовского, были отправлены Александровым в Академию наук (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3280. Л. 74). К счастью, В.В. Радлову удалось зарисовать часть этой коллекции и таким

образом сохранить для науки информацию о нескольких бронзовых предметах тагарской культуры: кельте, двух миниатюрных кинжалчиках, миниатюрном чекане, 12 бронзовых ножах, проколке и других находках. Все они происходят из окрестностей Красноярска (Торгашино, Ладейское, Березовка) (Мартынов, 1973. С. 83).

Проблему частных археологических коллекций попытался поднять А.В. Адрианов (рис. 4), который в 1881 г. обратился к собирателям древностей через «Сибирскую газету», призывая их присылать свои коллекции в Российский Исторический музей, где с них делали бы рисунки, описание и отмечали место находки. Адрианов выступил, кроме того, против продажи коллекций, так как это, по его мнению, лишит сибирский (Томский – *авт.*) университет и музеи «драгоценных памятников» (Дэвлет, 1996. С. 10). В заключение подвижник сибирской археологии отмечал: «Позволю себе надеяться, что обладатели таких коллекций не оставят без внимания моего предложения и, в интересах отечественной истории, постараются сделать общеизвестными свои находки, сохраняя за собой право собственности на них» (цит. по: Дэвлет, 1996. С. 10).

Московское археологическое общество к каждому Всероссийскому археологическому съезду стремилось организовать выставку древностей и обращалось за содействием в губернские, уездные и университетские музеи, реже к частным лицам. В 1889 г. МАО при подготовке к VIII АС обратилось в Енисейское губернское управление с тем, чтобы пригласить к участию в выставке частных владельцев древних предметов. 26 августа обращение МАО было опубликовано в «Енисейских губернских ведомостях» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3280. Л. 125).

В 1886 г. с некоторыми большими частными коллекциями познакомился во время своей поездки по Сибири Н.М. Ядринцев (рис. 5). Среди них были собрания князя Н.А. Кострова, чиновника Л.Ф. Титова, губернатора А.П. Степанова, происходящие с территории Енисейской губернии. К сожалению, о судьбе этих коллекций ныне ничего не известно. Годом позже П.С. Уварова наводила справки о частных коллекциях в Сибири через Д.А. Клеменца (рис. 6), который сообщил графине следующее: «Из местных частных коллекций мне известны, кроме Адриановской, – небольшая коллекция И.П. Кузнецова [Красноярского – *авт.*], в которой есть экземпляра три ножей интересной формы, коллекция священника в селе Абаканское, отца Степана, и довольно полная, известная мне по рисункам коллекция г[осподина] Боилинга из Енисейска <...>. Рисунки с вещей в коллекции Кузнецова и описание их владельцы охотно позволят сделать, я

готов взять на себя пересмотр и составление описания, а также рисунков с наиболее интересных вещей в коллекции абаканского священника. Сделать то же относительно коллекции г. Боилинга я могу не ранее 1888 года, так как раньше этого времени у меня не будет возможности попасть в Енисейск. Рисунки вещей этой коллекции есть» (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Д. 555. Л. 233-234).

Коллекция англичанина П.А. Бойленга³, по свидетельству Н.М. Ядринцева, состояла из 799 медных, каменных, железных, костяных и чугунных предметов, а по сведениям Д.А. Клеменца в ней было более 500 предметов. Судьба этого собрания волновала сибиряков. Клеменц писал графине П.С. Уваровой: «Проезжавшие через Томск английские путешественники Виггинс и Сюливан заявили мне, что Боилинг продает им свою коллекцию за 3000 р. И спрашивали – можно ли дать за нее такую цену? Я не дал определенного ответа в расчете, что может быть удастся найти покупателя в России и таким образом не отдать хорошего материала в чужие руки. Коллекция эта недурная, подбор вещей хорош, но редких экземпляров в ней мало. Если Боилинг считает каждую железную штуку за отдельный № и причисляет сюда же казацкую кольчугу, никакого интереса не имеющую, то он просит несколько дорого. Может быть отдельное лицо или учреждение заинтересуется этой коллекцией, тогда я бы предложил обратиться для ведения переговоров к Н.М. Мартьянову, лично знакомому Боилингу, или к Иннокентию Александровичу Лопатину. Последний знает цену сибирских древностей на месте лучше [чем] кто либо, и как енисейский золотопромышленник часто бывает в Сибири, в Енисейске. Было бы жаль упустить ценную коллекцию древностей и отдать в руки иностранцев» (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Д. 555. Л. 237 об.–238). В следующем письме Клеменц сообщает: «О коллекции Боилинга я писал и в Археологическую комиссию в надежде, что может быть и она найдет путь какой-нибудь приобрести ее, но должно быть придется ограничиться одним описанием и изданием существующих с этой коллекции рисунков» (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Д. 555. Л. 242 об.).

Императорская археологическая комиссия в 1888 г. обратилась к Н.М. Мартьянову (рис. 7) за сведениями об этой коллекции. Примечателен ответ Николая Михайловича (11.04.1888), касающийся не только коллекции Бойлинга, но и оценки собирательства древностей в Минусинском округе. Приведем его полностью.

³ Бойлинга – по другим источникам.

«В полученном мною письме от 8 марта с[его] г[ода] Императорская археологическая комиссия обращается ко мне с просьбой сообщить о составе и стоимости коллекции сибирских древностей живущего в Енисейске англичанина г[осподина] Бойлинга. Считая своим долгом исполнить желание Императорской археологической комиссии, прежде всего, позволю себе высказать несколько соображений об оценке местных археологических предметов вообще. Не считая себя компетентным в этом последнем, я могу только заметить, что обыкновенный способ собирания древностей, к которому прибегают посещающие наш и соседние округа ученые и любители древностей, состоит в личных разъездах по округам для скупки предметов у разных лиц. При разбросанности и сравнительной немногочисленности лиц, в руки которых каким-либо образом попали археологические предметы, ученому или любителю-коллектору, обыкновенно приходится потратить немало времени и средств на эти разъезды. Поэтому мне кажется, труд и средства, затраченные на разъезды, по справедливости должны быть приняты во внимание при определении стоимости собранных древностей наряду с суммой денег, употребленных на их покупку. И если приобретение за ничтожную плату вещей, в сущности очень ценных, является делом счастливого случая, то, с другой стороны, такая счастливая случайность уравнивается прежними тратами, часто неизбежными ни для частного лица, ни для нашего Музея при одном из обыкновенно практикуемых ими способов собирания археологических предметов, – именно через посредство случайных, часто неопытных и незнакомых с археологической наукой лиц, которые по своей неопытности или незнанию покупают по дорогой цене вещи или совершенно негодные, или такие, стоимость которых ничтожна. В виду всего этого, я не могу не разделять вполне мнения И.А. Лопатина, к которому я не раз обращался за советами и мнением, и который оценивает все предметы медного века в составе коллекции не менее чем при 100 отдельных номеров – по пяти рублей за номер, а предметы железного века по 2–3 р[убля] за номер, не считая между последними наконечников стрел, стоимость которых ничтожна.

Переходя теперь к коллекции г[осподина] Бойлинга, я спешу уведомить, что в целом этой коллекции я не видел; мне пришлось видеть только некоторые предметы и слышать о других. Г[осподин] Бойлинг, в бытность свою по личным делам в Минусинском округе в 1879 г. и 1880 г., предпринял две поездки по нему с целью собирания древностей. Относительно результатов его поездки я имею некоторые

сведения. Именно, г[осподином] Бойлингом собрано было каменных вещей – 12 (жернова, точильные камни), медных вещей – 90 (из них кинжалов – 7, ножей – 30, серпов – 3, топоров – 8, долот – 6, удила – 8 и мн[ого] др[угих]) железных вещей – 52. Многие из предметов этой первой коллекции были срисованы; рисунки эти были посланы мною на время в прошлом году графине П.С. Уваровой. Из первой коллекции я видел некоторые предметы, как, напр[имер], (из числа) медных: медный снаружи кинжал, с железным внутренним стрежнем, присутствие которого было обнаружено только благодаря отверстию, образовавшемуся от повреждения верхнего медного слоя; затем бляхи поясные, изображения оленей. Знаю также, что в числе медных вещей встречаются китайские монеты и зеркала, это вещи, не принадлежащие медному веку. Что касается качественного и количественного состава коллекции г[осподина] Бойлинга, собранной им во вторую поездку по Минусинскому округу, то я теперь не могу дать каких-либо определенных сведений. Я видел только некоторые предметы из этой коллекции, как напр[имер], серебряные подвески, медные долота, ножики, застежки, некоторые каменные орудия, из последних выдается по своему интересу палица в аршин длины, представляющая из себя в сущности отпечатки ствола дерева кноррии каменноугольной формации (*knorria imbricate*), находимые в Минусинском и Ачинском округах и в соседней Монголии. Вообще же, сравнивая состав археологических коллекций г[осподина] Бойлинга и нашего Музея, я прихожу к тому выводу, что за исключением двух-трех каменных вещей все остальные повторяются и в нашем Музее.

Искренно сожалею, что я теперь не имею возможности дать Императорской археологической комиссии более обстоятельных сведений об археологических коллекциях г[осподина] Бойлинга, – прошу принять уверения в моем глубоком почтении и полной готовности к услугам. Николай Мартыанов» (РО НА ИИМК. Ф. 1. 1883. Д. 46. Л. 180–182 об.).

В газете «Сибирский вестник» сохранилось описание того, как два иностранца, Боулинг (Бойленг/Бойлинг – *авт.*) и Сюливан, торговались об окончательной цене собрания сибирских древностей (Б.п., 1888. С. 2). К счастью, оно осталось в России. Владелец снизил цену до 2500 р., а в итоге продал коллекцию за 2050 р. известному красноярскому купцу И.Г. Гадалову. Последний передал основную часть собрания в дар археологическому музею Томского университета (Ядринцев, 1887. С. XIII–XVI), а некоторые материалы – в Минусинский музей (Кон, 1902. С. 224).

Известным коллекционером был археолог-любитель, историк, золотопромышленник И.П. Кузнецов-Красноярский (рис. 8). Собираением древностей начал заниматься его отец П.И. Кузнецов. В 1877 г. от него поступила в Иркутский музей ВСОРГО большая коллекция «местных древностей», положившая начало археологическому собранию музея. Сын в конце 1880-х гг. передал собранные им коллекции в археологический музей Томского университета, а также в Минусинский и Российский Исторический музеи. Затем он вновь стал коллекционировать археологические предметы и позднее опубликовал свое собрание древностей (Кузнецов-Красноярский, 1908).

Счастливей оказалась судьба и у археологической коллекции И.Т. Савенкова (рис. 9), с которой Н.М. Ядринцев познакомился во время той же поездки 1886 г. Савенков на протяжении многих лет своей жизни в Красноярске занимался собиранием геологических и антрополого-археологических материалов. Среди них – каменные орудия с Базаихи и Афонтовой горы (около 1000 предметов). Только наконечников стрел в его коллекции было около 300 экземпляров. «Кроме этих предметов, – отмечал Ядринцев, – мы видели... добытые на Базаихе и реке Узунжуле в Минусинском округе бронзовые орудия при совместной раскопке [И.Т. Савенкова – *авт.*] с И.П. Кузнецовым; из них особенно заслуживают внимания боевые топоры или клевцы, насаживаемые на деревянную ручку и находившиеся рядом с костяком», «кроме того [Савенков – *авт.*] составил превосходную коллекцию писаниц» (Ядринцев, 1887. С. XIII–XVI).

Позднее, когда И.Т. Савенков по служебным делам выехал в 1894 г. в Варшаву, он передал свою обширную коллекцию в Зоологический и Антропологический музеи Академии наук, таким образом, определив ее дальнейшую судьбу. «Мое желание – не разрознивать по частям коллекции и передать их полностью на хранение в одно из центральных научных учреждений, чтобы они впоследствии подверглись надлежащей специальной обработке и сделались бы таким образом достоянием науки» (Савенков, 1894. С. 6). Собиратель сам составил подробную опись и каталог передаваемой коллекции. Он просил напечатать в изданиях Академии наук сообщение, чтобы его коллекции «не затерялись и чтобы их временами выставляли» (цит. по: Ларичев, 1969. С. 63), и специалисты могли обратить внимание на вновь поступившие в музей материалы. Позже исследователь работал со своей же коллекцией в Музее антропологии и этнографии (Ларичев, 1969. С. 64).

Основу коллекции И.Т. Савенкова составляют археологические и палеонтологические материалы со стоянок Афонтова гора и Ладейская. В 1885 г. они были осмотрены И.Д. Черским, им же была определена часть палеонтологических находок. В археологическом блоке собрания представлены каменные орудия, изделия из кости, рога и бивня мамонта эпохи палеолита (около 250 экз.). «Если эта коллекция, – писал Савенков, – количественно не покажется интересною, то качественно она, мне кажется, будет иметь немаловажное научное значение». Предметы неолитической эпохи⁴ представлены каменными орудиями с Енисея и Ангары (около 400 экз.), среди них более 250 целых наконечников стрел. Коллекция бронзовых предметов невелика – около 30 предметов (Савенков, 1894. С. 6–7).

Благополучно разрешилась судьба одной из самых известных частных коллекций, принадлежавшей уроженцу Красноярска, ученому, геологу и золотопромышленнику Иннокентию Александровичу Лопатину⁵ (рис. 10). После окончания Института Корпуса горных инженеров его деятельность протекала в Сибири, в изучение которой он внес неоценимый вклад. С именем Лопатина связаны Туруханская 1866 г., Витимская 1867 г., Сахалинская 1868 г. и другие экспедиции, а также одна из первых попыток научного анализа происхождения и развития рельефа геологического строения Сибирской платформы. Попутно с геологическими работами он проводил археологические исследования в Приамурском и Приморском краях, на Сахалине и в 1871 г. на юге Енисейской губернии (Дэвлет, 1963б. С. 345), оказывал помощь и содействие коллекционерам и ученым. Д.А. Клеменц отмечал, что И.А. Лопатин в середине 1880-х гг. «по своей долголетней практике в погоне за древностями – он был признан “первым авторитетом”» (цит. по: Белова, Васильева, 1992. С. 34). Коллекция сибирских древностей собиралась ученым на протяжении многих лет, и он, по свидетельству Клеменца, не жалел ни трудов, ни расходов «на собирание древностей, встречавшихся на его пути, и заботился о том, чтобы драгоценные предметы эти не погибли для науки» (цит. по: Белова, Васильева, 1992. С. 34). И.А. Лопатин постоянно пополнял свое собрание. В 1874 г. оно насчитывало 300 каменных предметов, 600 бронзовых и медных, 100 железных (Клеменц, 1886. С. 4). В тех случаях, когда Минусинский музей не мог приобрести ту или иную

⁴ По определению И.Т. Савенкова.

⁵ См. о его жизни и научной деятельности: Клепов, 1964.

вещь, она покупалась для Лопатина, который постоянно поддерживал переписку с Н.М. Мартьяновым по этому вопросу и просил покупать в год древностей на 200–300 р. (Радлов, 1888. С. 4). Через музей устанавливались связи с теми, кто мог помочь в приобретении древних вещей. Так, в письме к Мартьянову (1877 г.) Лопатин писал: «... хочу его [отца Степана из с. Абаканского – *авт.*] попросить покупать для меня древние вещи при случае» (МГА. Ф. 73. Оп. 1. Д. 1. Л. 55).

Любопытные воспоминания оставил известный российский этнограф П.Е. Островских: «Всю свою гимназическую жизнь (1882–1890) я занимался в свободное время сбором археологических предметов на древних стоянках окрестностей Красноярска и в Минусинском округе, горных пород и окаменелостей. Значительная часть известной лопатинской археологической коллекции медного века собрана моими руками. И.А. Лопатин ежегодно приезжал в Красноярск и виделся со мной и с другими лицами, у которых на руках случайно оказались древности...» (КККМ. О/ф 7904/265–10. Л. 2, 3).

По свидетельству И.Т. Савенкова (письмо Н.М. Мартьянову от 17.07.1884), в собрании И.А. Лопатина имелось «25 ваз (котлов), 300 ножей, 50 кинжалов, 100 топоров и др. Вес медных и бронзовых предметов коллекции составляет 50 пудов». Далее Савенков сообщает, что «блестящие предметы лежат в Москве закупоренные. Выставлять он боится, рассказывает много странного по части исчезновения предметов. Раз на выставку он передал 144 предмета, а выставлено только 129. 15 предметов нет и следа, это очень не рекомендует организаторов выставок» (АМКМ. Оп.1. Д. 24. Л. 56). Лопатин не просто собирал археологические предметы, а, если это было возможно, снабжал каждый предмет этикеткой с указанием места находки.

Собрав огромную коллекцию древностей, И.А. Лопатин в конце 1870-х гг. предполагал продать ее Московскому археологическому обществу за 10 тыс. р. и «надеялся впоследствии собрать еще таковую, но потом по опыту узнал, что это будет очень трудно» (Клеопов, 1964. С. 166). Однако 14 января 1882 г. в письме к академику Ф.Б. Шмидту, выступавшему посредником в переговорах с МАО, Лопатин сообщил об ином решении: «Теперь коллекцию свою я продавать не намерен, а прошу Вас передать графу Уварову, что согласен ее выставить на несколько лет в витринах Исторического музея, с ответственностью Управления музея за сохранность коллекции. В Швейцарии я видел теперь несколько коллекций бронзового века в публичных музеях и

думаю, что богатству бронзовыми вещами моя коллекция не уступит им. Так как я ранее просил за свою коллекцию 10 тыс. рублей, то хорошо бы было, если бы граф Уваров употребил хотя [бы] проценты с этой суммы, то есть рублей 500 в год, на раскопки курганов в окрестностях Минусинска, пользуясь присутствием в этом городе чистейшего и трудолюбивейшего Николая Михайловича Мартыанова, хотя он занят управлением аптекою, принадлежащую моему двоюродному брату Алексею Василевичу Малинину, но в дешевое для раскопок время – осень – он мог бы, по моему мнению, на время отлучиться из города» (АРАН. Ф. 42. Оп. 2. Д. 53. Л. 10–11; Клеопов, 1964. С. 166–167). План этот в полной мере осуществить не удалось: причиной тому, вероятно, была кончина графа А.С. Уварова в 1884 г.

Сибирская общественность ревниво относилась к слухам о возможной продаже коллекции Лопатина. «Сибирская газета» (1886. № 44) писала в те дни: «Археологическая коллекция И.А. Лопатина оценена в 10 тыс. руб., и, как мы слышали, ее не прочь купить за эту сумму один столичный музей на средства государства, а между тем И.А. собрал свои древности главным образом, если не исключительно, в том районе, средоточием которого является Минусинский музей».

С 1886 г. Лопатин направлял частями свою коллекцию (рис. 11) для определения в Императорскую археологическую комиссию. Как вспоминал В.В. Радлов, это было вызвано тем, что «... горный инженер И.А. Лопатин узнал о намерении Археологической комиссии издать коллекцию древностей, собранную им в течение многих лет в системе верхнего и среднего Енисея, если мы согласимся поместить в Атласе⁶ рисунки и описание находящихся в ней предметов. Такое любезное предложение, конечно, могло послужить только к пользе задуманного предприятия, и Комиссия с признательностью согласилась на это предложение. Г[осподин] Лопатин исполнил свое обещание и в начале прошлого года доставил в Археологическую комиссию первый отдел своей коллекции, медные ножи, состоящий из более чем 350 предметов. Огромное число как уже представленных им, так и имеющих еще поступить от него вещей побудило Комиссию изменить план предположенного издания. Теперь уже нечего было думать о моем атласе: богатая коллекция г[осподина] Лопатина должна лечь в основу нового из-

⁶ Речь идет о первоначальном плане В.В. Радлова об издании атласа сибирских древностей.

дания, а рисунки моего атласа могут только служить дополнением лопатинской коллекции» (Радлов, 1888. С. II–III)⁷.

После обработки коллекции в ИАК И.А. Лопатин в дальнейшем планировал передать ее «в Московский Исторический музей, куда я эту коллекцию, согласно мнения Археологической комиссии, жертвую. Имеющиеся же у меня на дому дубликаты этой коллекции, а также бронзовые котлы я тоже жертвую в Исторический Московский музей» (цит. по: Клеопов, 1964. С. 167–168). Однако при жизни Лопатина передача коллекции в Исторический музей так и не состоялась. После смерти Иннокентия Александровича в 1909 г. его сестра А.А. Лопатина, памятуя о воле покойного, чтобы его коллекция была «целиком, не разрознивая» (цит. по: Клеопов, 1964. С. 167) передана в РИМ, спустя год обращается в ИАК с письмом и напоминает, что И.А. Лопатин «... отказал по духовному завещанию Императорской археологической комиссии древности бронзового века... то не признает ли она возможным передать вышеупомянутую коллекцию Императорскому Российскому Историческому музею в Москве, в котором уже имеется небольшая коллекция моего покойного брата» (цит. по: Клеопов, 1964. С. 167). Однако ИАК не торопилась исполнить волю Лопатина. Причиной тому были, вероятнее всего, натянутые отношения Комиссии с МАО (с которым был тесно связан РИМ), а также попросту нежелание расстаться с таким «лакомым кусочком», доставшимся ИАК без каких-либо усилий и финансовых затрат с ее стороны.

В настоящее время основная часть лопатинского собрания древностей хранится в Эрмитаже (Завитухина, 1983. С. 3; колл. № 5531), меньшая – в ГИМе (колл. № 33832). Обе части коллекции в большинстве своем аннотированы, и это значительно повышает их исследовательскую ценность, как показали работы Н.Л. Членовой (1967) и М.П. Завитухиной (1983). Но гораздо чаще приходится сталкиваться с тем, что многие частные коллекции не аннотировались, а в итоге предметы лишались такой важной информации как их легенда.

Во время поездки в Приангарский край в 1912 г. А.П. Ермолаев описывает одну из увиденных коллекций: «У одного из чадобских торговцев г[осподина] В. имеется порядочная коллекция предметов из камня, а также меди, бронзы и железа. Большая ее часть собрана на местной стоянке, часть на Подкаменной Тунгуске; железные предметы – принадлежности шаманства – взяты в тайге по реке Чуне.

⁷ План этот был реализован в течение 15 лет; см.: Радлов, 1888; 1891; 1894; 1902.

Особенно интересные предметы сфотографированы. К сожалению, коллекция не этикетирована, и все данные о нахождении отдельных предметов можно получить только от г[осподина] В.; он же, собирая несколько лет, естественно, в конце концов забывает точные даты. В коллекции около 200 предметов» (КККМ. О/ф. Д. 7886/209. Л. 8–9). Возможно, именно эту коллекцию приобрел в с. Чадобец на Ангаре для Канского музея Д.С. Каргаполов. Часть ее была выставлена в музее, несколько предметов из экспозиции были украдены, судьба остальной части коллекции неизвестна (КККМ. Оп. 1. Д. 372. Л. 221).

В МАО в 1901 г. от енисейского губернатора М.А. Плева поступило сообщение: «В Пинчутской вол[ости], Енисейского уезда, Енисейской губ[ернии], несколько лет проживает ссыльный Иосиф Августовский, преимущественно занимающийся изучением местной флоры и собиранием при раскопках коллекции предметов каменного периода, бронзовых, железных орудий, горных пород. Ныне ссыльный этот умер, оставив собранные археологические и этнографические предметы, всего до 400 слишком, которым имеется особая опись. Вся коллекция предметов Августовского первоначально находилась на хранении в Енисейском местном музее, хотя большая часть предметов и не имеет точных указаний о месте нахождения их, но по аналогии с коллекцией Енисейского музея заведующий последнего А.И. Кытманов с достоверностью предлагает, что предметы каменного периода найдены в Енисейском, вообще в местности по реке Ангаре, в Енисейском уезде. Более же трудно определимо местонахождение бронзовых и железных орудий, но, по всей вероятности, добытых при раскопках также в Ангарском крае и частью в Минусинском уезде, как полагает г[осподин] Кытманов. Вся коллекция покойного Августовского состоит из числа 219 предметов каменного века, 56 штук бронзовых и 101 железных орудий и 37 инородческих предметов» (ЦИАМ. Ф. 454. Оп. 2. Д. 118. Л. 311–311 об.). Из отчета Енисейского музея за 25 лет его деятельности следует, что вся эта коллекция осталась в музее (Енисейский..., 1909. С. 15).

Английский орнитолог Г. Сибом, совершивший в 1877 г. путешествие по Сибири, вывез с собой «коллекцию бронзовых и медных кельтов и иных орудий из древних могил между Красноярском и Минусинском» (Seebohm, 1882. P. 250). Изображения некоторых вещей он поместил в качестве заставок в книге «Siberia in Asia», где «рисунки бронзовых изделий даны лишь для украшения книги, но, согласитесь, – писал один из современников, – самые изделия пропали навсегда для исследователей сибирской старины» (Богданов, 1883. С. 9).

Одна из крупнейших частных коллекций на территории Енисейской губернии принадлежала меднику-литейщику Ивану Петровичу Товостину⁸ (рис. 12), который с конца 1870-х гг. скупал предметы у крестьян для перепродажи И.П. Кузнецову-Красноярскому. Затем он сам начал собирать древние вещи, разъезжая по Минусинскому округу, а также скупая их при помощи объявлений, размещенных в газете и вывешенных в людных местах Минусинска. О цене этих вещей в конце XIX в. сохранилось свидетельство шведского исследователя Ф.Р. Мартина, проводившего в 1891 г. археологические раскопки под Минусинском: «Сегодня находки встречаются немного чаще, однако крестьяне, к счастью, начинают осознавать их стоимость. Несмотря на это, цены на них пока еще низкие. За красивый кинжал или топор из бронзы просят 1 рубль, за бронзовый нож – от 20 до 30 копеек. Железные наконечники стрел, которые находят в огромном множестве, оцениваются от 2 до 10 копеек. То тут, то там встречаются даже небольшие собрания, которые имеют достаточно высокие цены» (Мартин, 2004. С. 38). Близкие цены держались и десятилетием раньше. Й.Р. Аспелин, ведя торг с И.П. Товостиным по поводу покупки его коллекции, отмечал: «Так, напр[имер], в бытность мою в Сибири за ножи, кинжалы и пр. я уплачивал по 15–60 коп. за штуку, и ни в коем случае не выше 1 рубля» (Архив МВ–АО. Аспелин – Товостину. 20.04.1915 г.).

Иван Петрович старался покупать у крестьян предметы ниже цен, отмеченных Мартиным и Аспелиным, – по 10–50 копеек за штуку, а продавал их путешественникам, чиновникам и прочим лицам, интересующимся древностями, за 15–20 рублей. В то время древние вещи часто использовались как украшения или в качестве ножей для разрезания страниц печатных изданий (Дэвлет, 1963б. С. 336–337). К началу XX в. у Товостина образовалась значительная коллекция археологических предметов из минусинских степей. С целью ее продажи, и подороже, он опубликовал даже «Каталог чудских древностей» (Товостин, 1913).

В 1913 г. часть предметов у минусинского торговца купил Музей Императора Александра III в Петербурге⁹, однако продать коллекцию целиком не удалось. Важно отметить, что владелец не предла-

⁸ См. подробнее о коллекции и истории ее приобретения в Финляндию: Кузьминых, Вдовин, 2007.

⁹ Ныне эта коллекция хранится за № 3975 в Эрмитаже. Художественные бронзы из нее опубликованы М.П. Завитухиной (Завитухина, 1983).

гал ее Минусинскому или другим сибирским музеям. Напротив, он сторонился каких-либо отношений с Минусинским музеем. Ему не хотелось широкой огласки о своей коллекции из-за боязни ее кражи. Кроме того, Товостин хорошо сознавал, что «перебегает дорогу» Н.М. Мартьянову и его коллегам, скупая вещи, которые могли быть принесены для продажи или дарения в музей. Иван Петрович также понимал, что местные музеи не дадут за коллекцию ту цену, на которую он рассчитывал, обращаясь в столичные и зарубежные музеи. Будучи человеком весьма практичным, Товостин сознавал, что в условиях затянувшейся мировой войны и при падении курса рубля обесценивается и его коллекция – и он торопился продать ее.

В начале 1915 г. Товостин написал в Гельсингфорс Й.Р. Аспелину (рис. 13) с просьбой найти покупателей за границей. Государственного археолога Финляндии (одна из официальных должностей Аспелина тех лет) он знал со времени экспедиций 1887–1889 гг. «Для сбора таковой коллекции, – сообщал Иван Петрович, – мною утрачено много времени и денег; коллекция оригинальная, но продать таковую я решил по случаю моей старости. Прошу Вас, не имеете ли Вы сведения относительно Швеции и ее музеев, которые не пожелают ли купить мою коллекцию» (Архив МВ–АО. Товостин – Аспелину. 9.01.1915). Однако истинная цель обращения Товостина к Аспелину, скорее всего, заключена в последних строках этого письма: «Для Вашего музея не предлагаю свою коллекцию, потому что Вами собрано много предметов древности во время Вашего проезда по Минусинскому округу, а в прочим могу и Вам продать, ежели в цене сойдемся».

Иван Петрович, зная об интересе финских ученых к минусинским древностям, не ошибся в выборе адресата: государственный археолог в ответном письме выразил желание приобрести эту коллекцию в Финляндию. Начинается длительная переписка и торг о покупке: первоначальная цена в 3000 р., запрошенная Товостиным за 700 предметов, была чрезмерной и для Исторического музея Финляндии. Чтобы придать ценность коллекции, владелец часто отмечает в письмах, что в ее собирание он вложил 20, 25, 30 лет тяжкого труда и немало средств, что в его коллекции нет дубликатов, что все вещи «разнокалиберные» (Кузьминых, Вдовин, 2007. С. 89). Аспелин, после получения фотографических снимков, предлагает цену значительно меньшую – 1250 р., отмечая при этом, что в июне в Минусинск для археологических исследований прибудет секретарь Исторического музея А.М. Тальгрэн (рис. 14), который

сможет оценить научную значимость коллекции. С предложенной ценой Иван Петрович не согласился и сообщил в Гельсингфорс, что будет ждать приезда в Минусинск Тальгрена (Архив МВ-АО. Товостин – Аспелину. 4.04.1915).

В конце мая 1915 г. Й.Р. Аспелин умер. Известие о его смерти застало А.М. Тальгрена на Урале: ученик Аспелина был уже в пути в ходе трехмесячной поездки в Россию, конечной целью которой являлось проведение археологических исследований в Абаканской степи (Kivikoski, 1954. P. 94–95). В Минусинске наряду с изучением богатейших фондов музея финский археолог лично ознакомился с коллекцией Товостина, оценил научную значимость собранных им древностей, подробно описал их и дал положительное заключение в Археологическую комиссию Исторического музея о необходимости приобретения данной коллекции. Осенью 1915 г., по возвращении из поездки в Россию, Тальгрэн по поручению Археологической комиссии продолжил переписку с Товостиным о покупке коллекции.

В 1916 г. переговоры вступили в заключительную фазу. Стоимость коллекции снизилась: стороны сошлись на сумме в 2500 р., но все равно в тот момент она была чрезмерной для Исторического музея. В итоге по рекомендации Тальгрена коллекцию купил профессор Карл Хедман, у которого позднее она была выкуплена Национальным музеем¹⁰. Иван Петрович, упаковав 1056 предметов в два больших ящика по пяти пудов каждый, сам доставил их в Петроград для передачи доверенному лицу и получения денег. На другой год Тальгрэн оперативно опубликовал материалы вновь приобретенной коллекции Национального музея, включив в книгу и результаты собственных раскопок тагарского кургана под Абаканом (Tallgren, 1917. P. 14–17). Экземпляр книги с собственным портретом на первой странице (Tallgren, 1917. P. 14–17. Fig. 1) Иван Петрович получил в числе первых. Его переписка с Тальгрэном продолжалась в течение всего 1917 г. (РОНБФ. Coll. 230.14), пока не прервались почтовые сношения России и Финляндии.

Во время поездки по Сибири в 1915 г. А.М. Тальгрэн встречался в Минусинске, Красноярске, Томске, Барнауле и Омске не только с профессионалами, но и со многими любителями и коллекционерами древностей. Даже те, кто не смог лично познакомиться с ним, сообща-

¹⁰ Так с 1918 г. стал именоваться Исторический музей Финляндии.

ли о своих коллекциях. Купец Александр Данилов писал: «... мне было очень жаль, что не удалось лично познакомиться с Вами и показать Вам, интересующую Вас, мою маленькую коллекцию чудских древностей... которая вся у меня помещена на таблицах» (РОНБФ. Coll. 230.3).

Из письма купца Т.Т. Бахова¹¹ А.М. Гальгрёну можно заключить, что расхищение и продажа древностей в начале XX в. не только не утихли, но приобрели ужасающий характер: «Вещей наброшенных очень мало только один ножик никак не удастся мне съездить в крестьянские деревни и в татарах не предвидится никаких вещей одно только что я нашел два камня с выбитым человеческого образа очень ясно но тяжелый пудов на двадцать или боле окажется для вас нужным можно достать из земли от города Минусинска 150 верст стоящи по углам на кургане описывать в каком виде эти выбивки на камнях обратите внимания и еще есть в скале разного рода выбиты звери и буквы. Этот камень придется вырубить инструментом вещей пока подходящих не наберу послать не буду зимой поеду в крестьянские деревни наверно там куплю тогда и пошлю описывать пока нечего... Много дешевых мелких частей не купил всего только один ножик есть кое у кого удела ножики не продают думают очень ценно пока берегут весной лучше купить чем зимой» (РОНБФ. Coll. 230.2).

Археологические коллекции и даже настоящие музеи были и у других любителей древностей, и не только в городах. Известны собрания пограничного начальника Д.В. Пржигодского (Кон, 1902. С. 243) и некоторых сибирских крестьян. Среди последних Н.А. Трухин – «наш тесинский археолог», которого консультировал Д.А. Клеменц (Дэвлет, 1963а. С. 5), Ф.Ф. Девятков из с. Курагино, сотрудничавший с ВСОРГО. С его материалами был знаком Н.М. Ядринцев.

Таким образом, археология играла значительную роль в культурной жизни Енисейской губернии. Древностями интересовались не только из меркантильных соображений. Наличие частных коллекций значительно облегчило проблему формирования археологических фондов в музеях Томского университета и городов Сибири. На первоначальном этапе собирательской деятельности, до организации местных музеев, археологические коллекции и отдельные предметы из Сибири, если не переплавлялись или не вывозились за границу, попадали в музеи Москвы и Петербурга. В дальнейшем они

¹¹ Ниже цитируется с сохранением орфографии и пунктуации автора.

пополнили музеи Минусинска¹², Красноярска, Томска, Иркутска, Казани, частные коллекции, а также оказались за границей – во многих европейских и американских музеях и частных собраниях.

В путеводителе по Музею антропологии и этнографии им. Петра Великого, составленном Б.Э. Петри в 1916 г., мы находим упоминания енисейских материалов, переданных И.Т. Савенковым, П.Е. Островских и В.Я. Толмачевым. В основном это изделия из камня и кости: наконечники стрел, скребки, фигурки лося и человека, нефритовые топоры и др. (Петри, 1916. С. 16). В коллекции Островских (287 предметов; МАЭ, колл. 240), собранной в окрестностях Красноярска в основном близ с. Ладейское и переданной в 1894 г., наряду с изделиями из камня и кости представлена также выразительная серия бронзовых предметов – ножи, иглы, кельт, удила и др. (Мартынов, 1973. С. 82; Вдовин, Данилейко, Ипполитова, 2010. С. 97–105). Кроме этого, ранее, в 1864 г., в музей (колл. 1434) поступила небольшая коллекция Л.Ф. Титова (Мартынов, 1973. С. 82) и позднее, в 1909 г., коллекция П.А. Перщетского, собранная в Июсо-Урюпском лесничестве Ачинского округа Енисейской губернии. В последней среди 25 предметов, в основном тагарских, имелись бронзовые серп, тесло, ножи и иные находки (Мартынов, 1973. С. 82).

В Историческом музее хранятся археологические предметы с территории Енисейской губернии, переданные помимо И.А. Лопатина, М.К. Сидоровым, А.В. Адриановым и другими лицами.

В Эрмитаж наряду с огромным собранием И.А. Лопатина (№ 5531) поступили археологические коллекции А.В. Адрианова (№ 1127), Д.А. Клеменца (№ 1130), Е.К. Тевяшева (№ 331), И.П. Кузнецова (№ 1124), некоего Чуранова (№ 350) и множество случайных находок из Минусинского и Красноярского округов Енисейской губернии.

¹² Ф.Я. Кон приводит список жертвователей (около 100 человек), передавших древности в Минусинский музей. Среди них: вице-губернатор Приклонский В.Л.; исправники Баранов, Коновалов Н.П.; казак Барзов; протоирей Бенедиктов Г.; священники Новочадовский Е., Олофинский Г., Либутский К.; юрист из Красноярска Верещагин А.А.; учитель с. Аскизское Потемкин Н.Т.; золотопромышленники Вохмин И.В., Губанов И.О., Папшенных Н.П.; студенты Гандельсман В.О., Гемпель С.В., Лытгин И.И., Макарьевский А.Н.; топограф Федоров В.В.; фельдшеры Шварц М.Ф., Ярошевский С.И.; врач Чистяков П.И.; горный инспектор Яворский П.К.; торговец Юхневич Н.П.; купцы Юдин Г.В., Мыльников П.П.; статистик Швецов С.П.; чиновник Остаткин П.П.; инородцы Мохов Е.П., Костяков М.; основатель Ачинского и Канского музеев Каргаполов Д.С.; крестьяне Королева Л.И., Корчиков Е.Ф.; мирской судья Лаппо Д.Е.; офицер Соллогуб Н.А. и др. (Кон, 1902. С. 223–254).

Собиранием археологических коллекций занимались также ученые, приезжавшие в Сибирь с научными целями, но попутно покупавшие и предметы древности. Примером могут служить поездки Н.Ф. Катанова на юг Енисейской губернии и в Туву по поручению Академии наук и Русского географического общества в 1889–1892 гг., а с 1893 г. – по заданию Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Особенно примечательна в этом отношении поездка 1899 г. (Катанов, 1901). Во время экспедиций ученый занимался сбором не только материалов по этнографии, фольклору и истории, но и древностей. Он вел активную переписку с исследователями Сибири, рецензировал их труды, поддерживал многие начинания и инициативы местной общественности, оказывал помощь в обработке археологических коллекций Тобольского, Красноярского и Минусинского музеев (Сунчугашев, 1968. С. 161–167; Иванов, 1973. С. 48), консультировал музейных работников, проводил определения древних предметов (Катанов, 2001), помогал с публикацией материалов в «Известиях» ОАИЭ (Катанов, 1901. С. 273–291). В наше время собирательская деятельность Катанова оценивается, прежде всего, как музееведческая: свидетельством тому «его статьи по атрибуции музейных предметов, сделанные на очень высоком, даже по современным меркам, уровне» (Руденко, 2008. С. 99).

Значительная часть попавших в руки ученого археологических предметов, приобретенных в основном на собственные деньги, к счастью, была передана в музеи. Среди них – ножи, кельты, наконечники стрел и другие орудия и оружие эпох бронзы и раннего железа, приобретенные им в 1896, 1899 и 1909 гг. в Абаканской степи и позднее поступившие в музеи Казанского университета – отечествоведения и ОАИЭ, а также в губернский музей (Руденко, 2008. С. 99). В Минусинский музей Катанов сдал коллекцию китайских монет (Михайлова, Коршунова, 1998. С. 28). Тот же Казанский губернский музей приобрел в 1920 г. у другого известного казанского коллекционера Н.Ф. Высоцкого часть его обширного собрания, включая бронзовые предметы из Минусинского края (Карташева, 2004. С. 328).

Трудно учесть, сколько предметов было вывезено за границу учеными, путешественниками, частными лицами. Ф.Р. Мартин, скорее всего, ошибался, когда писал, что «... сибирские бронзовые вещи очень редко встречаются в музеях Европы, за исключением музеев в Гельсингфорсе, Петербурге и Москве» (Мартин, 2004. С. 40). Достаточно познакомиться с тем перечнем американских и европейских музеев с коллекциями минусинских бронз, который

был известен в начале XX в. А.М. Тальгрёну (Tallgren, 1917. P. 7). Конечно, этим музеям не сравниться по богатству фондов с Минусинским музеем или с коллекцией горного инженера И.А. Лопатина в Эрмитаже. Но работа по выявлению и учету сибирского археологического наследия в заграничных музеях в полной мере еще не проводилась. Исключение – описание археологических коллекций из Сибири, хранящихся в Национальном музее Финляндии (Tallgren, 1928. S. 141–164; Дэвлет, 1965. С. 98–103). Безусловно, эта актуальная тема требует специального исследования. Д.А. Клеменц писал, что «коллекции местных древностей, имеющиеся в разных ученых учреждениях и в руках частных лиц, образовались в большинстве случаев покупкой таких случайных находок у крестьян и инородцев, а не раскопками курганов» (Клеменц, 1886. С. 48).

Последняя четверть XIX в. отмечена сдвигами в экономической и культурной жизни Сибири, в том числе и в Енисейской губернии. «Затронутый дух любознательности в сибирском обществе и жажда просвещения способствовали в городах основанию местных музеев, рост и развитие которых представляет ныне поучительное общественное явление. Научные музеи Сибири несколько лет назад не находили почвы и падали», – писал в те годы Н.М. Ядринцев (Ядринцев, 1892. С. 649).

«Вопрос о местных музеях выдвигается на первый план и самой местной, провинциальной жизнью и ее запросами. В столицах кипит жизнь научная и практическая <...>. Жизнь наша очень однообразна <...>. Как бы бедна ни была жизнь наша содержанием – она все-таки частица общечеловеческой жизни. Неужели же нашей провинции нет места в общечеловеческой работе, неужели нам дома у себя и делать нечего?», – писал Д.А. Клеменц (Клеменц, 1893. С. 15, 17). Открытие общественных местных музеев было проявлением изменений в культурной жизни Сибири.

В отличие от большинства сибирских музеев, основанных в конце XIX – начале XX в. при обществах изучения местного края (Иркутск, Омск, Кяхта, Владивосток, Барнаул, Хабаровск, Чита), статистических комитетах (Семипалатинск, Тобольск, Якутск) или учебных заведениях (Тюмень, Томск), на территории Енисейской губернии музеи были созданы при городских органах самоуправления по инициативе наиболее заинтересованных граждан: в Минусинске (1877) – Н.М. Мартыянова, в Енисейске (1883) – А.И. Кытманова, в Ачинске (1887) и Канске (1913) – Д.С. Каргополова, а в Красноярске (1889) – И.А. и Ю.П. Матвеевых. Таким образом,

очевидна роль общества и отдельных личностей в деле основания сибирских музеев, сыгравших немаловажную роль в организации археологических исследований.

Роль музеев была огромна, прежде всего, в связи с тем, что они являлись фактически единственными научно-исследовательскими учреждениями во многих городах Сибири. Музеи объединяли под своей крышей представителей различных социальных групп населения: золотопромышленников, купцов, чиновников, учителей, политических ссыльных, всех тех, кто был заинтересован в изучении местного края и распространении просвещения. «Только при местных музеях можно собирать и уберегать местные материалы. Особенно это важно теперь, когда наезжает масса новых людей в Сибирь и стараются вывозить из нее сувениры. Судьба этих сувениров – валяться на письменных столах и этажерках любителей, и они пропадают для науки бесследно. Около местных музеев группируются местные силы; это дает возможность собирать сведения путем переписки с отдаленными местностями. При небольших средствах, – эти музеи дают возможность собрать материалы о любопытной местности, не посылая туда экскурсанта», – писал Д.А. Клеменц о значении сибирских музеев одному из своих корреспондентов (Из ученой переписки..., 1917. С. 174).

Подводя итог, отметим, что источниками пополнения фондов для всех сибирских музеев служили пожертвования частных лиц, местных государственных и общественных учреждений, собирательская работа во время кратковременных экскурсий, специальные и комплексные экспедиции, организованные чаще всего научными обществами, обмен с учреждениями и частными лицами, покупка коллекций и отдельных предметов.

Археологические отделы являлись составной частью всех местных музеев и сыграли большую роль в собирании, сохранении и изучении древнейшего прошлого Сибири. Среди сибирских музеев на этом поприще особо выделяется Минусинский музей.

Революция и Гражданская война внесли коррективы в отношение к историко-культурным памятникам и частным коллекциям. Все культурные ценности объявлялись «достоянием народа», шла активно экспроприация дворцов, усадеб, библиотек, произведений искусства и частных археологических коллекций. В этих условиях многие собрания, с одной стороны, оказались за границей вместе со своими владельцами (это подтверждает факт увеличения антикварных магазинов по всей Европе в послереволюционный период),

с другой – владельцы или их родственники «добровольно» передавали свои собрания (владеть которыми становилось опасно) в местные музеи. Так, в 1920 г. в Красноярский музей поступило самое крупное собрание енисейских древностей, принадлежащее сибирскому купцу В.А. Данилову (1024 предмета) (Макаров, Вдовин, 2012. С. 31–36; Макаров, Баташев, Вдовин, 2013а. С. 188–191; 2013б. С. 72–81), а также небольшая коллекция купца П.И. Гадалова (95 предметов) (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 1045. Л. 34 об.–35). В это же время в Минусинский музей поступила «новая» коллекция И.П. Товостина – от самого владельца. Трудно представить, что он сделал это по воле души. История продажи его первой коллекции в Финляндию в 1916 г., известная властям благодаря книге А.М. Тальгрена, подаренной Минусинскому музею, лишала Товостина иного выбора.

В советское время все «частное» вызывало негативную реакцию. Коллекции древностей продолжали собираться, только теперь лесниками, агрономами, а чаще всего сельскими учителями. Организуются районные, школьные музеи, куда и поступали археологические предметы. В советское время число их с каждым годом увеличивалось и становилось своеобразной «модой». Только вот судьба музейных коллекций часто повторяла судьбу частных коллекций: после отъезда или смерти владельца значительная часть их полностью расхищалась.

В современной России частное коллекционирование получило свою вторую и, к сожалению, уродливую жизнь. Енисейские древности стали объектом «черных копателей-бугровщиков», которые «прочесывают» берега Красноярского моря, ведут несанкционированные раскопки, а найденные предметы подпольно, через антикварные магазины или Интернет, продают в частные собрания древностей и не только в нашей стране... Данная проблема, несмотря на призывы научной общественности, академических институтов, университетов и музеев, слишком долго была вне действительного внимания государства. Археологическому наследию России, и Сибирь здесь не исключение, нанесен невосполнимый урон.

Литература

- Адрианов А.В. Курганография Сибири: (Обращение ко всем любителям старины и изучения края) // Приложение к «Сибирской Газете» (Томск). 14 июля 1884 г. С. 1–6.
Б.п. Сибирская летопись // Сибирский вестник. 1888. № 3. С. 2.
Белова Н.А., Васильева Р.В. Материалы Рукописного архива ЛОИА АН СССР как источник изучения музейного строительства на территории Сибири // Проблемы археологии, этнографии, истории и краеведения Приенисейского края. Красноярск, 1992. Т. 1. С. 34–35.

- Богданов М.* Несколько слов о деятельности сибирских ученых учреждений // Восточное обозрение. 1883. № 12.
- Вдовин А.С., Данилейко В.А., Ипполитова А.Б.* Петр и Константин Островских: гимназические и студенческие годы (первые исследования 1879–1896 гг.) // Енисейская провинция. Красноярск, 2010. Вып. 5. С. 97–105.
- Дэвлет М.А.* Д.А. Клеменц как археолог // СА. 1963а. № 4. С. 3–9.
- Дэвлет М.А.* Очерки комплектования, изучения и экспонирования археологических коллекций Минусинского музея (1877–1917) // Очерки истории музейного дела в СССР. Вып. 5. М., 1963б. С. 327–372.
- Дэвлет М.А.* Археологические коллекции из Минусинской котловины в Государственном национальном музее в г. Хельсинки // По зарубежным музеям: Труды НИИ музееведения. М., 1965. Вып. 15. С. 98–103.
- Дэвлет М.А.* «Сердце Сибири» // Археология Сибири: историография и источники. Омск, 1996. С. 4–55.
- Енисейский общественный местный музей. Отчет о деятельности музея с 1 октября 1883 года по 1 октября 1908 года и краткий перечень коллекций музея. Красноярск, 1909.
- Завитухина М.П.* Древнее искусство на Енисее (скифское время): Публикация одной коллекции. Л., 1983.
- Иванов С.Н.* Николай Федорович Катанов: (Очерк жизни и деятельности). М., 1973. Из ученой переписки Д.А. Клеменца // ИВСОРГО. 1917. Т. 45 (1916 г.).
- Карташева Е.И.* Н.Ф. Высоцкий: коллекционер и его коллекция // Краеведческие чтения, посвященные 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ и 110-летию М.Г. Худякова. Казань, 2004. С. 318–329.
- Катанов Н.Ф.* Отчет о поездке в Минусинский уезд Енисейской губ., совершенной летом 1899 г. // УЗКУ. 1901. Кн. 5–6. С. 1–58.
- Катанов Н.Ф.* Автобиография и библиография. М.; Абакан, 2001.
- Клеменц Д.А.* Древности Минусинского музея. Томск, 1886.
- Клеменц Д.А.* Местные музеи и их значение в провинциальной жизни // Сибирский сборник. Вып. 1. Иркутск, 1893. С. 1–35. (Отд. оттиск).
- Клеопов И.П.* И.А. Лопатин. Очерк жизни и научной деятельности. Неопубликованные дневники, письма. Иркутск, 1964.
- Кон Ф.Я.* Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877–1902 гг.). Казань, 1902.
- Кузнецов-Красноярский И.П.* Минусинские древности. Томск, 1908.
- Кузьминых С.В., Вдовин А.С.* К истории археологической коллекции И.П. Говостина // Енисейская провинция. Красноярск, 2007. Вып. 3. С. 88–91.
- Ларичев В.Е.* Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Ч. 1. Азия и проблема родины человека: (история идей и исследования). Новосибирск, 1969.
- Макаров Н.П., Баташев М.С., Вдовин А.С.* Коллекция В.А. Данилова в фондах Красноярского краевого краеведческого музея // Вестник Томского государственного университета. История. 2013а. № 2 (22). С. 188–191.
- Макаров Н.П., Баташев М.С., Вдовин А.С.* Коллекция В.А. Данилова в фондах Красноярского краевого краеведческого музея // Культуры и народы Северной и Центральной Азии в контексте междисциплинарного изучения: Сборник Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. Томск, 2013б. Вып. 3. С. 72–81.
- Макаров Н.П., Вдовин А.С.* В.А. Данилов и его археологическая коллекция // Сборник

- материалов Первых межрегиональных краеведческих чтений, посвященных Леониду Романовичу Кызласову. 6–7 октября 2011 г. Абакан, 2012. С. 31–36.
- Марсадалов Л.С.* История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV веков до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). СПб., 1996.
- Мартин Ф.Р.* Сибирика. Некоторые сведения о первобытной истории и культуре сибирских народов. Екатеринбург–Сургут, 2004.
- Мартынов А.И.* Памятники и отдельные находки предметов скифо-сарматского времени в Томско-Енисейском лесостепном районе // ИЛАИ. 1973. Вып. VI. С. 4–89.
- Михайлова С.М., Коршунова О.Н.* Казанское востоковедение и Н.Ф. Катанов // Катановские чтения: Сборник статей. Казань, 1998. С. 20–31.
- Овсянникова С.А.* Частное собирательство в России в XVIII – первой половине XIX века // Очерки истории музейного дела в России. М., 1961. Вып. III. С. 269–300.
- Окладников А.П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. I–II. М.; Л., 1950. (МИА. № 18)
- Памяти М.А. Кастрена. К 75-летию дня смерти. Л., 1927. (Серия «Очерки по истории знаний». Вып. 11)
- Петри Б.Э.* Путеводитель по музею антропологии и этнографии им. Петра Великого. Петроград, 1916.
- Радлов В.В.* Сибирские древности. СПб., 1888. Т. 1. Вып. 1.
- Радлов В.В.* Сибирские древности. СПб., 1891. Т. 1. Вып. 2.
- Радлов В.В.* Сибирские древности. СПб., 1894. Т. 1. Вып. 3.
- Радлов В.В.* Сибирские древности. СПб., 1902. Т. 1. Вып. 4.
- Решетов А.М., Кузьминых С.В.* Кастрен Матиас Александр (Матвей Христианович) // БРЭ. 2009. Т. 13. С. 300.
- Руденко К.А.* Археология Волжской Булгарии. Историография и история изучения (X–XX вв.): Учебное пособие. Казань, 2008.
- Савенков И.Т.* В Императорскую Академию наук. Заявление И.Т. Савенкова. СПб., 1894. (Отд. оттиск).
- Стасов В.В.* Павел Михайлович Третьяков и его картинная галерея // Русская старина. 1893. Декабрь. Т. LXXX. С. 569–608.
- Степанов А.П.* Енисейская губерния. СПб., 1835.
- Степанов А.П.* Енисейская губерния. Красноярск, 1997.
- Сунчугашев Я.И.* Об участии профессора Н.Ф. Катанова в деятельности Минусинского музея // УЗХакасИЯЛИ. 1968. Вып. XIII. Сер. истор. № 1. С. 161–167.
- Товостин И.П.* Каталог чудских древностей. Памятники металлических эпох. Минусинск, 1913.
- Формозов А.А.* Очерки по истории русской археологии. М., 1961.
- Членова Н.Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967.
- Ядринцев Н.М.* Отчет о поездке в Восточную Сибирь в 1886 г. для обозрения местных музеев и археологических работ // ЗРАО. 1887. Т. III. С. II–XXVI.
- Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония. СПб., 1892.
- Ertan A.* Travels in Siberia. Vol. 1. Philadelphia, 1850.
- Kivikoski E.* A.M. Tallgren // ESA, Supplementary Volume. 1954. P. 77–121.
- Seebohm H.* Siberia in Asia. London, 1882.
- Tallgren A.M.* Collection Tovostine des antiquités préhistoriques de Minoussinsk conservées chez le Dr. Karl Hedman a Vasa. Helsingfors, 1917.
- Tallgren A.M.* Die russischen und asiatischen archaologischen Sammlungen im Nationalmuseum Finnlands // ESA. 1928. Т. III. S. 141–164.

Рис. 1. А.П. Степанов

Рис. 2. М.А. Кастрен

TRAVELS IN SIBERIA:

INCLUDING EXCURSIONS NORTHWARDS,

DOWN THE OBI, TO THE POLAR CIRCLE,

AND, SOUTHWARDS,

TO THE CHINESE FRONTIER.

BY

ADOLPH ERMAN.

Translated from the German,

BY W. D. COOLEY.

IN TWO VOLUMES.

VOL. I.

PHILADELPHIA:
LEA & BLANCHARD.
1850.

Рис. 3. Титульный лист книги А. Эрмана «Travels in Siberia».

Рис. 4. А.В. Адрианов

Рис. 5. Н.М. Ядринцев

Рис. 6. Д.А. Клеменц

Рис. 7. Н.М. Мартъянов

Рис. 8. И.П. Кузнецов-Красноярский

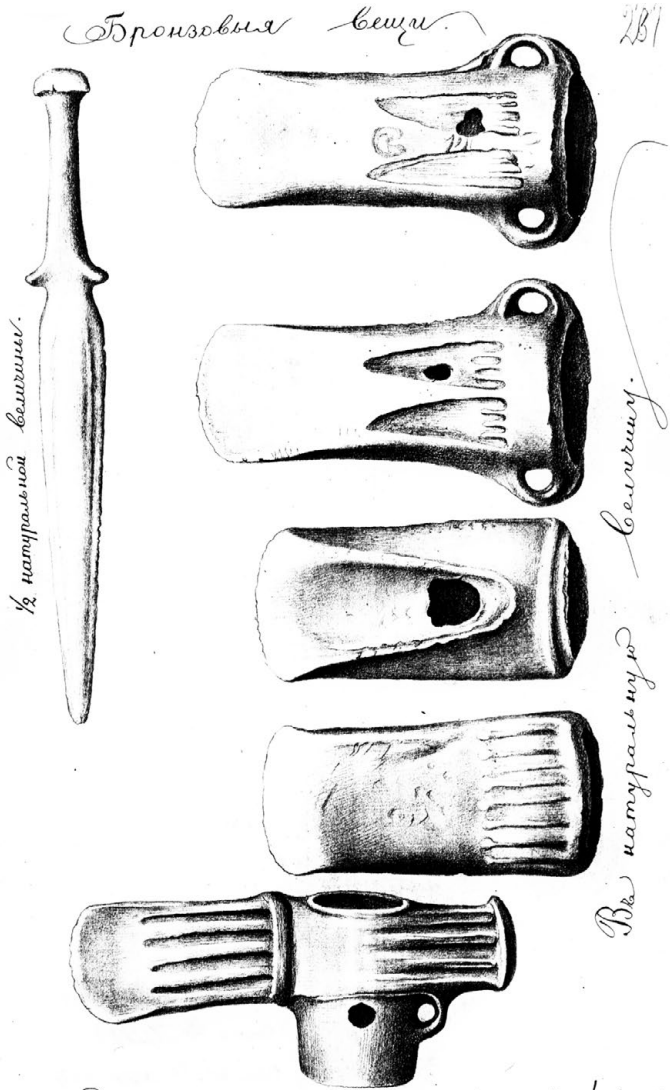
Рис. 9. И.Т. Савенков

Рис. 10. И.А. Лопатин

Рис. 12. И.П. Товостин

1883 г.
1892 года.

Древности доставленные И. А. Лопатиным 20 февраля.

Рис. 11. Бронзовые предметы из собрания И.А. Лопатина
(РО НА ИИМК. Ф. 1. 1883. Д. 46. Л. 239)

Рис. 13. Й.Р. Аспелин

Рис. 14. А.М. Тальгрен

**ОХРАННАЯ АРХЕОЛОГИЯ ДО И ПОСЛЕ 1917 ГОДА
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XX ВЕКА)
Утраченный опыт организации работ**

© 2015 г. А.С. Смирнов

Институт археологии РАН, Москва

Ключевые слова: охрана археологического наследия, Археологическая комиссия, археологические съезды, ГАИМК, Институт археологии РАН, железнодорожное строительство, министерство путей сообщения

В статье анализируются действия Археологической комиссии и научного сообщества первых десятилетий советской власти по сохранению археологического наследия в зонах строительства. На основании архивных документов установлено, что еще в 1865 г. существовали предложения о создании системы охранных работ на этапах проектирования и строительства железных дорог. Последовательные усилия Археологической комиссии привели к тому, что Министерство путей сообщения с 1873 г. включало требования по осуществлению мероприятий по охране древностей в свои инструктивные документы. К середине 1870-х гг. археологическое сообщество сформулировало основные требования к составу и порядку проведения охранных археологических работ. К рубежу XIX–XX вв. относятся первые свидетельства об использовании средств строителей для производства археологических исследований.

В первой половине 1930-х гг. сотрудники особого Комитета ГАИМК по работам Академии на новостройках во многом повторили методы и приемы Археологической комиссии для спасения памятников в зонах строительства. Но после упразднения Комитета этот опыт был забыт и в начале 1970-х советские археологи были вынуждены начать все с начала.

Необходимость знания истории археологической науки для плодотворной исследовательской деятельности никем не подвергается сомнению. Но в наши дни археология – не только академическая наука. Такое направление как охранная деятельность, археологические работы в зонах новостроек в последние десяти-

летия развиваются чрезвычайно плодотворно, создаются и апробируются новые методические и организационные системы. Эта деятельность находится на стыке науки и производства, что требует от участников специфических, нередко далеких от археологии, знаний в области законодательства, строительных и проектных нормативов. Археолог должен понимать, как он должен выстроить правовые отношения со строителями, что и когда он будет делать в поле. Казалось бы, как история археологии, тем более дореволюционной, может помочь в этом деле?

Давайте вспомним, как формировались в научной среде представления об охранных работах. В середине 1970 – начале 1980-х гг., после многочисленных битв на местах, когда археологи, спасая памятники от разрушения, стремились остановить бульдозеры непосредственно на стройплощадке, пришло понимание, что прежде необходимо получить поддержку руководящих структур, курирующих строительство. Ученые обратили свои усилия на получение необходимых инструктивных писем Минсельхоза, Минтрасстроя, Главнечерноземводстроя, в которых подведомственным строительным и проектным организациям предписывалось предусматривать мероприятия по охране памятников и осуществлять их во взаимодействии с археологами. С подобными указаниями на руках ученые, спускаясь по административной лестнице, доходили непосредственно до строителей, которые воспринимали археологов уже не как помеху, а как официальных участников сооружения того или иного объекта.

Вторым направлением в охранной археологической деятельности было знакомство ученых с основными положениями нормативных проектно-строительных документов, понимание этапов и задач проектирования и строительства, дабы определить свои профессиональные задачи на каждом из них. Что делать на стадии проекта, что – на стадии строительства. К началу 1990-х годов археологи эту задачу решили.

И в эти же годы среди ученых зрело понимание, что требования по охране археологических памятников должны найти отражение в соответствующих нормативных документах. Приложив определенные усилия, археологи смогли включить требования по охране археологических памятников в некоторые из СНиПов, ВСНов, «Методических указаний» и других документов Госстроя и отраслевых министерств.

В результате археологам удалось соотнести научно-исследовательские работы по обследованию территории, детальному

осмотру памятников и дальнейшие раскопки с этапами и задачами проектирования и строительства. Археологические охранные мероприятия удалось достаточно органично включить в комплекс проектно-строительных работ. Археологи этим заслуженно гордились. Но на все это у них ушло не менее 15–20 лет, которые были затрачены на поиск путей сотрудничества и инструктивное оформление своих профессиональных действий, адекватных возникающим угрозам со стороны строительного сообщества.

Но анализ архивных источников в очередной раз доказал, что новое – это хорошо забытое старое. Аналогичные принципы в вопросах охраны археологического наследия наши предшественники начали продвигать еще в 60-х годах XIX в., более полутора веков назад. И основная заслуга в этом принадлежит первому главе Археологической комиссии графу Сергею Григорьевичу Строганову.

В 1862 г. министр путей сообщения П.П. Мельников предложил масштабный план развития железных дорог, в чем С.Г. Строганов, выпускник института путей сообщения и опытный администратор, справедливо увидел угрозу археологическим древностям и сразу же предпринял наиболее рациональные шаги для ее предотвращения.

Его первым действием было обращение к министру путей сообщения (РО НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1–1862. Д. 26. Л. 1–2). С.Г. Строганов, понимая необходимость начинать исследования до начала строительства, просил «сделать распоряжение по... округам и управлениям, чтобы комиссии заблаговременно сообщаемыми были сведения о направлении предполагаемых дорог или вообще о производстве работ на таких местностях, которые или замечательны в историческом отношении или подают повод рассчитывать на открытие древностей». Представляя заботы строителей, граф уверял, что «будут приняты все меры, чтобы содействия комиссии не замедляли строительных работ».

Благодаря совей настойчивости С.Г. Строганов добился от Министерства путей сообщения необходимых распоряжений. Но, понимая, что все решается на местах, граф дополнительно требует от министерских чинов «чтобы лицам, которые будут заведовать проведением дорог и подрядчикам... вменено было в обязанность, чтобы они в тех случаях, когда при устройстве дорог придется сносить курганы или разрывать городища, заблаговременно уведомляли об этом Археологическую комиссию» (РО НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1–1862. Д. 26. Л. 7; ЦИАМ. Ф. 413. Оп. 4. Д. 76. Л. 1). И эта новая просьба графа была выполнена чинами министерства.

Департамент железных дорог разослал соответствующий циркуляр в управления конкретных дорог, а те – начальникам отделений. При этом в путевой переписке «просьба» комиссии трансформировалась в обязательное «предписание» (ЦИАМ. Ф. 413. Оп. 4. Д. 76. Л. 4; Оп. 5. Д. 34. Л. 1; Оп. 7. Д. 48. Л. 1), согласно которому начальники отделений были обязаны отправить соответствующие распоряжения начальникам дистанций (ЦИАМ. Ф. 413. Оп. 5. Д. 34. Л. 2; Оп. 7. Д. 48. Л. 2–3), а последние подрядчикам, выполнявшим земляные работы (ЦИАМ. Ф. 413. Оп. 5. Д. 34. Л. 6; Ф. 414. Оп. 3. Д. 53. Л. 233).

Понимая противоречивое отношение к охране древностей железнодорожных концессионеров и подрядчиков, Археологическая комиссия пыталась привлечь к контролю за исполнением директив МПС представителей государства, так называемых «правительственных инспекторов» – чиновников, надзиравших за строительством, обращаясь к ним с аналогичными письмами (РО НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1–1862. Д. 26. Л. 32, 34).

Практику взаимодействия с участниками железнодорожного строительства всех уровней – владельцами, правительственными инспекторами и непосредственно строителями, Археологическая комиссия продолжила при следующих председателях ИАК А.А. Васильчикове (РО НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1–1862. Д. 26. Л. 46, 55–56) и А.А. Бобринском (РО НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1–1862. Д. 26. Л. 72). Но основу системы заложил С.Г. Строганов. А наши современники спустя сотню лет лишь повторили ее, заручаясь письмами министерств и главков к различным строительным организациям.

Параллельно этому в среде археологического сообщества шла выработка методики охранных работ. Достаточно быстро пришло осознание необходимости превентивных разведок. Но первым эту идею высказал инженер-путеец. В 1865 г. начальник работ на Южной железной дороге полковник В.С. Семичев, ознакомившись с предписаниями Министерства путей сообщения, понял, что без археологического обследования обеспечить реальную сохранность древностей невозможно (ЦИАМ. Ф. 413. Оп. 4. Д. 76. Л. 1). Свои соображения полковник направил руководству, утверждая, что «цель сохранения и предъявления... замечательных в археологическом отношении предметов, могла бы быть лучше достигнута, если бы Археологическая комиссия командировала для проезда по линии дороги... сведущее лицо, которое бы отметило все те места по линии, на которых можно ожидать открытий... В таком случае управление работами заблаговременно и без затруднения могло бы уведомить Археологическую комиссию о времени приступа к производ-

ству земляных работ на означенных местах» (ЦИАМ. Ф. 413. Оп. 4. Д. 76. Л. 3). Это именно то, о чем в наши дни настоятельно просят строители.

Чуть позднее и сами археологи уже смогли четко формулировать свое представление об этапах и задачах охранных работ. В 1877 г. на IV Археологическом съезде в Казани А.В. Черников-Анучин предложил: «Как только будет известно, что сделано распоряжение о проведении рекогносцировочных и нивелировочных работ... то немедленно просить... о командировании членов статистического комитета для описания тех древностей, через которые, или вблизи которых должен быть проложен железнодорожный путь, с поручением снять с них рисунки или чертежи и наложить близ них археологические признаки (столбы)». Раскопки он планировал проводить на стадии строительных работ. Кроме этого предлагалось требовать от управления дорог «не уничтожать таких древностей, какие могут быть вблизи полотна дороги, впоследствии, если бы понадобилась земля для поправки насыпей, когда не будет испрашено на то особого разрешения» (Труды IV АС, 1884. С. СXXX).

В этом тексте заложены практически все современные представления об охранных археологических работах. Присутствует требование обследования территории будущего строительства, выявление и привязка на местности памятников, взаимодействие со строителями при сооружении дороги и даже своеобразный археологический надзор, дабы воспрепятствовать несанкционированному забору грунта при эксплуатации дороги.

Совершенствовалась и документальная база для проведения охранных работ. С начала 1890-х гг. строители предоставляют не просто списки будущих дорог, а детальные схемы трасс (РО НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1-1862. Д. 26. Л. 112, 123, 182). Это давало возможность провести целенаправленные разведки непосредственно в зоне предполагаемых строительных работ.

Археологическая комиссия понимала необходимость юридического закрепления требований по сохранению древностей при строительстве. По ее настоянию технико-инспекторский комитет железных дорог в 1873 г. издает специальный циркуляр, который предписывал «о всех предметах, заключающих в себе.. археологическую важность или замечательных в историческом отношении, когда они будут открыты или найдены при работах... доносить Министерству путей сообщения и пересылать и самые находимые древности, для сообщения об этом... Археологической комиссии» (Сборник министерских постановлений, 1874. С. 208-209).

В дальнейшем требования МПС стали более конструктивными. В очередном «Своде циркулярных распоряжений...», вышедшем в 1893 г., министерство потребовало от Управлений железных дорог включать в договоры с подрядчиками «непременное условие о сохранении и доставлении начальнику работ всех остатков древности, которые могут быть найдены при таких работах» (Свод циркулярных распоряжений, 1893. С. 19–20).

Для выполнения требований Министерства путей сообщения в типовые «Общие условия на производство подрядных работ», согласно которым оформлялись договоры с подрядчиками, был включен специальный пункт, гласивший: «о всех предметах ценных или представляющих исторический интерес... подрядчик и его служащие обязаны доводить до сведения начальника участка или производителя работ, для поступления с этими предметами в законоустановленном порядке» (ЦИАМ. Ф. 414. Оп. 3. Д. 51. Л. 234 об., 425 об.). В соответствии с подобными «Общими условиями» аналогичный раздел включался и в договоры с подрядчиками.

Все это позволяет говорить о том, что к 90-м гг. XIX в. была создана система нормативных требований, направленная на сохранение древностей при сооружении новых железнодорожных путей.

Помимо юридического обеспечения охранных работ в дореволюционное время были сделаны и первые шаги в части привлечения средств строителей для исследований археологических памятников. С.Г. Строганов еще в 1859 г., направляя делопроизводителя комиссии А.С. Линевича на строительство Волго-Донской железной дороги, предписывал «донести, в какой степени работами этими можно воспользоваться для археологических изысканий» (РО НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1–1859. Д. 17. Л. 2–3).

С предложениями финансировать археологические работы выходили и путейцы, хотя и понимали их весьма своеобразно. Когда в 1898 г. при строительстве «Дербентской ветви Владикавказской железной дороги... на полосе отчуждения под железнодорожную станцию Кая-Кент... было обнаружено несколько могил» строители предложили за свой счет перенести «упомянутые могилы за пределы полосы отчуждения» (РО НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1–1898. Д. 45. Л. 1).

Позднее строители соглашались финансировать и раскопки. В 1903 г. городской голова г. Алушты обратился в Археологическую комиссию с просьбой раскопать готское кладбище в центре города, где предполагалось устроить базарную площадь. Комиссия предложила администрации города принять «на себя расходы на производ-

ство самих работ». И как это не покажется удивительным, городской голова ответил согласием (РО НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1–1901. Д. 239. Л. 1–43).

Можно утверждать, что к концу XIX в. в России были сформулированы и во многом опробованы основные принципы новостроечных археологических работ и создана соответствующая нормативная база. Спустя сто лет, в сходных условиях советского централизованного управления строительством, наши современники пошли тем же путем, вновь открывая его посредством собственных проб и ошибок.

Конечно, наши действия можно оправдать тем, что в последние десятилетия советской власти не принято было обращаться за опытом к наследию «мрачных лет» самодержавия. Но соответствующий опыт имелся и у советских археологов 1930-х гг., когда для проведения археологических работ на новостройках было создано специальное подразделение в структуре ГАИМК. Это организованный в 1932 г. «особый Комитет по работам Академии на новостройках» (Распоряжение № 726 по ГАИМК от 16 октября 1932 г.) под руководством академика Н.Я. Марра. Ученым секретарем и главной движущей силой Комитета был Борис Александрович Латынин.

На первом же заседании, состоявшемся 20 октября 1932 г., Б.А. Латынин поставил вопрос о «выработке ряда положений и инструкций по единому в методологическом отношении ведению полевых изысканий» (РО НА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1–1932. Д. 121. Л. 1), что и было поручено бюро Комитета (РО НА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1–1932. Д. 121. Л. 3). Позднее перечень положений инструкции был расширен и в него, помимо «инструкций по ведению археологических обследований и раскопок», предполагалось внести требования к «полевой финансовой отчетности» и «массовой разъяснительной и культпросветработе на новостройках» (РО НА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1–1932. Д. 121. Л. 25). Эти действия археологов 1930-х гг. во многом повторяли методы Археологической комиссии.

Авторский коллектив в составе М.И. Артамонова, М.П. Грязнова и Б.А. Латынина выпустил три издания инструкции – в 1933, 1934 и 1935 гг. – в которых особо указывалась необходимость проведения охранных работ уже на стадии проектирования. Согласно инструкции в результате археологических работ должно быть создано «особое приложение» к проекту, на основании которого «будут предусмотрены необходимые ассигнования и произведены сами работы по охране и изучению» (Инструкция по учету и охране памятников, 1934. С. 7). Это тот самый специальный раздел «Охрана

объектов археологического наследия», к необходимости разработки которого в рамках ТЭО или проекта археологи пришли в первой половине 1990-х гг.

Сотрудники Комитета, в первую очередь А.А. Миллер, быстро поняли необходимость «установления постоянного наблюдения на месте» (РО НА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1–1932. Д. 121. Л. 25), то есть, выражаясь современным языком, постоянного археологического надзора за процессом строительства.

Комитет отмечал и особую специфику археологических работ на новостройках. Было даже высказано предложение «бюро Комитета разработать профиль специалиста и сделать надлежащее представление о желательности подготовки его в вузах» (РО НА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1–1932. Д. 121. Л. 3).

К сожалению, в первой половине 1935 г. «особый Комитет по работам Академии на новостройках» после ряда реорганизаций и переподчинений в рамках Академии, чему яростно сопротивлялся Б.А. Латынин (РО НА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1–1935. Д. 225. Л. 27 об.), прекратил свое существование.

Вплоть до 1972 г. структуры, подобной особому Комитету по работам Академии на новостройках, в системе Академии наук СССР и в археологическом сообществе не было. Сотрудники созданного в тот год в Институте археологии АН СССР сектора новостроечных экспедиций в третий раз начали поиски адекватных охранных археологических мероприятий в зонах строительства и путей взаимодействия с проектно-строительным сообществом страны, на что ушло практически 20 лет.

Изложенные факты подтверждают насущную необходимость досконально изучать научное и методическое наследие наших предшественников, даже в такой специфической области как новостроечная археология. Если бы мы ранее понимали это, то не потратили бы в области охранной археологии десятилетия на поиски «хорошо забытого старого», не потеряли бы по незнанию множество памятников.

Литература

Инструкция по учету и охране памятников материальной культуры на новостройках. Л., 1934.

Сборник министерских постановлений и общих правительственных распоряжений министерства путей сообщения по железным дорогам, за 1860–1873. СПб., 1874. Т. I.

Свод циркулярных распоряжений Министерства путей сообщения по службе железных дорог с 1860 по 1893 г. СПб., 1893.

Труды IV Археологического съезда. Казань, 1884. Т. I.

РАИМК И КАМПАНИЯ ПО ИЗЪЯТИЮ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПЕТРОГРАДЕ

© 2015 г. Н.И. Платонова

*Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург*

Ключевые слова: РАИМК, Отдел по делам музеев, Помгол, Гохран, Центральная комиссия по изъятию церковных ценностей

В статье излагаются события, связанные с историей «изъятия» культурных и исторических церковных ценностей в России в 1922 г. Особое внимание уделено тому, как развивался этот процесс в Петрограде, а также роли в нем Российской академии истории материальной культуры и ее отдельных представителей.

Первая половина 1922 г. ознаменовалась в СССР событиями, весь трагизм которых (равно, как и их формирующее влияние на «менталитет советского человека») до сих пор не оценены в полной мере. Действительно, Гражданская война кончалась, военный коммунизм уходил в прошлое. Казалось бы, наступали новые времена. Но чудовищный голод, поразивший с осени 1921 г. несколько поволжских губерний и Крым, был использован правительством как повод для открытия нового «фронта» – на сей раз против Русской Православной церкви. В этой новой войне археологи, сами того не желая, оказались на передовой.

Официально утверждалось, что изъятые из храмов предметы поступают в Комитет помощи голодающим (Помгол), а затем продаются, чтобы на вырученные деньги покупать продовольствие и семена. На практике ни о какой реализации изъятых ценностей в пользу голодающих даже речи не шло. Все они отсылались в Москву, в Гохран, и далее Помгол уже не контролировал их судьбу. В секретных документах В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий прямо указывали, что, в действительности, деньги требуются для хозяйственного строительства и, особенно, для обеспечения успешных переговоров на Генуэзской конференции. Так что это была в полном смысле слова ликвидация церковных имуществ, преследовавшая две одинаково важные цели: пополнение казны и подавление

церкви как социального соперника. При этом Л.Д. Троцкий высказывал мнение, что конфискованные ценности надо скорее продать хотя бы по дешевке, пока мировая революция не сбила цены на драгметаллы (Покровский, Петров, 1997. № П–57).

Для Российской академии истории материальной культуры (РАИМК) эта кампания стала первым серьезным опытом столкновения с советской действительностью «мирного» времени. В Известиях ВЦИК от 6 января 1922 г. был опубликован декрет «О ликвидации церковного имущества». Поскольку этим декретом все же предусматривалась охрана предметов, ценных в художественно-историческом отношении, в начале февраля 1922 г. Отделом по делам музеев была организована особая комиссия для рассмотрения и оценки всех церквей Петрограда в художественно-историческом отношении с целью разделения их на категории и выделения среди них особо ценных памятников. Председателем Комиссии был назначен архитектор К.К. Романов – член Отдела по делам музеев и одновременно член РАИМК (РО НА ИИМК. Ф. 29. Д. 847; Медведева, 2005. С. 298).

Поначалу могло показаться, что в Петрограде кампания по изъятию пройдет относительно цивилизованно. Вплоть до середины марта 1922 г. практическое руководство ею действительно принадлежало Помголу. Характерно, что в этот период особых эксцессов не произошло. 4 марта представителям отдела музеев Главнауки была разослана многообещающая инструкция за подписью Н.И. Троцкой, деятельно включившейся в борьбу за сохранение историко-культурных ценностей, наперекор своему всеильному супругу¹.

В инструкции разъяснялось, что «ликвидации подлежат только те предметы, которые не имеют историко-художественного, музейного значения» (РО НА ИИМК. Ф. 29. Д. 847. Л. 2). «Безусловно недопустимой» признавалась отдача в переплавку «ценностей,

¹ Историки нередко скептически оценивают роль Н.И. Троцкой (Седовой) в этих событиях, обоснованно подозревая за «семейным конфликтом» тайный сговор. Однако составители подборки архивных документов, отразивших весь ход событий (Покровский, Петров, 1997), сочли возможным пересмотреть этот взгляд. Комментируя источники, они с уважением отзываются о действиях заведующей Главмузеем в это трудное время. Отметим, такая позиция вполне совпадает с оценкой деятельности Наталии Ивановны, высказанной академиком С.Ф. Ольденбургом в 1928 г., уже после политического «падения» Л.Д. Троцкого и отставки его жены со всех постов (СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 5. Д. 56. Л. 198 об., 199).

имеющих древность, кончая 1725 г.». «В виде исключения» допускалась ликвидация вещей, датируемых 1725–1835 гг. Инструкция указывала также на «недопустимость нарушения целостности» предметов и их ансамблей. Более того, в ней имелось указание, что *«место и способ хранения ценностей... определяется представителями Музейного отдела на местах, причем местом хранения... могут быть ризницы церквей и монастырей, а также другие помещения, вполне обеспечивающие своим оборудованием полную сохранность... предметов...»* (курсив мой. – Н.П.) (РО НА ИИМК. Ф. 29. Д. 847. Л. 2). Из этого можно было сделать вывод, что, во-первых, представители Главмузея будут наделены достаточно широкими полномочиями, вплоть до права признания отдельных церковных ансамблей неприкосновенными. Во-вторых, напрямую проводилась мысль о том, что, по крайней мере, часть действующих церквей может служить местом хранения зарегистрированных ценностей, состоящих под государственной охраной и только используемых для богослужения.

Экспертная комиссия под председательством К.К. Романова провела свое первое заседание еще 2 февраля. Именно тогда был принят план действий – разделить все церкви Петрограда «на три категории в отношении мер охраны, к ним применяемым» (РО НА ИИМК. Ф. 29. Д. 847. Л. 1). При этом принадлежность к 1 категории, по мысли экспертов, означала полнейшую неприкосновенность церковного ансамбля как такового. Весьма незначительные изъятия признавались возможными и для храмов, отнесенных ко 2 категории.

Весь следующий месяц был посвящен сбору необходимых сведений. Только 4 марта прошло второе заседание. Обнадеживающие моменты, содержащиеся в уже упомянутой инструкции Н.И. Троцкой, несомненно, придали экспертам энергии. В этот день были рассмотрены материалы по 37 церквям. 16 из них получили первую категорию, 17 – вторую, 3 – третью. Одна только церковь Иверской Божией Матери при женском педагогическом институте была признана не имеющей категории; старинные Царские врата постановили взять оттуда в музей (РО НА ИИМК. Ф. 29. Д. 847. Л. 3–3 об.). В дальнейшем заседания комиссии проходили с частотой 1–3 раза в неделю. К.К. Романов стремился охватить своей работой как можно больше памятников. Из других членов и сотрудников РАИМК в комиссии принимали активное участие архитекторы Г.И. Котов и А.П. Удаленков.

Между тем 5 марта 1922 г. в Смольном прошли переговоры между Помголом и митрополитом Вениамином (Казанским)². Переговоры были затеяны не случайно. По свидетельству современников, подтвержденному ныне материалами Архива ФСБ, среди верующих Петрограда огромную роль играли рабочие окраин (например, Колпина), которые прямо заявляли, что костыми лягут, а церкви свои грабить не дадут (Левитин, Шавров, 1996). Помгол имел все основания опасаться кровавых схваток и стремился к мирному урегулированию вопроса. Петроградский владыка выразил полное согласие превратить церковные ценности в хлеб, вплоть до отдачи священных предметов в переплавку, если иные возможности исчерпаны: «...Это – Богово, и мы все отдадим сами. И в этом великое утешение... Тяжело переживает народ горе – изъятие ценностей, но это лишь одна из тягостей жизни. Гораздо большая тяжесть – существующая политическая рознь и вражда... Настанет день и час – я сам во главе молящихся пойду в храм, сниму ризы с иконы Божией Матери Казанской, сладкими слезами оплачу их и отдам...» (Левитин, Шавров, 1996). Единственным условием его было то, что *отдача ценностей церковью должна рассматриваться, как ее добровольная жертва*. Представители Помгола охотно согласились на это и с непокрытыми головами провожали митрополита до подъезда. «Известия» и другие газеты поместили о нем хвалебные статьи. Такая идиллия продолжалась несколько дней.

Зато в последующие две недели ситуация резко изменилась. Добровольная отдача ценностей ничуть не дискредитировала церковь в глазах народа, напротив, способствовала росту ее авторитета. Чтобы подобные «ошибки» не повторялись впредь, Л.Д. Троцкий внес в Политбюро предложение создать сеть секретных «ударных» комиссий для координации всей антицерковной кампании (Покровский, Петров, 1997. № 23–14). Центральная комиссия по изъятию церковных ценностей (КИЦЦ) стала работать в Москве под его личным руководством. Состояла она в основном из недавних крупных чекистов³. Они и должны были

² Вениамин (Василий Павлович Казанский) (1873–1922) – митрополит Петроградский и Гдовский в 1917–1922 гг. Арестован по обвинению в воспрепятствовании изъятию церковных ценностей. Расстрелян 13 августа 1922 г. Ныне причислен к сонму новомучеников и исповедников Российских.

³ 6 февраля 1922 г. ВЦИК принял постановление об упразднении ВЧК и образовании Государственного политического управления (ГПУ) при НКВД РСФСР.

«в секретном порядке подготовить одновременно политическую, организационную и техническую сторону дела...» (Покровский, Петров, 1997. № 23–4).

В Петрограде руководителем такой ударной комиссии стал Иван Петрович Бакаев (1887–1936), на тот момент – член Исполкома Петросовета, а в 1919–1920 гг. – председатель Петроградской губернской ЧК. 26 марта Л.Д. Троцкий направляет в Политбюро ЦК РКП(б) очередное «строго секретное» письмо. Оно представляло собой прямую реакцию на ситуацию, подобную той, что создавалась в Петрограде в начале марта:

«...Наши газеты приводят... сочувственные призывы попов о помощи голодающим... Необходимо предписать местным органам не допускать в этом вопросе никакой двусмысленности. Попы должны отвечать не на вопрос о том, нужно ли помогать голодающим, а должны прямо и точно призывать к исполнению декрета...

...Необходимо послать инструкцию на места о том, что за неполное, т.е. не согласующееся с декретом изъятие отвечают местные органы, как за преступное нерадение. Во всех тех местах, где одно поверхностное изъятие произведено, нужно требовать второго изъятия полного и решительного. Бюро Комиссии необходимо разработать по этому поводу совершенно точную инструкцию, которая должна быть распространена за подписью т. Калинина...» (курсив мой. – Н.П.) (Покровский, Петров, 1997. № 23–28).

Не удивительно, что, когда уполномоченный митрополита Вениамина вторично явился в Помгол, там царила уже совершенно иная атмосфера. Достигнутых ранее договоренностей как не бывало. Посланца приняли холодно и дали понять, что их дело – готовить изъятие, а не обсуждать план жертвований (Левитин, Шавров, 1996).

Сами сотрудники Помгола получили указание немедленно приступать к работе в самых богатых храмах, не ожидая составления описей специалистами. Всем председателям губисполкомов была разослана радиограмма за подписями М.И. Калинина и А.С. Енукидзе, в которой указывалось, в частности, что «неявка представителя Губмузея не приостанавливает производимых изъятий» (РО НА ИИМК. Ф. 29. Д. 847. Л. 7). Таким образом, стоило просто *не предупредить* музейщиков вовремя, и с ними можно было вообще не считаться.

10 апреля в Петроградском губисполкоме состоялось совещание по вопросу об изъятии церковных ценностей музейного зна-

чения. Присутствовали на нем всего три человека: «1. Заведующий подотделом охраны и учета памятников искусства и старины тов. Крыкалов; 2. Замособоуполномоченного Совнаркома⁴ по учету и изъятию ценностей церковных в Петрограде тов. Приборотский; 3. Ответственный руководитель по изъятию ценностей церковных в Петрограде тов. Бакаев» (РО НА ИИМК. Ф. 29. Д. 847. Л. 24).

Сия ответственная тройка приняла решения, по сути, определившие судьбу сотен петроградских храмов. В частности, протокол гласил: «Экспертная комиссия обязуется закончить свою работу к 20 апреля... Поручить тов. Крыкалову проинструктировать экспертов и обязать их свести количество оставляемых в церквях предметов до действительно необходимого минимума... Возложить на тов. Крыкалова ответственность за действия комиссии и неправильные определения экспертизы...» (курсив мой. – Н.П.) (РО НА ИИМК. Ф. 29. Д. 847. Л. 24 об.).

Две недели спустя К.К. Романов получил для ознакомления другой протокол, подписанный И.П. Бакаевым и заведующим Петроградским отделом Главмузея Г.С. Ятмановым. Из него прямо следовало, что решениями его комиссии откровенно, цинично пренебрегли. Тогда же К.К. Романов обращается к Ятманову с письмом:

«Многоуважаемый Григорий Степанович!

Из прочтения Вашего соглашения с представителем Губкома т. Бакаевым от 22 апреля 1922 г. относительно ряда церквей, мне показалось, что, как будто, оклады, оставляемые на месте, согласно заключению экспертизы Главмузея, остаются лишь в том случае, если эти оклады будут “выкуплены” приходами. Если я, к сожалению, понял соглашение правильно, то самым решительным образом должен протестовать против него.

Во-первых, в таком случае в корне подрывается идея охраны памятников Государством. Памятник должен быть сохранен потому, что он является государственной культурной ценностью, а не по прихоти кого бы то ни было, будь то приход, специалист или еще кто-либо.

⁴ «Особоуполномоченным» являлся в данном случае сам Л.Д. Троцкий, однако эта его должность была глубоко засекреченной. Все ключевые директивы выходили за подписью М.И. Калинина, который реально ничем не руководил. Что же касается тов. Приборотского, то он был послан в Петроград в конце марта 1922 г. специально для надзора за действиями местных органов, после того, как они имели неосторожность договориться о мирном изъятии ценностей из церквей.

Во-вторых, давая право приходу выкупать что бы то ни было, дается право покупки приходом этих вещей, и они, естественно, становятся собственностью прихода. Именно так и представлялось дело, когда приходам разрешалось возмещать металлом предметы не музейного значения. *Возмещение стоимости музейно-ценных предметов Государству (т.е. Помголу) кем бы то ни было есть уже распродажа Государством музейно-ценных предметов. Если, действительно, обстановка такова, ... то тут дело не Главмузея, а "Внешторга" или какого-либо иного "Торга". Главмузей должен отойти от этого.*

Мы даем экспертизу о необходимости сохранения культурно-исторических или художественно ценных предметов на месте в церквях, не потому, что эти предметы нужны церкви, а потому, что они составляют часть исторически ценного художественного ансамбля, или потому (как басма на иконах), что эти предметы без порчи и уничтожения нельзя удалить с места. Первый случай особенно часто встречается в охраняемых церквях, т.е. как раз наиболее ценных, и, если я правильно понял Ваше соглашение, то создается два выхода:

1) выкуп не может быть дан, следовательно, все, взятое под охрану, удаляется с места, ансамбль гибнет.

2) выкуп дается, тем самым все охраняемое продается приходу, и охрана становится в то положение, которое было до 1917 г., с которым всегда боролась Археологическая комиссия.

Ясно, что оба выхода неприемлемы.

Зная Вашу постоянную заботу о памятниках, я уверен, Григорий Степанович, что понимать Ваше соглашение с Бакаевым нужно как-то иначе, чем я понял, но у страха глаза велики, а когда сидишь безвыходно и не имеешь возможности проверить то, что отрывками доходит, страх становится еще сильнее.

С сов[ершенным] почт[ением]

К[онстантин] Р[оманов]

27.IV.1922» (курсив мой. – Н.П.) (РО НА ИИМК. Ф. 29. Д. 847. Л. 50–51).

Увы, истинный смысл документа был вполне однозначен. Именно в тот день, когда Константин Константинович Романов писал это письмо Г.С. Ятманову, от имени ВЦИК пришла дополнительная инструкция за подписью М.И. Калинина, согласно которой спорные вещи следовало для экспертизы направлять уже не в Главмузей, а в Гохран (Покровский, Петров, 1997. № П-114).

Атмосфера усугублялась двумя обстоятельствами. Во-первых, события разворачивались на фоне, положительно, «громовой» пропагандистской кампании в прессе, призывавшей к расправе с духовенством. В частности, митрополита Вениамина изображали в газетных карикатурах то сидящим на сундуке с деньгами, то в виде Кощея, не желающего поделиться с голодающими даже копеечкой (Левитин, Шавров, 1996).

Во-вторых, над головами самих экспертов тоже явно стучались тучи. Еще 22 марта 1922 г. Л.Д. Троцкий направил письмо руководителям Центральной КИЦЦ, ВЦИК и Главмузея, в котором констатировалось, что *«среди археологов, работающих в Главмузее, по самой их профессии, имеется не мало лиц, теснейшим образом связанных с церковными кругами, настроенных контрреволюционно и стремящихся сорвать работу по изъятию ценностей. Таким тенденциям нужно давать суровый отпор»* (курсив мой. – Н.П.) (Покровский, Петров, 1997. № П-54). «В то же время Троцкий признавал, что вандализм, порча ценностей... тоже приносят вред. По его словам, такая порча для кампании по изъятию – *“то же самое, что замороженная Наркомпродом картошка – для продовольственной кампании”* (!). Это парадоксальное на первый взгляд сравнение соседствует в письме с категорической директивой не передоверять главное дело, экспертизу музейного значения церковных предметов, Главмузею...» (Покровский, Петров, 1997. № П-54).

В результате «правила игры» менялись день ото дня и все в худшую сторону. В апреле изъятия уже вполне могли производиться в отсутствие экспертов. Драгоценности, утварь и оклады XVIII – начала XIX в. периодически вывозились не в Эрмитаж, а в «хранилище Помгола» (РО НА ИИМК. Ф. 29. Д. 847. Л. 79–79 об.). В этой связи К.К. Романов пишет еще одно письмо, теперь уже в РАИМК, с просьбой высказать «авторитетное мнение о недопустимости разгрома ценностей России». Отрывок этого письма (черновик?) сохранился в его архиве. «...В последнее время – читаем мы здесь, – в церквях, принятых под охрану, как памятниках выдающегося художественного или исторического значения, представители Помгола стали удалять все без исключения ценные предметы, наравне с церквями, под охрану не принятыми, допуская в отдельных случаях лишь выкуп приходами музейно-ценных предметов.

Сняты оклады выдающейся работы с иконостасов целого ряда церквей XVIII – начала XIX в. Причем в Троицком соборе [т.е. Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры – Н.П.] съемка производилась наспех, оклады порваны и помяты. По имеющимся сведениям на очереди стоит изъятие всего серебра из Казанского собора, не исключая его обложенного серебром иконостаса...

Нет необходимости доказывать, что удаление окладов с икон иконостаса, современных иконостасу, есть нарушение первоначального художественного ансамбля, но и в тех случаях, когда производится съемка нового оклада с ценного памятника, необходима большая осторожность... Нельзя лишать церкви, признанные ценными в целом, той утвари, которая современна их основанию...» (РО НА ИИМК. Ф. 29. Д. 847. Л. 80–80 об.).

Упоминание Казанского собора, в котором изъятие «стоит на очереди», но еще не произведено, позволяет очень точно датировать это письмо. Оно было написано не осенью 1922 г., как предполагалось ранее (Медведева, 2005. С. 299), а в самом конце апреля, как и предыдущее. Опубликованный ныне ценнейший источник – дневник настоятеля Казанского собора протоиерея Николая (Чукова)⁵ – фиксирует события буквально по часам (Александрова-Чукова, 2011). Самому настоятелю о предстоящем снятии иконостаса впервые было заявлено вечером 22 апреля. До того шла речь только о сдаче церковной утвари, которую приход собирался выкупить почти всю. Вот в эти дни, скорее всего, и было составлено обращение К.К. Романова в ГАИМК. Письмо его отнюдь не осталось без последствий.

Постановление о сломе иконостаса Казанского собора всколыхнуло весь научный мир Петрограда. 23 апреля протоиерей Н. Чуков записывает в дневнике, что, по дошедшим до него сведениям, «... сегодня Ольденбург и Марр поехали к Зиновьеву⁶, отправляется нарочный к Троцкому и Троцкой о том же. Дай-то Бог!».

24 апреля появляется новая запись: «... Народ несет и несет ценности. Трогательно, но все это ведь капля сравнительно с тем, что нужно: нанесено пока около 3 пудов серебра, до 1 фунта золота: монеты, серьги, кольца, броши, несессеры, письменный прибор, крест с тел снимают... А надо за один алтарь 10,5 пудов... Возмущение народа – огромное, ропот нестесняющийся. Оказывается, академики не были допущены Комаровым⁷ к Зиновьеву...».

⁵ Чуков Николай Кириллович (после Великой Отечественной войны – Григорий, митрополит Ленинградский и Новгородский) (1870–1955). В 1922 г. был настоятелем Казанского собора и ректором Богословского института в Петрограде.

⁶ Зиновьев (Радомысльский) Григорий Евсеевич (1883–1936) – большевик, член ЦК РСДРП(б). В 1917–1926 гг. – председатель Петросовета.

⁷ Этот «Комаров» не имеет ничего общего с академиком В.Л. Комаровым. Речь идет о Николае Павловиче Комарове (1886–1937) – секретаре Петроградского губисполкома, в 1921 г. сменившем И.П. Бакаева на посту председателя Петроградской губернской ЧК. Таков был круг лиц действительно «правомочных» в данном вопросе.

2 мая: «Идут тяжелые дни, снимается иконостас собора, несмотря на распоряжение из Москвы о приостановке. И не найти права!..

...Бакаев уже дважды приезжал в район и приказал немедленно приступить к снятию иконостаса. На намеки... делался вид, что о телеграмме ничего не знают... Очевидна мысль: поскорее снять иконостас и поставить центр пред совершившимся фактом, и – конец!..

...В 10 часов вечера... явились – на этот раз главные лица 2-го района и с ними не прежние рабочие, а человек 10 курсантов 1-й школы. Удаленков долго пререкался, показывая подлинную телеграмму Троцкой, так что, в конце концов, комиссия должна была сдать, и часть их пошла к Бакаеву за разъяснением, взяв копию телеграммы. Через полчаса они, однако, вернулись с припиской Бакаева: «Указания Главмузея, не подтверждаемые ВЦИК, для нас не обязательны».

5...Сегодня с утра я все ждал отвода из Москвы... В 3 часа явился Ятманов, за ним Бакаев, и сразу отдал приказание «снимать». Первый раз видел его. Глаза бегают, хитрые, подозрительные; странная привычка хихикать и высмеивать в стороне; властные тона; полная несговорчивость ни на какие уступки и резко непримиримое отношение ко всему, что касается какого-нибудь послабления в пользу церкви. При осмотре предметов и икон, все зарегистрированное непрерывно требовал передавать в Эрмитаж. Никакие просьбы не действовали. Ввиду того, что он велел отправить в Эрмитаж многое из выкупленного уже (свыше 5 пудов!), я пытался выкупить боковые царские врата – не согласился ни за что!..

Завтра, в 2 часа, опять начнут работы! Скорее бы кончались...» (курсив мой. – Н.П.) (Александрова-Чукова, 2011).

Как можно видеть, в дневниковых записях Н.К. Чукова фигурируют все те же имена, напрямую связанные с РАИМК и с комиссией К.К. Романова. Это Н.Я. Марр, С.Ф. Ольденбург, Н.П. Сычёв, А.П. Удаленков, Г.И. Котов. Все они бились, как могли, и день ото дня терпели поражение. Пока велись переговоры, научно-технические сотрудники секции древнерусского зодчества РАИМК (Е.Н. Глезер, Е.М. Пистолькорс, Л.М. Шуляк), по поручению К.К. Романова, спешно, буквально накануне снятия серебряной облицовки иконостаса, выполняли его обмеры, но все-таки не успели довести дело до конца (РО НА ИИМК. Ф. 2. 1922. Д. 1. Л. 13).

И.П. Бакаев действительно очень спешил отчитаться в своих достижениях. Заметим: он не брезговал и повторной «экспро-

приацией» вещей, уже выкупленных приходом на собранные народными пожертвования. Возразить было нечего. КИЦЦ к тому времени вынесла решение, что «равноценная» замена означает выкуп церковного предмета *не равным по весу количеством того же драгоценного металла, а в 2–3 раза большим*, с учетом его художественно-исторической ценности (Покровский, Петров, 1997. № П–79). Одним словом, торговать музейными сокровищами чекисты научились быстро. Но это не мешало периодически отправлять их в переплавку.

Апофеозом антицерковной пропагандистской кампании в Петрограде стал «процесс 87-ми» или «Петроградский процесс церковников», проходивший с 28 мая по 5 июля 1922 г. В числе его фигурантов были сам митрополит Вениамин, несколько настоятелей церквей и ряд активных деятелей «Общества объединенных православных приходов» Петрограда (АУФСБ СПб, № 1287). Не менее половины арестованных составляли простые люди, выхваченные из толпы на улицах за выражение недовольства «изъятиями» в своей приходской церкви.

Процесс носил ярко выраженный «показательный» характер. Обвинение в «воспрепятствовании изъятиям» в ходе судебных прений очень быстро рассыпалось (Покровский, Петров, 1997. № П–149; Шкаровский, 1992. С. 578; Левитин, Шавров, 1996). Но, видимо, классовое чутье подсказало членам Политбюро что, как минимум четверых обвиняемых, включая митрополита Вениамина, в живых оставлять нельзя. Их расстреляли в ночь с 12 на 13 августа 1922 г. Еще шестерым приговоренным смертную казнь заменили тюремным заключением. В числе их оказался и автор цитированного выше дневника Н.К. Чуков. Более месяца он провёл в одиночке, ожидая расстрела.

Среди «церковников», сидевших вместе с ним на скамье подсудимых, был также известный специалист по церковной археологии проф. И.А. Карабинов, с конца 1920 г. работавший в РАИМК научным сотрудником по разряду археологии русской⁸ (РО НА ИИМК. Ф. 2. 1920. Д. 21. Л. 34). Другим фигурантом процесса стал выдающийся исследователь христианского Востока проф. В.Н. Бенеш-

⁸ Карабинов Иван Алексеевич (1878–1937) – богослов, историк, специалист по восточно-христианской археологии. До Октябрьского переворота – профессор Санкт-Петербургской духовной академии по кафедре литургики. В 1920–1929 гг. – научный сотрудник РАИМК по разряду археологии русской.

вич⁹, автор-составитель т.н. «Скорбной летописи» – мартиролога гуманитариев, погибших в 1917–1921 гг. Для них обоих обвинитель тоже потребовал смертного приговора, но, в конечном счете, оба казались выпущенными (!) «за недоказанностью вины». После этого И.А. Карабинов продолжал работать в русском разряде вплоть до 1929 года. В.Н. Бенешевич, оставшийся без работы и без средств к существованию, тоже нашел себе убежище в РАИМК. Правлением Академии в 1923 г. он был приглашен на должность библиографа и библиотекаря и даже получил квартиру в Мраморном дворце.

Одновременно с ними в последних числах мая был арестован и начал свою многолетнюю тюремную эпопею другой недавний сотрудник РАИМК – иеромонах Иннокентий (Тихонов)¹⁰, три года проработавший с А.А. Спицыным над «Словарем русской старины».

Так произошло первое серьезное столкновение ведущих специалистов РАИМК с новой властью «мирного времени». Правда олицетворением власти выступали недавние руководители «Чрезвычайки», привыкшие, разумеется, к полной вседозволенности. За спиной И.П. Бакаева, Н.П. Комарова, «тов. Приборотского» и др. стояла вся мощь карательных органов, принимавших в антицерковной кампании самое деятельное участие. В таком неравном поединке археологи не могли не проиграть. Достоинство уважения и то, что до самого конца они не молчали, стремясь хотя бы вырвать отдельные уступки по отношению к тому или иному храму (РО НА ИИМК. Ф. 29. Д. 847. Л. 53, 79–80 и др.). В отчете разряда древнерусского зодчества за 1922 г. скупно упомянуто, что «во время изъятия церковных ценностей для нужд Помгола», его заведующий

⁹ Бенешевич Владимир Николаевич (1874–1938) – выдающийся исследователь христианской культуры Византии, Руси, Армении, Грузии, Сирии. Крупнейший знаток церковно-канонического права. Один из основателей (как и Н.Я. Марр) журнала «Христианский Восток» (1912 г.). Член-корр. АН СССР с 1924 г. В РАИМК–ГАИМК работал в 1923–1927 гг. (с перерывами). Арестовывался 5 раз – в 1922, 1924, 1928, 1930 и 1937 гг. Расстрелян в 1938 г.

¹⁰ Иннокентий (Тихонов Борис Дмитриевич) (1889–1937) – иеромонах Александро-Невской лавры, специалист по церковной археологии. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию (1915) и Санкт-Петербургский археологический институт. В 1918 г. – зав. секцией Русского отдела РГАК. В 1919–1920 гг. научный сотрудник РАИМК. На момент ареста в мае 1922 г. являлся одним из викарных архиереев Петрограда, организатором православных братств. В дальнейшем был репрессирован неоднократно. Расстрелян в 1937 г. в сани архиепископа.

К.К. Романов «был командирован Академией в Москву для сношений с высшими органами власти» (РО НА ИИМК. Ф. 2. 1922. Д. 1. Л. 2 об.–13). По-видимому, поездка его состоялась в мае, этим и объясняется отсутствие упоминаний имени Константина Константиновича в дневнике Н.К. Чукова. Но все оказалось бесполезным.

К счастью для РАИМК петроградский «процесс церковников» затронул ее лишь краем. Репрессиям подверглись не эксперты, а сотрудники, имевшие отношение к «Обществу объединенных православных приходов». В Москве дело обернулось хуже: вместе с «церковниками» пострадали именно эксперты Главмузея, ближайšie сотрудники Н.И. Троцкой (Покровский, Петров, 1997). Таким образом, налицо были явно угрожающие симптомы: бешеная и лживая пропагандистская кампания, полное невнимание к доводам специалистов, явно predetermined характер судебных приговоров. Не осведомленный о закулисной стороне деятельности КИЦЦ К.К. Романов, тем не менее, совершенно верно подметил: на глазах у археологов начинаются «разгром» и «распродажа» культурных ценностей страны, причем охрана памятников тут вообще оказывается лишней (РО НА ИИМК. Ф. 29. Д. 847. Л. 80 об.).

Опыт «кампании по изъятию» сполна показал слабую восприимчивость первых лиц республики Советов к таким понятиям, как «историческая значимость», «культурная ценность» и т.п., равно, как и к призывам сохранять памятники для будущего¹¹. Но это была жизнь, это была данность, а научное и культурное строительство всегда ведется в конкретных исторических условиях, а не в безвоздушном пространстве.

В обстановке, когда советское государство оказалось единственно возможным «спонсором» археологической науки, непременным залогом развития этой науки (как и любой другой) становилась его заинтересованность в результатах исследований. Сие означало, что археологам предстоит самим активно доказывать и демонстрировать собственную «практическую полезность». Поэтому примерно с середины 1922 г. в РАИМК начинается интенсивный поиск тех направлений и узловых точек, с которых

¹¹ Конечно, определенные разногласия на сей счет существовали даже в самых верхих. Об этом свидетельствует сам конфликт между КИЦЦ и руководством Главмузея в ходе упомянутой кампании. Однако Главмузею удалось отвоевать не более десятой доли того, что оказалось в Гохране. Так что силы были явно неравны.

могло бы начаться заинтересованное сотрудничество археологии и власти. Однако анализ дальнейших событий выходит за рамки настоящей работы и требует отдельного рассмотрения.

Литература

- Александрова-Чукова Л.К.* Митрополит Григорий (Чуков): веки служения Церкви Божией. Часть 4 (2). Петроградский процесс 1922 года. 2011 // <http://www.bogoslov.ru/text/1414241.html>
- Левитин А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. Т. 1. Прил. 2: Процесс митрополита Вениамина (к 10-летию со дня смерти владыки) (13.VIII-22 г. – 13.VIII-32 г.). М., 1996 // http://krotov.info/history/20/krasnov/000_ogl.html
- Медведева М.В.* Деятельность архитектора К.К. Романова в области изучения и охраны памятников монументального зодчества по документам из собрания Научного архива ИИМК РАН // АВ. 2005. № 12. С. 291–300.
- Покровский Н.Н., Петров С.Г.* (ред., сост.) Архивы Кремля. В 2-х кн. / Кн. 1. Политбюро и церковь. 1922–1925 г. М., Новосибирск, 1997 // <http://rus-sky.com/history/library/archvs1.htm>
- Шкаровский М.В.* Два эпизода борьбы с церковью в Петрограде // Звенья. Вып. 2. М.; СПб. 1992. С. 555–579.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ КУЛЬТУРНЫМ НАСЛЕДИЕМ И НАУКОЙ В 1921–1925 ГОДАХ

© 2015 г. И.А. Сорокина

Институт археологии РАН, Москва

Ключевые слова: Наркомпрос, Академический центр, Государственный ученый совет, Главнаука, Главмузей, Археологический отдел

В статье прослежена история реорганизации Народного комиссариата просвещения – государственного ведомства, задачами которого, помимо народного образования, являлись: охрана культурного наследия, в том числе археологического, и управление им. В начале 1920-х гг. были проведены две реформы, следствием которых стало создание довольно стройной и логичной системы государственных учреждений, подчиненных Наркомпросу. Это дало возможность эффективно развивать музейное дело, науку, краеведческое движение.

В 1920 г. закончился первый период становления системы управления культурой и наукой после смены власти в России в октябре 1917 г. (Сорокина, 2014). К этому времени многое уже было сделано: образован государственный управляющий орган – Наркомпрос РСФСР; принят законодательный акт, регулирующий действия объектами культурного наследия¹; создана Российская академия истории материальной культуры – крупное научно-исследовательское учреждение в подчинении Наркомпроса. Молодое советское государство, несмотря на Гражданскую войну и экономическую разруху, уделяло много внимания вопросам охраны памятников, в том числе археологических. Этому немало способствовали личностные факторы. Наркомом просвещения был назначен А.В. Луначарский, а заведующей Отделом по делам музеев и охране памятников ис-

¹ Декрет СНК «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» от 5 октября 1918 г. (СУ РСФСР. 1918. № 73. Ст. 794).

куссва и старины² под его началом (далее МУЗО) – Н.И. Троцкая. Именно они смогли привлечь к разработке и осуществлению новых принципов сохранения и изучения памятников культуры известных специалистов, многие из которых весьма настороженно относились к советской власти. Благодаря компетентному и умелому руководству удалось не только сохранить значительную часть культурно-исторических ценностей, но и приступить к созданию системы их государственной охраны, изучения и популяризации через музейную сеть. В области охраны археологического наследия также принимались важные меры. В составе МУЗО был образован Археологический подотдел (далее АПО) под руководством одного из самых маститых археологов того времени В.А. Городцова (Платонова, 2010. С. 203–204; Сорокина, 2014. С. 507).

С одной стороны, задача облегчалась отменой частной собственности и, соответственно, возможностью регламентации полевых археологических исследований на всей территории государства³. С другой стороны, возникли большие осложнения. Проведя «социализацию» земли в начале 1918 г.⁴, отдав земли в распоряжение земельных комитетов и Советов крестьянских депутатов, новая власть сама спровоцировала безудержное уничтожение движимых и недвижимых объектов культурного наследия. Чтобы предотвратить катастрофу или как-то уменьшить ущерб, нужны были срочные меры. Осенью 1918 г. советское правительство утвердило декрет «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений», действовавший до 1924 г.⁵ и дававший МУЗО широкие полномочия в экспроприации ценностей. Можно заключить, что власть была вынуждена действовать спонтанно.

Итак, начало было положено. Однако в полной мере заняться проблемами культуры и науки стало возможно только с окончанием Гражданской войны и переходом на «мирные рельсы», то есть не

² Полные названия изменялись за время существования Отдела.

³ До установления советской власти открытые листы на право проведения раскопок и разведок выдавались, как известно, на все земли, кроме частных владений. Существование последних также препятствовало принятию охранного законодательства в Российской империи.

⁴ «Основной закон о социализации земли» от 27 января (9 февраля) 1918 г. (СУ РСФСР. 1918. № 25. Ст. 346).

⁵ Был заменен декретом ВЦИК и СНК «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы» от 7 января 1924 г. (СУ РСФСР. 1924. № 18. Ст. 179).

раньше конца 1920 г. Но осложняющим фактором стал неурожай и страшный голод, на ликвидацию которого советское правительство было вынуждено мобилизовать финансовые ресурсы страны. Последовало резкое сокращение расходов на содержание научных, просветительных и образовательных учреждений. Многие провинциальные учреждения были переведены с общегосударственного бюджета на местный. Последовало также сокращение и укрупнение организаций. В этих условиях неизбежно было и реформирование центральных органов управления, что и было сделано в 1921–1922 гг. (Бастракова, 1973. С. 221)⁶.

К тому времени Наркомпрос представлял собой громоздкое учреждение, в составе которого было множество административных подразделений. Тут тоже проявились спонтанность и вынужденное приспособление к условиям времени: структура создавалась стихийно и некоторые учреждения дублировали друг друга. Это было неизбежно при огромном объеме работы и недостаточно четко определенных задачах. Теперь же государство переходило к планомерному управлению страной. Создание Наркомпроса в тяжелой политической и экономической обстановке явилось большим достижением, но в новых условиях необходимо было формировать структуру, функционирование которой полностью обеспечило бы выполнение задач, поставленных властью перед этой организацией. Важность этих задач предопределила внимание на самом высоком уровне. Новые принципы работы Наркомпроса разрабатывались по решению Пленума ЦК РКП(б) комиссией во главе с В.И. Лениным и были утверждены декретом СНК «О народном Комиссариате по Просвещению (Положение)» от 11 февраля 1921 г. (СУ РСФСР. 1921. № 12. Ст. 78; Организация..., 1968. С. 38). Началось масштабное реформирование Наркомпроса с целью оптимизации его работы.

Несколько раньше, в январе, была начата работа по созданию Академического центра (далее АЦ) как «центра общего теоретического и программного руководства» (наукой и культурой – И.С.)⁷. 13 января 1921 г. Коллегия НКП приняла специальное «Положение об Академическом центре Наркомпроса». На том же заседа-

⁶ Приняты новые Положения не только о Наркомпросе, но и о ВСНХ, Наркомздраве, Наркомпути и др.

⁷ Возглавил АЦ, как и ГУС (что было предусмотрено «Положением» об АЦ), заместитель Наркома просвещения М.Н. Покровский. АЦ просуществовал до 1925 г.

нии были определены и его задачи, одной из которых была «разработка планов и программ деятельности научных учреждений» (Организация..., 1968. С. 36–37). Для непосредственной реализации этой задачи в состав АЦ был введен Государственный ученый совет (ГУС), созданный еще в январе 1919 г. как руководящий научно-методический центр Наркомпроса⁸. Как указано в «Положении» об АЦ, он «состоит из Коллегии, Государственного ученого совета и Государственного художественного комитета». Коллегия «рассматривает и утверждает все проекты и планы общеорганизационного характера в области научного и художественного образования и научной работы в РСФСР».

Пункты 4 и 5 упомянутого выше февральского декрета определяли структуру АЦ. Помимо ГУСа и Главного художественного комитета, ему «непосредственно через свои Коллегии» подчинялись Главные управления, функции которых понятны из названий: Главмузей и Главархив. В марте 1921 г. добавилось Управление научных и научно-художественных учреждений (с 1922 г. Главное управление – Главнаука)⁹. Оно появилось в результате преобразования Отдела научных учреждений и Отдела научных библиотек в составе Научного сектора Наркомпроса (Стрекопытов, 1987. С. 57–58)¹⁰. На заседании Коллегии Академического центра 23 марта 1921 г. заведующий Научным сектором НКП И.И. Гливенко сделал доклад «Положение об Управлении научных учреждений» (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 466. Л. 14–15). Задачи Управления определялись так: учет всех научных учреждений в стране, «где бы они не находились»; разработка законодательного акта, закрепляющего этот принцип; обследование научных учреждений; направление и координация их работы; организация экспедиций; проведение научных съездов и др. мероприятий; закупка за рубежом научных

⁸ ГУС упразднен в 1932 г., его функции перешли к Учебно-методическому совету Наркомпроса РСФСР, Ученому методическому совету и экспертным комиссиям Комитета по делам высшей школы.

⁹ Руководители Главнауки: И.И. Гливенко (1921–1923); Ф.Н. Петров (1923–1927); М.Н. Лядов (1928 г.); И.К. Луппол (1929–1930).

¹⁰ Его с 1918 г. и до конца 1920 г. возглавлял Д.Б. Рязанов. Образование этого Сектора было следствием очередной внутренней перестройки Наркомпроса: созданный в 1918 г. Научный отдел, управлявший сетью исследовательских учреждений РСФСР, в связи с ростом численности последних, не мог работать эффективно и в 1919 г. был преобразован в Научный сектор. Его задача – руководство вузами, рабфаками, библиотеками и т.д. Для управления наукой в его структуре был создан Отдел научных учреждений (Стрекопытов, 1987. С. 57).

книг и пособий. Положение было утверждено Коллегией Наркомпроса в мае 1921 г. (Организация..., 1968. С. 39).

В начале 1921 г. начался активная подготовка к реорганизации МУЗО. Как явствует из письма в Академический центр от 15 января 1921 г., идея создания Главмузея обсуждалась на Коллегии МУЗО 29 сентября 1920 г. под председательством А.В. Луначарского и в присутствии его 1-го заместителя М.Н. Покровского¹¹. Тогда была принята резолюция «о необходимости объединения всего музейного дела (естественно-исторического, художественного, культурно-исторического и родинovedческого) в РСФСР в одном центре в составе НКП в виде автономного учреждения, подлежащего контролю Научного сектора Наркомпроса». МУЗО предлагал «ввести орган, ведающий музейным делом в Республике, под названием Главмузей... в состав Академического центра Наркомпроса и в его Государственный ученый совет и приступить к проведению музейной деятельности в жизнь» (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 431. Л. 47).

Декрет 11 февраля 1921 г. имел целью не только создание новой структуры Наркомпроса, но и установление функций и полномочий составляющих ее органов. Необходимо было определиться с деятельностью центрального аппарата и разъяснить принципы работы на местах. Уже 12 февраля МУЗО направляет письмо на имя 2-го заместителя Наркома по просвещению Е.А. Литкенса с информацией об организации в составе Академического центра Главмузея, и, таким образом, объединении под эгидой АЦ всего музейного дела в стране, для чего необходимо утвердить соответствующее Постановление Коллегии НКП от 25 января 1921 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 434. Л. 227–227 об.). Подотделы МУЗО на местах уже извещены о создании Главмузея и ждут указаний. В то же время отмечалось, что «как в самом Наркомпросе, так и в других центральных правительственных учреждениях нет определенного представления о существовании и функциях Главмузея». Поэтому утвердить указанное Постановление и Положение о Главмузее следовало как можно скорее.

«Положение о Главном комитете по делам музеев и охране памятников искусства, старины, природы (Главмузей)» было принято на заседании Коллегии АЦ 6 апреля 1921 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 466. Л. 1–6). Потрясает оперативность работы бюрократического аппарата. Во многом, очевидно, на это влияли сами Н.И. Троц-

¹¹ Глава АЦ до его расформирования в 1925 г.

кая и А.В. Луначарский, прекрасно понимавшие спешность мероприятий при неизменно актуальной угрозе уничтожения культурного наследия населением. Как и прежде, сохранялись два больших подразделения Губмузея: в Москве во главе с Н.И. Троицкой и в Петрограде под руководством Г.С. Ятманова (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 466. Л. 28).

Положение о Главмузее (см. выше) гласит: «в целях объединения всей музейной деятельности, проведения в жизнь общегосударственного плана музейного строительства и правильной постановки дела охраны памятников искусства, старины, народного быта и памятников природы на территории РСФСР Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса реорганизуется в Главмузей». Это очень важная формулировка, поскольку она давала огромные полномочия для проведения в жизнь определенного курса музейного строительства, способствовала развитию краеведческого движения. Археологии это все касалось напрямую, так как в задачи Главмузея входило следующее:

а) организация и направление деятельности всех старых и новых музеев независимо от профиля, кроме исключительно учебно-педагогических (музеи специальные, кабинеты и собрания при вузах, учреждениях внешкольных, постоянные выставки). Вузовские музеи управляются инструкцией Академического центра и Главпрофобра¹²;

б) организация охраны произведений искусства, памятников старины и народного быта, их учета и регистрации, а также реставрационных работ и *археологических раскопок*;

в) организация охраны памятников природы, их учета и регистрации.

Итак, во-первых, было положено начало созданию университетских музеев вне системы органов, отвечающих за культуру. Эта схема существует и сейчас. Известно, что большинство таких музеев – учебные археологические, в то время как специальных археологических музеев в России до сих пор очень мало. Второй момент – отнесение регламентации археологических раскопок к компетенции Главмузея. Это логичный шаг, так как в 1918–1920 гг. органом, выдававшим открытые листы, был Археологический подотдел в составе МУЗО, специально созданный для административной работы

¹² Главное управление профессионального образования учреждено в составе Наркомпроса РСФСР в 1921 г. (СУ. 1920. № 6. Ст. 41).

в области археологии. Научные функции же были закреплены за РАИМК. Изначально установленный порядок просто сохранялся. Но тем самым были предопределены обозначившиеся в дальнейшем сложности во взаимоотношениях МУЗО и РАИМК–ГАИМК. В 1918–1920 гг. полевых работ было мало. А сейчас, с окончанием Гражданской войны, появилась перспектива. Правда до улучшения экономического положения государства было очень далеко, в Поволжье свирепствовал страшный голод, но земельные отношения, как уже отмечалось, были определены. Поэтому регламентация полевых исследований становилась насущной проблемой, но возникал вопрос как ее решить. Трения между наукой и администрированием возникли, прежде всего, на почве размежевания обязанностей в отношении полевой археологии. С ликвидацией Главмузея и переходом МУЗО в подчинение Главнауки эта объективно существующая проблема не только не исчезла, но обострилась, поскольку объем полевых работ неуклонно увеличивался.

В процессе обсуждения Положения о Главмузее были внесены поправки, определяющие полномочия научных и административных учреждений. Проект его выработывался в процессе реорганизации Наркомпроса, в результате возникло много нестыковок во взаимоотношениях его подразделений. В окончательной редакции (всего их было три) это было исправлено. Внесен пункт 4, согласно которому «научная работа Главмузея ведется при ближайшем единении с Академией наук, Академией истории материальной культуры на основании особых Положений, утверждаемых Наркомпросом» (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 466. Л. 5–6). Интересно, что в первой редакции всякое упоминание о РАИМК и об открытых листах отсутствовало (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 466. Л. 1). Но это не удивляет при учете того обстоятельства, что в составлении первоначального проекта определенно участвовал В.А. Городцов как заведующий АПО. Он был активным членом Московского археологического общества, в принципе не признававшего общегосударственную регламентацию полевых исследований и всячески сопротивлявшегося ее введению в 1889 году. В.А. Городцов понимал, что в новых условиях общий контроль нужен, но стремился полностью закрепить эту функцию за АПО, почему и находился в конфронтации с РАИМК (Платонова, 2010. С. 204; Сорокина, 2014. С. 508–509). Члены Коллегии АЦ отредактировали проект с учетом роли РАИМК и Академии наук на заседании 23 марта 1921 г. или вскоре после него, перед принятием окончательного варианта

(ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 466. Л. 14–15). На том же заседании были урегулированы взаимоотношения между Главмузеем и Управлением научных учреждений. Решили: при составлении Коллегии Главмузея ввести в нее человека от Управления и обеспечить участие в ней специалистов – представителей естественных наук (гуманитариев и так хватало).

Очень важен пункт 36 Положения о Главмузее, также отредактированный по сравнению с первоначальным вариантом. Этому учреждению предписывается не только организация археологических раскопок, но и «исключительное право разрешения их производства». Речь идет о праве выдачи открытых листов, с 1889 г. осуществлявшейся Императорской археологической комиссией, а после ее реорганизации с 1918 г. – АПО на основании научных заключений РАИМК. Важен и пункт 10: «могут быть издаваемы, по мере надобности, Инструкции и постановления, утвержденные Академическим центром Наркомпроса». Это фактически давало Главмузею право на самостоятельную разработку инструкций по регламентации полевой археологии. Во всяком случае, такая трактовка обозначилась в 1927 г., когда Археологический подотдел разработал самостоятельно «Инструкцию к «Открытому листу» на право производства археологических (палеоэтнологических) раскопок»¹³. Необходимость в подобных инструкциях и методических указаниях по археологическим раскопкам и разведкам явно назревала в связи с активизацией полевых работ к середине 1920-х годов.

Структуру Главмузея, согласно Положению, составляли следующие отделы: 1) учета и охраны памятников искусства, старины и народного быта; 2) охраны памятников природы; 3) музейный; 4) реставрационный; 5) просветительский (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 466. Л. 2–4). По первоначальному варианту Археологический подотдел относился к Отделу учета, имевшего задачу «выяснения наличности и обеспеченности сохранности всех предметов археологии, искусства и народного быта в государственном масштабе». Музейный отдел должен был ведать всеми музеями, сферой обслуживания ими населения, ревизиями, закупками коллекций, экспертизами, научным музееведением, распределением фондов по музеям и т.д. Полевой археологией в этом варианте административной структуры ведал не Музейный отдел, а Учетный. Но,

¹³ Автором ее был Б.С. Жуков. В.А. Городцов к тому времени ушел из АПО.

судя по документам АПО (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 420), он остался в подчинении Музейного отдела.

В мае 1921 г. распоряжением по Наркомпросу было принято «Положение о губернских управлениях по делам музеев и охране памятников искусства, старины, народного быта и природы» (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 534. Л. 88). Эти учреждения должны были на местах осуществлять функции Главмузея под его контролем. Их прототипы – подотделы МУЗО на местах – появились еще в конце 1918 года. Тогда Наркомпрос принял постановление «Об образовании губернских подотделов по делам музеев и охране памятников искусства и старины при отделах народного образования губернских Совдепов» (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 23. Л. 227–277 об.), ставшее очень важной вехой в деле создания системы управления культурой в огромной стране. На представителей ОНО¹⁴ возлагалось общее идеологическое руководство работой подотделов. Их штаты должны были включать специалистов: музейщика, художника, архитектора, *археолога*, историка. Реализовать на практике подобное начинание в то время, да и много позже, оказалось чрезвычайно сложно из-за нехватки специалистов и постоянного сокращения штатов в целях экономии средств¹⁵. Тем не менее, подотделы работали и ждали указаний о дальнейшем реформировании МУЗО, которые были даны в новом Положении от 1921 года. Задачи Губмузея определялись следующим образом:

а) организация и направление деятельности старых и новых музеев в губернии или области (художественно-исторических, естественно-исторических, парков, зоопарков, заповедников и заказников научного характера);

б) охрана произведений искусства, памятников старины, народного быта и природы, их регистрация и взятие на учет;

в) организация губернских музейных фондов; *производство археологических раскопок и реставрационных работ (только с разрешения и ведома Главмузея)*;

г) выставки и лекции, экскурсии и экспедиции, съезды, издание разной литературы.

¹⁴ Отделы народного образования (ОНО) были созданы в июне 1918 г. при исполкомах Советов всех уровней для реализации политики НКП на местах (Сорокина, 2014. С. 503).

¹⁵ В 1925 г. штат Губмузея во многих местах состоял фактически из одного человека (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 534. Л. 27).

Подотделы Губмузея: 1) музейный; 2) учета и охраны памятников; 3) просветительный. Как видно, специального археологического подотдела нет, хотя надзор за законностью осуществления полевых работ на местах был вменен в обязанности Губмузея. Известно также, что в то время, располагая некоторыми средствами, Губмузеи могли финансировать археологические экспедиции. Отчасти такое несовершенство структуры Губмузея объяснялось отсутствием профессиональных археологов – их место в провинции долго занимали краеведы. В.А. Городцов как руководитель АПО был совершенно прав, предлагая осуществлять надзор за полевыми исследованиями исключительно из центрального органа, тем более, что и открытые листы на полевые исследования выдавались Главмузеем¹⁶. Губмузеи за неимением нужных специалистов просто не справились бы с задачей.

Новое Положение о Губмузеях появилось после принятия декрета ВЦИК и СНК «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы» от 7 января 1924 г. (см. примечание 4) и Инструкции по его применению от 7 июня 1924 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 534. Л. 21–22; СУ. 1924. № 66. Ст. 664). Принципиально новых идей оно не содержало.

Осенью 1925 г. вопрос о Губмузеях возник вновь в связи с неопределенностью их ведомственной принадлежности. Дело в том, что постоянно происходило активное вмешательство в дело музейного строительства со стороны Главполитпросвета¹⁷. Главмузей с момента его образования боролся за свою централизованную систему и целостность. Еще до утверждения Положения о Главмузее, но сразу же после принятия декрета, закрепившего его статус в феврале 1921 г. (см. выше), Главмузей направляет телеграмму в Казань заведующему ОНО и заведующему музейной секцией (скорее – подотделом МУЗО) при ОНО, в которой «всемерно протестует против незаконного включения музейной секции в состав Политпросвета, противоречащего конструкции Наркомпроса» (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 433. Л. 33). Сообщают, что музейные секции преобразуются в подотделы Главмузея согласно инструкции (вероятно, какой-то подобный документ был до Положения). На местах,

¹⁶ О конфронтации АПО и РАИМК по этому поводу см. выше.

¹⁷ Главный политико-просветительный комитет Республики, возглавлявшийся Н.К. Крупской. Входил в состав Наркомпроса РСФСР на правах Главного управления. Учрежден 12 ноября 1920 г. (СУ РСФСР. 1920. № 91. Ст. 475). Существовал до 1930 г.

особенно если учесть общую трудную обстановку в стране, были плохо осведомлены о ходе реформы НКП, отсюда и ведомственная путаница. И этот случай отнюдь не единичный. В сентябре 1925 г. Коллегия МУЗО обсуждает создавшуюся ситуацию (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 534. Л. 26–27). Есть предложение сделать Губмузеи подотделами ГубОНО, то есть подчинить непосредственно местной власти, а не идеологическому органу, никак не связанному с практической музейной работой.

В 1926 г. МУЗО НКП разработал проект нового Положения о деятельности Губмузеев, однако он не был утвержден. Политика государства менялась. В ряде губерний началось свертывание губернских музейных отделов. Ставился вопрос о передаче управления музеями в Управление губполитпросветов при НКП. Контакт Главмузея с Главполитпросветом, как выяснилось впоследствии, в 1927–1930 гг., носил отнюдь не мирный и не конструктивный характер (со стороны Главполитпросвета). Возникли такие явления, как насильственное внедрение марксизма в музейное дело и новая классовая идеология в отношении к памятникам старины, в частности археологическим.

В качестве самостоятельной административной единицы Главмузей просуществовал недолго. Распоряжением по Наркомпросу № I/448 от 2 января 1922 г. он был соединен с Главнаукой, в составе которой функционировал как Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины с тем же руководителем – Н.И. Троцкой¹⁸ (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 532. Л. 29–30). Собственно, так было и до реформы 1921 г. В конечном итоге Главмузей опять превратился в МУЗО и вместе с АПО и другими подотделами из непосредственного подчинения Наркомпросу перешел в подчинение Главнауки как часть ее структуры. В дальнейшем (особенно в конце 1920-х гг.) многие документы, предназначенные для РАИМК–ГАИМК, посылаются за подписью руководителя Главнауки, а не МУЗО. Но новой реформе НКП предшествовал год плодотворной работы Главмузея. В 1921 г. закладывается общий принцип музейного дела в РСФСР, сохранившийся и дальше, но, кажется, уже по инерции.

Новая масштабная реорганизация Наркомпроса проводилась по Постановлению Президиума ВЦИК от 13 декабря 1921 г. Она имела целью создание более стройной системы и прекра-

¹⁸ Н.И. Троцкая возглавляла Отдел до лета 1927 г. В 1928 г. вместе с Л.Д. Троцким, снятым со всех постов, была выслана в Алма-Ату.

щение дублирования функций подразделений НКП. Академический центр становится в большей степени административно-координирующим органом. Усиливаются позиции ГУСа как научно-методического центра, совершенствуется его структура. Тем же распоряжением № I/448 Государственный научно-художественный комитет в составе АЦ ликвидирован как самостоятельное учреждение. Его функции переданы вновь созданной научно-художественной секции ГУСа. Меняется название Управления научных и научно-художественных учреждений Академического центра. Оно преобразуется в Главное управление научных и научно-художественных учреждений (собственно, это и есть Главнаука). Главмузей, как отмечено выше, преобразован в Отдел и подчинен Главнауке. Полное название впоследствии изменилось: Главное управление научными, музейными, учебными и научно-художественными учреждениями Народного комиссариата просвещения РСФСР¹⁹. В 1930 г. Главнаука была преобразована в Сектор науки Наркомпроса, существовавший до 1933 г.

В начале 1922 г. были определены задачи нового административного образования. Согласно Положению о Главнауке, она «является научным, идеологическим и административно-организационным органом Наркомпроса, осуществляющим в означенных направлениях руководство и наблюдение над деятельностью и внутренней работой академий, научно-исследовательских учреждений, научных обществ, научных библиотек и книгохранилищ, научных библиографических учреждений, музеев, учреждений по охране памятников природы и старины, художественных, показательных и других подведомственных Наркомпросу учреждений, связанных с научной деятельностью» (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 534. Л. 1). Во главе – заведующий, утверждаемый Совнаркомом по представлению Коллегии НКП. В 1924 г. была учреждена Коллегия Главнауки. Органами Главнауки на местах были научные секторы при ОНО. Задачи Главнауки:

- развитие и материальное обеспечение сети научных и художественных учреждений;
- подготовка, учет и использование научных кадров «в интересах строительства советской культуры»;
- организация научных съездов и конференций;

¹⁹ Полные названия менялись неоднократно.

- подготовка и проведение *научных экспедиций* (в том числе археологических – *И.С.*);
- разработка законопроектов, Положений и Уставов «в области своей компетенции для представления их на утверждения в соответствующие органы»;
- утверждение инструкций для подведомственных учреждений;
- распространение научных знаний и художественной культуры;
- развитие краеведческого движения.

Теоретическое и методическое руководство научными исследованиями, в том числе археологическими, должен был осуществлять ГУС. Согласно «Положению о Государственном учебном совете», утвержденному Президиумом НКП 16 марта 1923 г. (Организация..., 1968. С. 41; ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 1068. Л. 5–6), это орган НКП, «ведению которого подлежит общее методическое и программное руководство в области научной и художественной жизни, научного, технического и музейного образования и социального воспитания в республике». Задачи ГУСа: выработка общего плана народного просвещения и частных планов для областей просвещения; решение об открытии и закрытии научных и научно-художественных учреждений и вузов; установление типов научных и научно-художественных учреждений и утверждение их уставов, планов и программ их деятельности, учебных программ в вузах. В компетенцию ГУСа входили и кадровые вопросы: обеспечение персоналом (включая назначение профессоров вузов, научных сотрудников в НИИ), а также обеспечение вузов учебной литературой (рекомендация к печати учебников). ГУС издает труды, собирает съезды, назначает комиссии, в том числе с привлеченными специалистами, принимает отчеты и проводит ревизии. Состав секций и подсекций менялся (как и структура самого Наркомпроса). В мае 1924 г. Президиумом коллегии НКП утверждено «Положение о научной музейно-библиотечной секции ГУС» (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 1068. Л. 11). «Научная музейно-библиотечная секция ГУСа разрешает программно-методические вопросы, связанные с музейным и библиотечным делом, а равно с научным и просветительным использованием музеев, памятников и библиотек». Появилась возможность привлекать специалистов – консультантов, «обладающих специальными знаниями», со стороны, на постоянной или временной основе. В составе секции работали комиссии:

- Музейная;
- Археологическая;
- Реставрационная;
- Библиотечная.

Особенно интересна работа Археологической комиссии, возглавлявшейся В.А. Городцовым. Ее задача – «разработка метода и планов археологических изысканий и раскопок и охрана памятников археологии» (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 1068. Л. 11). Именно в рамках ее деятельности В.А. Городцов и реализовал некоторые свои идеи в области развития археологии как науки и практики и музейного строительства.

«Основные положения о работе Музейно-библиотечной секции» были разработаны к плану работы на 1924–1925 учебные годы ученым секретарем по заданию Н.И. Троцкой в августе 1924 года. Это сводка планов по всем комиссиям. Пункт 8 предусматривает «разработку методических вопросов в области музейного, библиотечного, экскурсионного и реставрационного дела, а также дела охраны памятников и производства археологических раскопок» (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 1068. Л. 12–12 об.). В связи с очередной реорганизацией Научная музейно-библиотечная секция в 1925 г. была ликвидирована. Вопросы археологии планировалось передать Музейной комиссии непосредственно при Президиуме ГУСа «в целях сохранения за ГУСом идеологического и программно-методического руководства музейным, реставрационным и археологическим делом» (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 1068. Л. 14).

Исходя из поставленных задач, Главнаука должна была управлять в числе прочих наук и археологией (экспертные функции, выдача открытых листов на полевые исследования, утверждение смет и обеспечение экспедиций, утверждение планов и финансирование научных исследований). Ей подчинялись учреждения, с этой наукой связанные, – от Академии истории материальной культуры до местных краеведческих ячеек и научных обществ. В системе Главнауки все эти вопросы относились к компетенции МУЗО.

До второй половины 1920-х гг. направления деятельности Главмузея-МУЗО разнообразны. С одной стороны, они носят деструктивный характер: реквизиция художественных ценностей у населения и церкви. По постановлению ВЦИК «О распределении историко-художественного имущества церковей и монастырей» от

27 декабря 1921 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 466. Л. 13)²⁰ ценное имущество следовало изъять и большую часть передать в ведение Главмузея и Гохрана. Верующим была оставлена наименее ценная часть, и то – при учете Главмузеем. Сомнительный аспект – перераспределение фондов по музеям, кое-где расформирование сложившихся собраний (например, Румянцевский музей в Москве). В образовавшихся в ходе реквизиции культурных ценностей хранилищах, как правило, не хватало места. Но, с другой стороны, возникает вопрос: а что бы от этих ценностей осталось на волне стихийного разграбления объектов культурного наследия населением и захвата учреждений, которые менее всего заботились как о занимаемых зданиях, так и об их обстановке? Те самые «12 стульев», которые надо было бы собирать по всей России. Созидательная деятельность заключалась в открытии множества новых музеев, особенно на базе усадеб и монастырей, что способствовало сохранению не только предметов искусства, но и архитектурных ансамблей. Открытие новых краеведческих музеев на местах входило в план музейного строительства, как и реставрация памятников архитектуры, которой начинают заниматься сразу после создания МУЗО (Московский Кремль, памятники Туркестана и т.д.).

В провинции не было возможности провести квалифицированную реставрацию и обеспечить правильные условия хранения движимых культурных ценностей как экспроприированных в специальные хранилища, так и находящихся в музеях. Да и в столицах возникали подобные проблемы. Музейный отдел видел в качестве одной из первоочередных своих задач подготовку реставраторов, разработку соответствующей методической литературы, развитие музейных фондов в целом.

Пожалуй, все-таки следует не так прямолинейно, как это теперь принято в порыве обличения советской власти, смотреть на экспроприацию ценностей государством. Объективно она в значительной степени способствовала их сохранению. Из годового отчета Музейного отдела за 1923/24 г.: «Декреты по учету и охране, предлагавшиеся нами на утверждение и ложившиеся в основу нашей деятельности, сознательно допускали возможность широ-

²⁰ Это Постановление было обусловлено исключительно идеологическими соображениями и имело трагические последствия для российской культуры в целом. Представляется, что церковное имущество пострадало бы от разграбления населением в значительно меньшей степени, чем частные усадьбы и художественные собрания. Атеизм еще отнюдь не был господствующим мировоззрением.

кого толкования. Мы держались того мнения, что лучше учесть и взять под охрану больше, может быть, кое-что лишнее, чем прогадать и что-либо опустить; поток вещей бежавших или арестованных бывших владельцев заполнял нас, но мы неуклонно собирали все, чему грозила малейшая опасность. Строго разбираться было некогда. <.....> Также поступали мы и в отношении памятников зодчества и связанных с ними произведений живописи и скульптуры: они занимались под всякие нужды трудящихся; чтобы предотвратить историко-художественные здания от разрушения и порчи, они брались Музейным отделом на учет и за ними устанавливался особый надзор. В отношении памятников археологии мы воздерживались от производства раскопок в связи с тревожным периодом Гражданской войны, считая сохранность предметов более обеспеченной, когда они находились в земле. Музейный отдел вел лишь внешний предположительный учет и стремился всяческими мерами предотвратить кладоискательство²¹. И, наконец, в отношении музеев мы применяли тот же прием – неограниченного учета. Жизнь показала, что политика Музейного отдела в области учета и охраны культурных ценностей была правильна и оправдалась целиком – через годы революции и Гражданской войны Музейный отдел прошел не только без потерь (крупных), но он умножил культурное достояние советской страны в десятки и десятки раз» (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 549. Л. 1–33).

МУЗО вел переписку с позиционированием своей государственной значимости с разными ведомствами, в том числе и с Всероссийской чрезвычайной комиссией²² (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 432). Несмотря на общую государственную политику недоверия к старым «спецам» (как тогда было принято говорить), особое внимание уделялось их привлечению в области культурного строительства. С их помощью разрабатывались идеи научной реставрации, музееведения и регламентации археологических исследований.

Несомненно, положительными явлениями были:

– удачная попытка в столь трудных экономических и политических условиях выстроить схему управления через создание централизованной системы органов культуры;

²¹ Тем не менее, полевые работы в очень ограниченном объеме продолжались (Городцов, 1924. С. 1; Сорокина, 2014. С. 500).

²² По поводу занятия монастырей под лагерь, тюрьмы и колонии несовершеннолетних.

– разработка охранных и прочих инструктивных документов (Декреты, Положения, Инструкции центральных органов власти и НКП);

– придание (к сожалению, не всегда реализуемое на практике) этим органам довольно широких полномочий;

– реальные и часто успешные попытки эти полномочия использовать;

– разработка принципов «музейного строительства» как государственного дела, стремление полностью реализовать просветительскую функцию музеев.

Создание ГУСа и передача ему научно-методического руководства работой исследовательских организаций, свидетельствует о стремлении сделать науку движущей силой государственного развития. В этом же ключе делается и упор на развитие краеведения и реальные планы музейного строительства.

Еще много полезных идей реализуется до середины 1920-х гг. Положительные сдвиги особенно видны в период НЭПа. Далее, с переходом к индустриализации промышленности и коллективизации сельского хозяйства, последовали репрессии в науке, музейном деле и краеведческом движении, насильственное внедрение марксистской идеологии, разрушение образовательной системы.

Литература

- Бастракова М.С.* Становление советской системы организации науки. М., 1973.
- Городцов В.А.* Археологические раскопки и разведки в Советской России с 1919 по 1923 г. // Древний мир. Вып. 1. 1924.
- Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925). Сборник документов. Л., 1968.
- Платонова Н.И.* История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб., 2010.
- Собрание Указаний и Распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР // <http://www.libussr.ru/infdoc2.htm>
- Сорокина И.А.* Организация российской полевой археологии в первые годы после двух революций (1917–1920 гг.) // Российский археологический ежегодник. СПб., 2014. № 4. С. 499– 514.
- Стрекопытов С.П.* Органы государственного руководства наукой и научными учреждениями – фондообразователями государственного архивного фонда СССР 1917–1936. М., 1987.

ВКЛАД В.А. ГОРОДЦОВА В РАЗРАБОТКУ ПЕРИОДИЗАЦИИ ЭПОХИ МЕТАЛЛА: ИСТОРИЯ ВОПРОСА И СОВРЕМЕННОСТЬ

© 2015 г. И.Е. Сафонов

Воронежский государственный университет

Ключевые слова: В.А. Городцов, археологическая периодизация и классификация, эпоха бронзы, ранний железный век, палеометаллическая эпоха

Статья посвящена истории создания В.А. Городцовым археологической периодизации эпохи металла и анализу ее значения для истории археологической науки.

Периодизация как деление процесса развития общества на качественно отличающиеся от друга периоды обычно затрагивается в контексте правомерности отнесения того или иного археологического комплекса к определенной эпохе (Вишняцкий, Колпаков, 1991. С. 5–11; Щапова, 2010). Традиционно под археологической периодизацией понимают выделение таких отрезков (периодов) на шкале времени, которые обладают определенным единством археологических признаков и отличаются от других аналогичных отрезков (Грушин, 2001. С. 84). В то же время общая археологическая периодизация строится, в первую очередь, на историко-технических основаниях – по смене ведущего материала и ведущих технических приемов в изготовлении орудий (Клейн, 1995. С. 206).

Сложность в создании всеобщей археологической классификации, построенной на единых основаниях, очевидна. Она обусловлена, в первую очередь, неравномерностью темпов развития человеческих коллективов, проживавших в различных локально-территориальных, природно-ландшафтных и исторических условиях. Поэтому появление отдельных археологических периодизаций как в рамках одного хронологического этапа, так и в рамках одного региона вполне логично¹.

¹ Примером может служить название и тематика конференции «Археологические источники и культурогенез. Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы», проведенной в Санкт-Петербурге в декабре 2013 г.

В настоящее время ведутся дискуссии по проблемам периодизации эпохи металла, в частности при решении проблемы выделения переходного периода от эпохи камня к бронзовому веку, от бронзового века к железному, да и самой терминологии (Рындина, Дегтярёва, 2002. С. 4–25).

В связи с этим представляет интерес разработка периодизации выдающимся русским археологом Василием Алексеевичем Городцовым для эпох бронзы и раннего железа, что важно для понимания всей эволюции взглядов ученого по проблемам археологической классификации, а точнее, следуя его терминологии, «хронологической классификации в археологии» (Городцов, 1925. С. 21). Решение этого вопроса занимает в его научном творчестве, пожалуй, одно из ведущих мест². Отмечу, что наиболее интенсивно теоретическими проблемами археологии В.А. Городцов начал заниматься в 1920 – начале 1930-х гг. По замечанию Н.И. Платоновой, «именно в советский период его теоретические взгляды оформились окончательно», а «В.А. Городцов оказался одним из немногих археологов-теоретиков 1920-х гг., действительно успешных высказаться в печати до наступления Великого перелома» (Платонова, 2010. С. 203).

Несмотря на то, что В.А. Городцов в своих трудах часто указывает на идентичность терминов «палеометаллическая» и «бронзовая», «неометаллическая» и «железная» эпохи, нужно учитывать их неполное совпадение с принятым сейчас делением и границами бронзового и раннего железного веков. Анализ работ В.А. Городцова хорошо демонстрирует неуверенность исследователя в отнесении ряда археологических культур к тому или иному хронологическому периоду, как, впрочем, и само разделение палеометаллической (бронзовой) эпохи на отдельные «поры».

В учебном курсе «Археология. Ч. 1. Каменный период», вышедшем в 1923 г. и переизданном с дополнениями в 1925 г., Василий Алексеевич предложил следующую схему: индустриальная эра делится на каменный и металлический периоды; в свою очередь, металлический период – на две эпохи: палеометалла и неометалла (Городцов, 1923. Табл. II) (рис. 1). В данной работе относительно

² См. об этом в ряде работ о В.А. Городцове: Кузьминых, Вдовин, 2010; Белозёрова, Кузьминых, Сафонов, 2011а; 2011б; Кузьминых, Белозёрова, 2011, 2012; Вдовин, Кузьминых, 2012; Детлова, Буровский, Кузьминых, 2014; Кузьминых, Белозёрова, 2014; Кузьминых, Сафонов, 2014.

эпохи палеометалла он придерживался двухчленной периодизации, замечая, что в раннюю пору палеометалла господствуют каменные орудия, но появляются и медные, а поздняя пора характеризуется бронзовыми орудиями, наряду с которыми существуют не только медные, но и каменные (Городцов, 1923. С. 29).

Несколькими годами позже время существования бронзового века на территории СССР Городцов разделил на три «поры»: раннюю, среднюю и позднюю (Городцов, 1927. Стлб. 610). Ранняя пора начиналась с появления первых медных изделий (трипольская и ямная культуры), средняя – бронзовых (северокавказская, катакомбная, среднеднепровская, фатьяновская, панфиловская культуры), поздняя начиналась, когда наряду с медными и бронзовыми орудиями «выступают и первые орудия, сделанные из железа». Согласно такому делению, ряд культур, ранее отнесенных к неометаллической эпохе (срубная, андроновская, сейминская, хвалынская, минусинская, киммерийская и др.), попали в поздний этап развития бронзового века. Как видно из перечня, в современном понятии данная группировка включала в себя культуры, как поздней бронзы, так и раннего железа. Видимо, и сам В.А. Городцов понимал некое несоответствие в данном перечне, сделав оговорку, что многие из культур поздней поры палеометаллической эпохи перешли в раннюю пору неометаллической, «обогащаясь все более и более железными орудиями и утварью», а хвалынская и сейминская культуры принадлежат «всецело ранней поре неометаллической эпохи, хотя и содержат еще огромное количество бронзовых орудий и других бытовых предметов» (Городцов, 1927. Стлб. 618, 622). Представляется, что в целом рассматриваемая статья в Большой Советской энциклопедии (БСЭ) в наибольшей степени соответствовала уровню последующего развития периодизации эпохи бронзы.

В 1930-е гг. В.А. Городцов вновь вернулся к двухчленной периодизации бронзовой эпохи, но с некоторыми изменениями. Так, в «Обзоре трудов по исследованию древнейших памятников в СССР с 1917 по 1930 г.» (оставшемся в рукописи и сейчас хранящемся в ОПИ ГИМ) им был дан подробный перечень выделенных к тому времени культур в соответствии с хронологической классификацией металлического периода на раннюю и позднюю «поры» (Сафонов, 2000. С. 149–151). К ранней поре относились культуры анау, трипольская, ямная и окская. А вот в поздней поре он выделил более ранние культуры – майкопскую, северокавказскую, катакомбную, среднеднепровскую, фатьяновскую, панфиловскую, федоровскую,

афанасьевскую, китойскую и более поздние – южнокавказскую, кобанскую, срубную, андроновскую, которые были очень богаты бронзовыми орудиями (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 33. Л. 96). В то же время культуры, содержащие бронзовые кельты, были отнесены к ранней поре неометаллической эпохи (киммерийская, хвалынская, сейминская, абашевская, минусинская, глазковская). Сходной периодизации ученый придерживается и во втором, оставшемся в рукописи, томе «Археологии», над которым он работал и готовил к публикации со второй половины 1930-х гг. и фактически вплоть до самой смерти (Сафонов, 2002. С. 62–70). Как видно из приведенных примеров, в основу хронологической периодизации в первую очередь положен принцип появления и расширения степени употребления конкретного материала (камень, медь, бронза, железо). Лишь в последнем случае наряду с развитием технологии производства металла выступает и чисто типологическая специфика самих орудий (например, кельты отнесены к неометаллической эпохе).

Возникает вполне закономерный вопрос: почему В.А. Городцов не стал дальше развивать трехчленную периодизацию эпохи бронзы, а вернулся к двухчленной, с выделением своеобразных «подпериодов»? На мой взгляд, основная причина кроется здесь в той же археологической классификации, разработанной исследователем в 1910 – начале 1920-х гг.

В трудах по истории и историографии отечественной археологии уже неоднократно рассматривались проблемы, связанные с развитием теоретических взглядов В.А. Городцова (Генинг, 1982. С. 70–77, 151–161; Пряхин, 1986. С. 151–161; Лебедев, 1992. С. 347–371; Платонова, 2010. С. 203–215 и др.). Не касаясь подробно ранее изложенных в специальных работах фактов, остановлюсь лишь на вопросах, заслуживающих дальнейшего обсуждения в рамках интересующей нас темы.

В научном подходе В.А. Городцова, основанном на принципах классического позитивизма (Платонова, 2010. С. 209), важную роль играла и эволюционная теория развития общества с ее основным постулатом о единообразии развития человеческой культуры и однолинейности такого развития – от простого к сложному или от однообразия к многообразию. Перенеся эти принципы на археологический материал, он считал появление даже первых, иногда незначительных, элементов более прогрессивного развития в изготовлении древних орудий началом нового периода или этапа в общей классификации. Наиболее ярко это проявилось в

указанном выше делении металлического периода на палео- и неометаллическую эпохи, а также на внутреннем делении эпох на отдельные «поры». В значительной степени это было связано и с общей концепцией развития бронзового века в южнорусской степи, основанной на теории миграций и диффузионизме, что особенно ярко проявилось в разработке В.А. Городцовым теории о культурных течениях и очагах (Черных, Кузьминых, 1991. С. 88–100; Сафонов, 2008. С. 240–242). По сути дела каждое из таких течений или очаг, а в более узком контексте – археологическая культура, характеризовались какой-то наиболее значимой формой инвентаря. К примеру, для фатьяновской культуры В.А. Городцов разработал подробную типологию каменных топоров (Городцов, 1915. С. 8–9), сейминская и хвалынская культуры характеризовались наличием кельтов (Городцов, 1927. С. 622–623).

Статья в БСЭ – пример одного из немногочисленных употреблений В.А. Городцовым термина «бронзовый век». Чаще же всего ученый использовал термин «палеометалл» и далеко не случайно – он более обширен по своему содержанию и одновременно более технологичен. Если в строгом смысле слова «эпоху бронзы» можно соотнести со временем господства изделий только из бронзы, то «палеометаллическая эпоха» дает возможность включить сюда и время существования медных орудий, что четко прослеживается в самой первой периодизации Городцова, изложенной еще в «Бытовой археологии» (Городцов, 1910. С. 16). Эпоха была разделена на две «поры» или отдела: раннюю – пору медных орудий – и позднюю – пору бронзовых орудий. В этой связи показательны размышления В.А. Городцова, датируемые концом 1916 – началом 1917 г.: «... Термин “бронзовая эпоха” понимается как звено металлического периода общечеловеческого развития. Это звено составляет время от первого появления *литых медных орудий* [курсив мой. – И.С.] до первого появления железных орудий, что приблизительно совпадает с V, IV, III и II тыс. до Р.Хр. Оно в свою очередь делится на 2 «поры»: 1) раннюю – от начала появлений медных орудий до начала появления бронзовых орудий и 2) позднюю – от начала появления бронзовых орудий до начала появления железных орудий» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 260. Л. 45 об.).

Кстати сказать, сохранившиеся конспекты лекций В.А. Городцова 1920–30-х гг. также свидетельствуют, что он продолжал читать их, основываясь на материалах «Бытовой археологии» (Городцов, 1910), но выделяя отдельные археологические культуры, описание

которых приведено в БСЭ (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 187. Л. 21, 55, 63 и др.). В программе по курсу «Первобытной археологии», разработанной Василием Алексеевичем в первой половине 1930-х гг., можно прочитать следующее: «...Неометаллическая эпоха. Начало приурочено к XV в. до н.э. В первую треть эпохи происходит борьба железных орудий с бронзовыми; во второй трети – полная победа; в третьей трети – господство железных орудий» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 103. Л. 17).

Палеометаллическая эпоха – единственная в более поздней хронологической классификации В.А. Городцова, подразделяющаяся не на три «поры» («века»), а на две (Городцов, 1923. С. 5–8). Для исследователя принципиальным было изменение технических приемов в обработке металла (меди, бронзы, железа). Не случайно в более поздней статье о значении изучения древних технологий в археологии Василий Алексеевич проводит четкую границу между бронзовым и железным веками именно с этой позиции, выделяя среди семи индустриальных эпох время «обработки металлических орудий отливкою их в формах» и изготовление их «горячей ковкой – техническим приемом, применяющимся до сих пор при выработке железных орудий» (Городцов, 1930. С. 10).

Можно согласиться с А.Д. Пряхиным, отметившим, что В.А. Городцов абсолютизировал археологическую периодизацию, придавая ей самодовлеющее значение и ставя ее в определенную зависимость от развития орудий труда (Пряхин, 1986. С. 67–68). В то же время подход Городцова к разделению на эпохи металлического периода был начальным этапом перехода к современной концепции разделения бронзового и раннего железного веков, согласно которой наступление железного века как исторической эпохи связано не с самим способом получения этого металла и не с началом изготовления первых небольших кованых железных изделий, а с появлением новых культур, в которых присутствовали уже серии достаточно крупных изделий из железа, и прежде всего – орудия труда и оружие, коренным образом повлиявшие на изменение всех сторон жизни людей.

Самому В.А. Городцову этот переход не удалось сделать в силу его сильного увлечения концепцией, в которой орудия труда рассматривались как рычаги, «посредством которых человек двигает культуры вперед к большому совершенству» (Фриче, 1928. С. 6). С одной стороны это было данью начавшемуся с конца XIX в. мощному развитию научно-технического прогресса, а с другой –

сказывалось обращение исследователя к проблемам научного материализма (марксизма) и диалектическим процессам в развитии общества.

Усиление внимания в отечественной археологии конца 1920 – первой половины 1930-х гг. к изучению концептуальных построений классиков марксизма не прошло мимо В.А. Городцова. Это еще с момента выхода выше цитированной статьи В.М. Фриче совершенно справедливо отмечали многие исследователи, подчеркивая тенденцию к развитию взглядов В.А. Городцова в сторону исторического материализма (В.Ф. Генинг, А.Д. Пряхин) или позитивистской социологии (Н.И. Платонова). В архиве ученого сохранились ссылки на статьи К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, Н.И. Бухарина и некоторых других теоретиков, свидетельствующие о повышенном внимании к их наследию и попытке переосмысления своих работ с позиции марксизма. В частности, интересны размышления Городцова о роли личности в истории. По его мнению, в создании и развитии исторического процесса она не имеет существенного значения, но «может ускорить время его завершения». Главную же роль играют: географическая среда, производительные силы, науки, искусства, религия (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 186. Л. 31).

Нельзя назвать случайным и вступление В.А. Городцова в 1938 г. в ряды ВКП(б). Безусловно, этот факт свидетельствовал об определенном изменении в мировоззрении исследователя, но никак не с связан политическим давлением. Сложно подозревать в политической конъюнктуре 78-летнего профессора, незадолго до этого подвергавшегося жесткой критике последовательными сторонниками «нового учения о языке» Н.Я. Марра.

Можно сказать, что и «метод восхождения», предложенный в конце 1920-х гг. учениками В.А. Городцова (Арциховский, 1929. С. 322–325), в определенной степени являлся развитием идеи их учителя, согласно которой прогрессивные технологические изменения в формах орудий труда ведут к совершенствованию всей материальной и духовной культуры общества (Клейн, 1993. С. 18).

В этой связи очень показательны размышления В.А. Городцова, отраженные в выписках и заметках по хронологии и классификации бронзовой эпохи: «Почему бы не использовать диалектические процессы развития человечества для основы археологической классификации? Если в этом процессе существуют революционные скачки, то нельзя ли ими воспользоваться как опорными пунктами для

относительной хронологии?» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 186. Л. 33). На мой взгляд, в этой фразе раскрывается определенная сущность преобразований в археологической классификации и периодизации, предпринятых В.А. Городцовым в 1930–1940-е гг. Резкие, по сути революционные, изменения в технологии изготовления орудий труда, их типологическое различие должны были стать основой для относительной хронологии археологических культур, их отнесения к тому или иному археологическому периоду. Деления на «поры» внутри периодов также находилось в подобной зависимости.

Можно было бы так детально и не анализировать динамику взглядов Василия Алексеевича на проблемы хронологии эпохи металла, если бы не одно обстоятельство. Как известно, в 1930 – начале 1950-х гг. в официальной советской археологической науке получили широкое распространение идеи «стадиальности» и «автохтонности» или в широком смысле «марризма» – этого «уродливого явления культурной жизни России на переломном этапе» (Платонова, 2010. С. 253). И хотя сами термины «эпоха бронзы», «бронзовый век» не исчезли из научных публикаций, но были заретушированы в публикациях того времени вплоть до начала 1950-х гг. Термин же «палеометаллическая эпоха» употреблялся вообще крайне редко.

Ситуация изменилась в середине 1960-х гг., когда Е.Н. Черных предложил назвать время освоения и активного использования в производственной деятельности человеком меди и бронзы «эпохой раннего металла» (Черных, 1965. С. 94–110). Эпоха подразделялась на два этапа – меди и бронзы. Тем самым раннее городцовское деление палеометаллической эпохи на две «поры» получило свое второе рождение. В более поздних работах Е.Н. Черных подразделил эпоху раннего металла на периоды медного, а также раннего, среднего и позднего бронзового веков (Черных, 2012. С. 123). Сейчас такое хронологическое деление является общепризнанным. Да и сам термин «палеометаллическая эпоха» в настоящее время достаточно широко используется в научных и популярных изданиях. Достаточно набрать соответствующий термин в поисковой странице Интернета.

Понятно, что современные исследователи вкладывают в эти термины иной смысл, чем В.А. Городцов, но, как может быть ни парадоксально, идеи Василия Алексеевича вновь востребованы в отечественной археологии, продолжают жить, модернизируются и активно используются. В то же время с позиции современного уров-

ня археологического знания не следует и забывать, как сам ученый развивал свою периодизацию, каковы были критерии ее разработки, а также каковы были его ошибки и талантливые прозрения.

Литература

- Арциховский А.В. Новые методы в археологии. Доклад А.В. Арциховского (заслушан 11.10.1929 в социологической секции Общества историков-марксистов). Краткое изложение доклада и дискуссии // Вестник Коммунистической академии. 1929. Т. 35–36. С. 322–325.
- Белозёрова И.В., Кузьминых С.В., Сафонов И.Е. Судьба ученого: жизнь Василия Алексеевича Городцова в его дневниках и воспоминаниях // РА. 2011а. № 1. С. 154–165.
- Белозёрова И.В., Кузьминых С.В., Сафонов И.Е. Жизненный путь Василия Алексеевича Городцова (к 150-летию со дня рождения) // Российский археологический ежегодник. 2011б. № 1. С. 472–510.
- Вдовин А.С., Кузьминых С.В. «Первобытные древности Сибири меня всегда интересовали»: В.А. Городцов и археология Сибири // Сборник научных трудов, посвященный 80-летию со дня рождения Анатолия Ивановича Мартынова. Кемерово, 2012. С. 49–54. (Археология Южной Сибири. Вып. 26).
- Вишняцкий Л.Б., Колтаков Е.М. Периодизация в археологии // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Л., 1991. С. 5–11.
- Генинг В.Ф. Очерки по истории советской археологии. У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е – первая половина 30-х годов. Киев, 1982.
- Городцов В.А. Бытовая археология. Курс лекций, читанных в Московском Археологическом институте. М., 1910.
- Городцов В.А. Культуры бронзовой эпохи в Средней России // Отчет Императорского Российского Исторического музея за 1914 год. М., 1915.
- Городцов В.А. Археология. Том I. Каменный период. М.; Пг., 1923.
- Городцов В.А. Археологическая классификация (Объяснительный текст с двумя таблицами). М.; Л., 1925.
- Городцов В.А. Бронзовый век на территории СССР // БСЭ. 1927. Т. 7. Стлб. 610–626.
- Городцов В.А. Значение изучения древней техники в археологии // ТСА РАНИОН. 1930. Т. V. С. 9–14.
- Грушин С.П. Основные концепции археологической периодизации памятников эпохи бронзы юга Западной Сибири // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2001. С. 84–88.
- Детлова Е.В., Буровский А.М., Кузьминых С.В. Конфликт В.А. Городцова и Геро фон Мергарта в контексте истории науки // Stratum plus. 2014. № 1. С. 211–227.
- Клейн Л.С. Археологические источники. СПб., 1995.
- Клейн Л.С. Феномен советской археологии. СПб., 1993.
- Кузьминых С.В., Белозёрова И.В. Между Москвой и Ленинградом: В.А. Городцов и ИАЭ/ИААЭ // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. М.; Вел. Новгород, 2011. С. 131–152.
- Кузьминых С.В., Белозёрова И.В. Ученый и революция: В.А.Городцов в 1920-е годы // Вестник РГНФ. 2012а. № 1 (66). С. 30–44.

- Кузьминых С.В., Белозёрова И.В. Русская археология на переломе эпох: В.А. Городцов в 1920-е годы // Евразийский археолого-историографический сборник. СПб.; Красноярск, 2012б. С. 131–152.
- Кузьминых С.В., Белозёрова И.В. Переписка В.А. Городцова и Д.Н. Льва (1933–1941 гг.) // Stratum plus. 2014. № 1. С. 229–294.
- Кузьминых С.В., Вдовин А.С. В.А. Городцов и Е.А. Гольмшток: (К истории советско-американских научных связей в области археологии в 1920–1930-е гг.) // Проблемы изучения и сохранения археологического наследия Центральной России: Материалы международной научной конференции. Рязань, 2010. С. 48–57.
- Кузьминых С.В., Сафонов И.Е. В.А. Городцов и А.М. Тальгрэн в переписке: от диалога к разрыву отношений // РА. 2014. № 4. С. 145–154.
- Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб., 1992.
- Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб., 2010.
- Пряхин А.Д. История советской археологии (1917 – середина 30-х гг.). Воронеж, 1986.
- Рындина Н.В., Дегтярёва А.Д. Энеолит и бронзовый век: учебное пособие. М., 2002.
- Сафонов И.Е. В.А. Городцов и изучение эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи (1930-е – первая половина 40-х гг.) // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы Евразийской степи и лесостепи: Материалы междунар. науч. конф. Воронеж, 2000. С. 149–151.
- Сафонов И.Е. Подготовка В.А. Городцовым второго тома серии «Археология» // Археология в российских университетах. Воронеж, 2002. С. 62–70. (Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 16).
- Сафонов И.Е. В.А. Городцов и проблема выделения культур эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи (1920–1940-е гг.) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. 3. С. 240–242.
- Фриче В.М. В.А. Городцов. К сорокалетию его научно-исследовательской и научно-педагогической деятельности // ТСА РАНИОН. 1928. Т. IV. С. 5–8.
- Черных Е.Н. Спектральный анализ и изучение древнейшей металлургии Восточной Европы // Археология и естественные науки. М., 1965. С. 94–110. (МИА. № 129)
- Черных Е.Н. Металлургические провинции на фоне геоэкологических ареалов Евразии в Эпоху раннего металла (V–I тыс. до н.э.) // Мегаструктура Евразийского мира: основные этапы формирования. Материалы Всероссийской науч. конф. М., 2012. С. 122–127.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Сейминско-турбинская проблема в трудах В.А. Городцова // Проблемы изучения древних культур Евразии. М., 1991. С. 88–100.
- Щапова Ю.Л. Археологическая эпоха: хронология, периодизация, теория, модель. М., 2010.

Эра	Период	Эпоха	Пора
Индустриальная	Металлический	Неометаллическая	Поздняя
			Средняя
	Ранняя		
	Металлический	Палеометаллическая	Поздняя
			Средняя
	Ранняя		
	Каменный	Неолитическая	Поздняя
			Средняя
			Ранняя
		Палеолитическая	Поздняя
Средняя			
Ранняя			
Мезолитическая	Поздняя		
	Средняя		
	Ранняя		
Археолитическая	Поздняя		
	Средняя		
	Ранняя		
Эолитическая	Поздняя		
	Средняя		
	Ранняя		

Рис.1. «Хронологическая классификация» В.А. Городцова, середина 20-х гг. XX в.
(По: Городцов В.А. Археология. Том I. Каменный период. М.; Пг., 1923. Таб. II)

ЛЕКЦИОННЫЙ КУРС В.А. ГОРОДЦОВА
«ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИИ»:
НЕСВОВРЕМЕННЫЙ ОПЫТ

© 2015 г. С.В. Кузьминых*, И.В. Белозёрова**

* Институт археологии РАН, Москва

** Государственный исторический музей, Москва

Ключевые слова: история археологии, В.А. Городцов, Московский университет, курс лекций

В статье излагается история создания В.А. Городцовым в конце 1920-х гг. курса лекций по истории археологии, анализируется значение этого курса на фоне аналогичных трудов по истории археологической науки, изданных в России.

История любой науки невозможна без обращения к исследованию связанных с нею научных подходов и идей. История отечественной археологии в данном случае не исключение. Опыт предшественников во многом является не только актуальным и интересным с позиции науки сегодняшнего дня, но и весьма поучительным в свете истории нашей археологической науки (Формозов, 1961; 1986; 1995; 2006; Генинг, 1982; Лебедев, 1992; Клейн, 1993; Тункина, 2002; Платонова, 2010; Смирнов, 2011; Тихонов, 2003; 2013; и др.). К одному из примеров такого опыта мы и обратимся в настоящей статье. Речь идет о лекционном курсе одного из крупнейших русских археологов, главы московской археологической школы В.А. Городцова «История археологии», прочитанном в сентябре–декабре 1930 г. для студентов 4 курса археологического цикла историко-философского отделения Московского университета (рис. 1; 2).

В начале несколько слов о преподавательской деятельности В.А. Городцова (1860–1945). Она началась еще в дореволюционный период в Московском археологическом институте (1907–1915) и его отделениях в Витебске, Смоленске, Калуге, Ярославле, Нижнем Новгороде, а затем в Московском народном университете им. А.Л. Шанявского (1915–1918). В этих учебных заведениях он разработал и читал курсы лекций по бытовой, первобытной и практической археологии (Стрижова, 1988. С. 27–32; 1991. С. 102–120). Изданные курсы Город-

цова (Городцов, 1908; 1910; 1914) надолго, вплоть до конца 1920-х гг., оставались настольными книгами для нескольких поколений русских археологов. Среди учебных пособий, изданных в начале XX в. по археологии в России¹, они являлись наиболее популярными и востребованными, причем не только на родине², но были известны и за рубежом³. В этих курсах на основе историко-культурных положений «географической теории» Л.И. Мечникова (Мечников, 1899) Василий Алексеевич «построил изложение мирового культурно-исторического процесса и впервые систематизировал представления о развитии первобытных и варварских археологических культур на территории России», получивших «обобщенные, но принципиально в основном верные характеристики» (Лебедев, 1992. С. 232, 255).

Еще в дореволюционных лекционных курсах и научных трудах Городцова нашли отражение не только его полевые археологические исследования и публикации добытых материалов, но и теоретические взгляды ученого, связанные с новаторской для русской археологии разработкой типологического метода и археологической классификации. Проводниками этих взглядов и идей стало первое поколение его учеников, прошедших через лекции и учебные семинары в Московском археологическом институте и практические занятия в залах и фондах Российского Исторического музея (В.В. Гольмстен, Д.Н. Эдинг, Н.К. Ауэрбах, Ф.В. Баллод, П.С. Рыков, В.В. Арендт, С.А. Локтюшев и др.).

После революции востребованность Городцова как преподавателя и лектора заметно возросла. В те годы ему пришлось выступать в самых различных учреждениях и аудиториях Москвы (Белозёрова, Кузьминых, Сафонов, 2011а. С. 162; 2011б. С. 498–499; Кузьминых, Белозёрова, 2012а. С. 33–34; 2012б. С. 136–139). О большей части его лекций того времени, исключая разве что опубликованный курс «Археология. Т. 1. Каменный период» (Городцов, 1923), мы имеем лишь самое общее представление: тема эта требует специальной разработки по материалам рукописного архива ученого в ОПИ ГИМ (фонд 431). О характере

¹ См. перечень лекций и учебных пособий, изданных в России до 1917 г.: Заднепровская, 2003. С. 87–92.

² Хотя рецензий на эти труды В.А. Городцова вышло немного (Зализняк, 1911. С. 200–201; Б.Н.К., 1915. С. 950), о востребованности его учебных курсов свидетельствуют сохранившиеся в ОПИ ГИМ (Ф. 431) обращения от многих русских и иностранных ученых с просьбой прислать эти курсы.

³ Тулузская Академия наук высоко оценила труды В.А. Городцова и присудила награду «Золотая пальма I степени»; он стал также членом Парижского доисторического общества и многих других зарубежных научных обществ и организаций.

и деталях преподавательской деятельности Василия Алексеевича свидетельствуют сохранившиеся учебные планы, расписания занятий, списки слушателей, программы, перечни тем, конспекты лекций, курсовые и дипломные сочинения студентов.

Особый интерес, безусловно, вызывают материалы, связанные с преподавательской деятельностью ученого в Московском университете (Канторович, 2009. С. 309–313). В 1919 г. Городцов в качестве внештатного преподавателя начал читать на историческом отделении факультета общественных наук свой первый курс «История первобытной культуры» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 109. Л. 236)⁴. С 1920 г., став штатным преподавателем и профессором кафедры первобытной археологии ФОН 1-го МГУ, он читал курс «Первобытная археология. Каменный период». С этого времени (и вплоть до увольнения из университета в 1930 г.) Василий Алексеевич вел здесь ряд курсов по археологии и геологии, семинары, специальные занятия по методике полевых археологических исследований⁵, а с 1922 г. проводил и полевые археологические студенческие практики (Канторович, 2009. С. 310). В конце 1923 г. в рамках ФОН 1-го МГУ на базе археологического отделения и художественного цикла литературно-художественного отделения было создано отделение археологии и искусствознания, которое возглавил Городцов. На нем велась подготовка «музейных работников и деятелей охраны, исследования и реставрации памятников» (Городцов, 1924. С. 58). Василий Алексеевич разработал сводную программу курсов археологического отделения ФОН, рассчитанную на трехлетний цикл преподавания археологии (Канторович, 2009. С. 310). В том же 1923 г. и на том же факультете был создан НИИ археологии и искусствознания, археологическое отделение которого вновь возглавил Городцов. Для аспирантов и молодых сотрудников института он читал лекции по «Первобытной археологии» и вел практические занятия по теме «Обработка археологических памятников типологическим методом» (Обзор..., 1928. С. 139).

⁴ Эпизодически этот курс читался в 1919–1920 гг. также для членов профсоюза (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 109. Л. 337).

⁵ Для студентов различных отделений ФОН 1-го МГУ (исторического, литературно-художественного, историко-филологического), а также медицинского факультета В.А. Городцов читал курс «Первобытной археологии», а с 1924 г., кроме того, и курс геологии. В «Памятке...» от 20 марта 1924 г. он записал: «... кончил чтение лекций в университете. Читал же я в минувшем учебном году следующие курсы: 1) «Каменный период»; 2) «Металлический период – палеометаллическая эпоха»; 3) «Металлический период – неометаллическая эпоха»; 4) «Геология». И, кроме того, практические курсы по археологии и геологии» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 357).

Личные дневники и разного рода анкеты свидетельствуют, что после реорганизации в апреле 1925 г. факультета общественных наук (Канторович, 2009. С. 311) Городцов продолжил чтение курсов и занятия со студентами и аспирантами на этнологическом (по историко-археологическому отделению) и историко-философском факультетах 1-го МГУ. Являясь членом научно-политической секции Государственного ученого совета, Василий Алексеевич входил в специальную комиссию по разработке учебных планов этнологического факультета. Им были предложены оригинальные курсы лекций, прочитанные на обоих факультетах. Обратим внимание историков искусствоведения и археологии на рукопись «История первобытного искусства» и подготовительные материалы под названием «Мысли, касающиеся искусства» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 110), а специалистов по истории керамики на «Конспект по первобытной керамике» – курс, прочитанный на керамическом факультете ВХУТЕМАСа в 1920–1922 гг. (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 109).

Приход в высшую школу и подготовка специалистов-археологов требовали качественно иного уровня преподавания по сравнению с Московским археологическим институтом и Народным университетом им. А.Л. Шанявского. Возникла потребность в систематическом изложении древнейших этапов человеческой истории. Так родилась идея написать обобщающие учебные курсы в серии «Археология» (Сафонов, 2002. С. 62–70). Том 1 («Каменный период») не без сложностей, связанных с общим состоянием полиграфического дела в стране после революции, но все же был издан достаточно оперативно для тех лет (Городцов, 1923). Подготовительные материалы и конспекты лекций свидетельствуют о том, что в 1920-е гг. Городцов продолжал читать другой базовый курс лекций – «Палеометаллическая эпоха» – на основе «Бытовой археологии» (Городцов, 1910). Но теперь, помимо общей панорамы археологии эпохи раннего металла, Василий Алексеевич встроил в ее канву характеристики конкретных археологических культур, реконструируемых для того или иного этапа данной эпохи (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 187. Л. 21, 55, 63)⁶.

⁶ К подготовке 2-го тома «Археологии» В.А. Городцов смог приступить лишь в 1935 г. по договору с Институтом антропологии, этнографии и археологии АН СССР (СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 196. Л. 17), но в 1937 г. прервал эту работу в связи с тем, что ИААЭ не продлил с ним договор. Ученый вернулся к подготовке тома «Палеометаллическая эпоха» перед войной и вчерне завершил ее к 1944 г. (Сафонов, 2002. С. 62–70; Кузьминых, Белозёрова, 2011. С. 333–334).

В 1930 г. этнологический факультет в 1-ом МГУ был упразднен и на его базе были созданы факультеты литературы и искусства и историко-философский. С закрытием археологического отделения было прекращено преподавание всех базовых археологических курсов, которые велись Городцовым в 1920-е гг. В осеннем семестре деканат историко-философского факультета предложил ему прочитать цикл лекций «История археологии» выпускному курсу студентов-археологов⁷. Предложение было сделано 2-го сентября, за два дня до начала занятий.

О подробностях написания курса, отношении к нему Василия Алексеевича и его душевном состоянии в канун увольнения из Московского университета лучше всего свидетельствуют записи из личных дневников (Городцов, 2015а; 2015б). Вот несколько цитат.

9 мая 1930 г.: «Меня официально уведомили, что археологическая секция при 1 Гос[ударственном] университете закрыта и мне предоставлено только 2 часа лекций в историческом отделении» (Городцов, 2015б. С. 507).

28 сентября 1930 г.: «С начала учебного года (с 3 сентября) начал читать в 1 Моск[овском] Госуд[арственном] унив[ерситете] новый курс «История археологии». Этот курс, насколько мне известно, никто ни у нас, в СССР, ни за границей не читал: его приходится составлять заново, для чего требуется проделать очень большую работу по литературным источникам» (Городцов, 2015б. С. 507).

2 декабря 1930 г.: «К обеду я закончил изложение полугодичного курса по «Истории археологии». Писал курс ровно 3 месяца. 2 сентября я получил приглашение от деканата историко-философского факультета читать выпускным студентам-археологам названный курс за 2 дня до начала чтения, что меня очень обеспокоило. Я хотел отказаться от чтения такого курса, но, будучи уверен, что другого курса мне не дадут, и я останусь безработным, решил взять курс и усердно принялся за составление и написание его. Работа меня увлекла до самозабвения или, вернее, до забвения почти всех других работ. Всего за три месяца мною написано: 264 страницы в $\frac{1}{8}$ листа. Считая 28 строк по 25 знаков в строке, получаем 700 знаков в 1 стр[анице], а 264 стр[аницы] – 185200 [знаков]. Деля 185200 на 40000, получили 4 $\frac{1}{2}$ печатных листа или 72 печатных страницы.

⁷ Конспект курса, подготовленный для «7 семестра 4 курса археологического цикла историко-философского отделения Московского университета», сохранился в архиве ученого (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 109. Л. 31–162).

Работа особенно сильно велась последние недели две или три...» (Городцов, 2015а. С. 114).

21 декабря 1930 г.: «Закончил чтение лекций студентам-археологам историко-философского факультета 1 М[осковского] Г[осударственного] университета, где археологическая секция закрыта совсем. Будто бы организуется новый факультет или отделение историко-философского факультета, где вновь откроются археологические курсы с 1 апреля 1931 года, причем мне предоставляется чтение лекций. Но будет ли так, достоверно никто не знает» (Городцов, 2015б. С. 508)⁸.

21 декабря 1930 г.: «Закончил чтение лекций студентам-археологам историко-философского факультета 1 Моск[овского] Госуд[арственного] университета, где секция археологии закрыта совсем. Уверяют, что 1 апреля вновь откроют курсы археологии при новом отделении факультета. Но будет ли так, я не знаю, а пока я как-то незаметно для себя вдруг оказался без дела, без заботы к грядущим лекционным часам готовить лекции. Просто не верится, что я уже стал никому не нужен. Странно и непривычно...» (Городцов, 2015а. С. 125).

С 9 по 18 августа 1931 г.: «Во исполнение приказа № 5 по Историко-философскому институту от 17 августа сего года сообщается Вам (мне), что в связи с изменением учебных планов Вы отчисляетесь с 1 сентября сего года от занимаемой Вами должности в институте». Это сообщение мною получено 1 сентября. С этого дня я уже не имею лекций при 1 Гос[ударственном] Моск[овском] университете, так как институт состоит при университете» (Городцов, 2015а. С. 274).

Конспект курса «История археологии» писался в очень сжатые сроки, по ходу подготовки к лекциям, и, как следует из его программы или плана (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 109. Л. 28–30), остался незавершенным. Курс читался в течение семестра и был расчитан на 17 лекций.

⁸ Перерыв в преподавательской деятельности В.А. Городцова продолжался с конца 1930 до 1935 г., когда он был приглашен на биофак МГУ для чтения курса «Первобытная археология». В 1938 г. Василия Алексеевича пригласили в МИФЛИ (созданный на базе выведенного из МГУ в 1931 г. историко-философского факультета). Здесь он до середины 1941 г. оставался профессором, заведующим кафедрой археологии на историческом факультете и вел для студентов III–IV года обучения курс «Раннеисторическая археология СССР». В 1941 г. В.А. Городцов вернулся на кафедру археологии МГУ.

Лекция 1, вводная (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 109. Л. 31–33 об.), знакомила слушателей: с историей археологического знания; с первыми, зафиксированными в письменных источниках, сведениями об интересе к древностям; с возникновением термина «археология» и его первоначальным смыслом; со сходством и различием между археологом и антикваром («любителем всякого рода старины»), археологией и собирательством раритетов; с обзором «выдающихся моментов исторического развития изучения древностей» и деятельности исследователей археологических памятников в XV–XVIII вв. (преимущественно античного искусства); с историей возникновения и развития музеев древности. В конце лекции Городцов отмечал, что собиратели раритетов совсем не обращали внимания на бытовые памятники, «не подозревая, что этим невзрачным памятникам суждено будет занять главное внимание и вызвать к жизни специальную науку “археологию”, изучающую все творения вымерших поколений, чтобы по этим творениям воссоздать древнейшие общественные формации, осветить жизнь народов, протекшую за горизонтами истории и дать сочные иллюстрации для жизни исторической» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 109. Л. 33 об.).

Лекция 2 (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 109. Л. 33 об.–39 об.) была посвящена выяснению научного значения археологических памятников с древности и до XIX в. и начиналась с обзора путей развития археологической и антикварной деятельности. Отмечалось, что еще в начале XIX в. археология была синонимом искусствознания. Появление самостоятельной науки «археологии» вызревало в течение всего этого столетия, а в начале XX в., как отмечал Городцов, она получила «точное определение, как наука о вещественных творениях вымерших поколений» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 109. Л. 39 об.).

Лекцию 3, согласно первоначальному плану (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 109. Л. 28 об.), Городцов намеревался посвятить истории развития мысли о происхождении человека, а лекцию 4 – истории развития мысли о древности человека, опираясь на учения К. Линнея, Ж.Б. Ламарка и Ч. Дарвина, современной антропологии, геологии и палеонтологии. Но в письменном конспекте этих лекций (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 109. Л. 40–58) дан краткий ретроспективный обзор археологических открытий и трудов в странах Западной и Средней Европы. В лекции 3 характеризуется деятельность ученых Дании (К.Ю. Томсен, Я. Стеенstrup, Й.А. Ворсо и др.), Швеции

(С. Нильсон, Г. Гильдебрант, О. Монтелиус⁹, Т. Арне), Швейцарии (Ф. Келлер), Франции (П. Турналь, Ж. де Кристолю, Э.А.И.И. Ларте, Ж. Буше де Перт, Г. де Мортилье и др.), Португалии (Ф. Перейра да Кошта и др.), Испании (Э.А. дель Рио, Э. де Агилера и Гамбоа маркиз Серальбо и др.), Бельгии, Голландии («не дала выдающихся археологов, но дала знаменитого палеонтолога Э. Дюбуа»; ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 109. Л. 47), Англии (А. Эванс, Ч.Л. Вулли, Э. Миннз и др.), Норвегии (А.В. Брёггер), Финляндии (Й.Р. Аспелин, А. Гакман, Ю. Айлио, А.М. Тальгрэн)¹⁰. В лекции 4 речь идет о деятельности ученых Германии (Г. Шлиман, В. Дёрпфельд, Г.Х. Обермайер, Р.-К. Вирхов, Г. Винклер, А. Пенк, А. Гётце, Г. Косинна и др.), Австро-Венгрии и после ее разделения Австрии, Венгрии, Чехословакии (М. Гёрнес, Я.Н. Вольджрих, К.Я. Машка, А. Маковский, М. Кржиж, И. Матейка, М. Возинский, Й.Л. Пич, Л. Нидерле, К. Абсолон и др.), Италии (Л. Пигорини, Дж. Колини, Д. Фьорелли и др.)¹¹, Греции и Турции (освещена, прежде всего, деятельность иностранных обществ и исследователей).

Завершая краткий обзор археологических работ в Западной и Средней Европе, Городцов отметил, что «в течение каменного периода центры наивысшего развития как будто находились на крайнем западе, именно в Испании и Франции, в особенности в последней, но в палеометаллическую эпоху металлического периода эти центры решительно передвинулись к юго-востоку, к Криту, испытывавшему благотворное влияние великих внеевропейских центров Египта и Месопотамии. То же самое наблюдается и в раннюю пору неометаллической эпохи, пока не засияли звезды культуры Древней Греции и Рима» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 109. Л. 58).

⁹ В.А. Городцов отмечает, что Оскар Монтелиус «до сих пор является никем непревзойденным авторитетом по изучению так называемых бронзовых культур, которым он дал в своем длинном ряде блестящих трудов довольно убедительные хронологические определения» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 109. Л. 41 об.); «при изучении трудов этого колосса поражаемся не только универсальным знаниям, но и умению собрать и издать громаднейшие материалы, рассеянные по всему лицу Европы. Мне известно, что Монтелиус намеревался издать палеометаллические древности России, но, к сожалению, смерть не позволила выполнить этот столь дорогой для нашей археологии труд» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 109. Л. 47).

¹⁰ Городцов замечает, что финские археологи «прекрасно изучили древности своей страны, а также и дореволюционной России. Особенно сильные следы на русской археологии оставляют работы Аспелина и Тальгрена» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 109. Л. 47 об.).

¹¹ Далее отмечено: «Пропуск о Болгарии и Сербии» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 109. Л. 53). Вероятно, Городцов планировал вставить очерки об исследованиях в этих странах позднее.

В лекции 5 Городцов планировал дать определение объектов археологии, а также осветить историю развития археологической классификации (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 109. Л. 29), но в конспекте эта лекция озаглавлена как «История [археологических] открытий в пределах Восточной Европы» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 109. Л. 58 об. –72). История становления и развития российской археологии, начиная от первых поступлений древностей в Кунсткамеру Петра Великого и экспедиций Петербургской Академии наук до создания и деятельности РАИМК–ГАИМК, изложена весьма неровно: более подробно о дореволюционных исследованиях и крайне скупой и выборочной о работах 1920-х гг. Особое внимание слушателей обращено на научные труды и организаторскую деятельность «отца русской доисторической археологии» А.С. Уварова и «талантливой его супруги» П.С. Уваровой, благодаря которым успешно действовали Московское археологическое общество, Всероссийские археологические съезды, а Российский Исторический музей «стал центром археологических сокровищ всей России и светочем мировой археологии» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 109. Л. 62). При этом в основном в отрицательных красках освещена деятельность Русского археологического общества и Императорской археологической комиссии в Петербурге и ее преемницы РАИМК–ГАИМК. Камень преткновения для Городцова в том, что РАО по преимуществу «занималось классическими раритетами и нумизматикой», а ИАК и РАИМК–ГАИМК «добились монополии на выдачу Открытых листов <...>. Это было вопиющее зло, не изжитое и до сих пор» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 109. Л. 64). ГАИМК, кроме того, отвергла разработанный по его инициативе в Наркомпросе РСФСР генеральный план сплошных археологических исследований в СССР «по наиболее крупным рекам, служившим исконно главными артериями человеческой истории» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 109. Л. 67 об.). В конспекте лекции дан также краткий очерк археологических поисков и раскопок по регионам страны. Среди исследователей Русского Севера обращено внимание на труды А.А. Иностранцева, А.С. Полякова, А.А. Ивановского, К.П. Ревы и др.; северо-востока Европейской России – П.В. Алабина, А.Ф. и Н.П. Лихачевых, А.Ф. и Ф.А. Теплоуховых, П.А. Пономарёва, П.И. Кротова, Н.Ф. Высоцкого, А.А. Штукенберга, А.А. Спицына; центра Русской равнины – А.С. и Ф.А. Уваровых, Д.Я. Самоквасова, В.Н. Поливанова, А.В. Селиванова, Н.И. Булычева, В.А. Городцова и др. Юг России, как отмечал Василий Алексеевич, исследовался особенно интен-

сивно, и в этом велика была роль Всероссийских археологических съездов в Киеве, Харькове, Чернигове, Екатеринославе, Одессе, а также университетов. Василий Алексеевич привлек внимание к трудам В.В. Хвойки, В.Б. Антоновича, Д.И. Эварницкого, Д.И. Багаля, А.М. Покровского, И.Е. Забелина, Д.Я. Самоквасова и к своим собственным. Нижнее Поволжье вплоть до революции, как считал Городцов, оставалось вне планомерных археологических работ. Лучше других, по его мнению, были обследованы территории Крыма и Кавказа, поскольку они были насыщены античными древностями. Среди исследователей Крыма названы А.С. Уваров, И.Е. Забелин, А.Б. Ашик, Поль Дюбрюкс, И.А. Стемпковский, В.В. Стасов, Б.В. Фармаковский и др.; Кавказа – Е.Д. Фелицын, В.Б. Антонович, В.Г. Тизенгаузен, Н.И. Веселовский и др. Скупое осветил Городцов результаты археологических исследований на западных окраинах Восточной Европы – в Польше, Остзейском крае и Финляндии, полагая, что они «до сих пор не дали особенно интересных археологических находок» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 109. Л. 71 об.). Подводя итог истории археологических открытий в пределах Восточной Европы, Василий Алексеевич, вполне в духе концептуальных представлений, обнародованных двумя десятилетиями ранее в «Бытовой археологии», отстаивал тезис о более развитых и богатых культурах, «чем более подвигаются они с севера на юг» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 109. Л. 71 об.). Причина – в физико-географических условиях. Лесные чащи севера «мало способствовали культурному развитию проникавших в их дебри народов». Более благоприятными были степные и лесостепные пространства, позволявшие «заниматься крупным (промышленным) скотоводством и земледелием». Но наиболее благоприятные условия «для существования высоких цивилизаций имелись только по берегам Черного и Азовского морей» и на Кавказе, благодаря его близости «к великим культурным очагам Месопотамии и М[алой] Азии» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 109. Л. 72). Именно в этих районах сосредоточены, как отмечал Городцов, самые богатые археологические находки.

С лекции 6, озаглавленной «Сибирь и др[угие] страны Азии», рукопись лишается четкой структуры лекционного курса. Большая часть текста (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 109. Л. 72–162 об.) посвящена истории археологических открытий и исследований в Сибири и других регионах Азии без какого-либо разделения на лекции, главы или параграфы. О логике изложения в этой части рукописи чуть позднее. Сейчас же вернемся к первоначальному плану лекций.

Лекция 6 задумывалась как рассказ о методах археологии: истории их развития, приемов раскопок – сравнительном, типологическом и др. Городцов намеревался также выяснить вопрос о том, что «нужно понимать под методом и при каких условиях метод может быть признан за научный» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 109. Л. 29 об.). В следующей, 7-й, лекции Василий Алексеевич планировал познакомить слушателей с возникновением и развитием идеи о доиндустриальном и индустриальном состоянии человечества. Вторую часть лекции он отводил обоснованию деления индустриальной эры на периоды, эпохи и поры. Эта лекция, как и пять последующих – об истории развития знания о памятниках эолитической (8-я), археолитической (9-я), мезолитической (10-я), палеолитической (11-я) и неолитической (12-я) эпох (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 109. Л. 29 об.–30) – являлись переложением большей части курса «Каменный период» (Городцов, 1923. С. 85–396), который читался ученым в 1920-е гг. в 1-ом МГУ и других высших учебных заведениях. В следующей, 13-й, лекции Городцов планировал перейти к эпохе металла, уделив основное внимание палеометаллическому времени и обзору наиболее выдающихся трудов по его изучению (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 109. Л. 30). Лекции 14–16 отводились неометаллической эпохе и, соответственно, открытиям ее ранней, средней и поздней поры (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 109. Л. 30 об.). Итоги курса Василий Алексеевич планировал подвести в 17-й лекции, а для лучшего закрепления лекционного материала намечал его обсуждение на конференции со студентами (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 109. Л. 30 об.).

Вернемся, однако, к рукописному варианту лекции 6. Рассказ об археологических исследованиях в Сибири и в Азии в целом строится по региональному принципу: Сибирь, Туркестан, Индия, Афганистан, Персия, Месопотамия. Городцов отмечал, что «материк Азии в археологическом отношении изучен менее, чем материк Европы. Исключение представляют области Передней Азии, именно: Месопотамия и побережье Средиземного моря. Из остальных обширнейших областей являются только несколько обследованными бассейн р. Инда, Вост[очный] Китай, Япония и Сибирь» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 109. Л. 72 об.).

В Сибири, как констатировал Василий Алексеевич, археологическими исследованиями затронуты лишь местности в окрестностях крупных городов – Владивостока, Читы, Иркутска, Красноярска, Минусинска, Томска, Омска, Тобольска и Свердловска,

в которых «имеются археологические отделы музеев, составленные из коллекций предметов, собранных местными археологами» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 109. Л. 72 об.). Начало археологических работ на севере Азии Городцов ведет со второй половины XIX в., отмечая исследования на Амуре Н.Л. Гондатти, в Чите – И.П. Кузнецова, в Иркутске – М.П. Овчинникова, в Минусинске – Н.М. Мартьянова и А.В. Адрианова, в Красноярске – И.Т. Савенкова, в Тобольске и Томске – И.Я. Словцова, в Свердловске (Екатеринбурге) – О.Е. Клера, К.И. Фаддеева, М.В. Малахова, В.Я. Толмачева и др. Наиболее значительные археологические открытия в Сибири были сделаны, по мнению Василия Алексеевича, при изучении палеолитической и палеометаллической эпох: «они получили мировую известность» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 109. Л. 73). В первое послереволюционное десятилетие первобытная археология в Сибири получила заметный импульс. Городцов связывал его с трудами Б.Э. Петри, В.И. Подгорбунского, П.П. Хороших, М.М. Герасимова в Иркутске, Н.К. Ауэрбаха, В.В. Громова, Г.П. Сосновского в Красноярске, П.А. Дмитриева в Тюмени, С.А. Теплоухова и С.В. Киселёва в Минусинске.

Весьма скупо освещены в курсе результаты археологических исследований в Туркестане, Китае, Японии, Индокитае, Индии и Афганистане. Лучшей работой об археологических памятниках Туркестана названо описание развалин Мерва В.А. Жуковского. Среди исследовательских работ Городцов обратил внимание на отчет о раскопках американской экспедицией Р. Пампелли холма Анау (под Ашхабадом) с ближневосточным «следом» в его материалах. Причины «печального состояния» археологических исследований в Туркестане Василий Алексеевич видел в культурной отсталости коренного населения, малочисленности и слабости русской интеллигенции в регионе, а также в политике ИАК, которая не допускала к работам в крае других археологов (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 109. Л. 73 об.).

Среди наиболее ярких открытий в археологии Китая отмечена древняя культура (Яншао – *авт.*), «напоминающая русскую трипольскую культуру», и следы палеолита и останки синантропа в Восточной и Центральной Азии (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 109. Л. 74). Обзор археологических работ в Индии привел Городцова к выводу о том, что гораздо лучше исследованы здесь «поздние памятники палеометаллической эпохи» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 109. Л. 76 об.). Особое внимание уделено им двум древнейшим городам в до-

лине р. Инда – Хараппе и Мохенджо-Даро; раскопкам здесь сэра Дж.Х. Маршалла; сходству культуры этих городов с сумерийской (шумерской – *авт.*). Василий Алексеевич обратил внимание и на раннее появление в Индии железа – «до времени появления арийцев» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 109. Л. 78 об.), и на архаичные формы железных орудий, которые «воспроизводят формы медных орудий ранней поры палеометаллической эпохи» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 109. Л. 78), и расцвет культуры Индии в I тыс. до н.э. (по материалам раскопок Маршалла города Таксила).

Обзор археологических исследований в Персии, или Иране, дан с конца XVIII в. до 1920-х гг. Отмечено, что сами иранцы мало интересуются древностями, которые скупают в основном иностранцы. Особенно их интересуют западные провинции страны, примыкающие к Месопотамии и Кавказу. Городцов подробно рассказал об исследованиях Персеполя и Суз, опираясь, прежде всего, на труды Э. Герцфельда. В обзор включены результаты новейших – 1930 г. – открытий в Луристане, «обещающие поднять завесу над многими трудными вопросами международной археологии» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 109. Л. 89 об.). Речь идет о знаменитых луристанских бронзах и связанных с ними памятниках. При характеристике звериного стиля этих бронз Василий Алексеевич опирался на труды М.И. Ростовцева и А. Попа. При этом Городцов не мог не отметить, что в Персии нет государственной политики в отношении древностей, хотя в ее земле сокрыты «огромные археологические ценности» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 109. Л. 93).

Дальнейшая и основная часть лекции 6 посвящена Месопотамии (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 109. Л. 93–160). Такое внимание не случайно: идея *Ex oriente lux* пронизывала концептуальные представления русского ученого, с наибольшей яркостью изложенные в «Бытовой археологии». Городцов считал, что Месопотамия являлась главным очагом развития общечеловеческой культуры, источником знаний, новшеств и технологий, распространившихся различными путями в Старом Свете (Городцов, 1910. С. 64–66). Рассказ о Месопотамии открывается словами: «Своим блестящим и как бы внезапным появлением на исторической сцене наших дней народы Месопотамии всецело обязаны археологии и восстановление их истории представляет настоящий триумф археологии» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 109. Л. 93). Более подробно, чем в других лекциях, характеризует Городцов,

историю археологических исследований в регионе, начиная от путешествия датского ученого Кирстена Нибура в 1765 г. и завершая обзором последних раскопок в Уре англо-американской экспедиции под руководством Леонарда Вулли. История археологических открытий перемежается с рассказом о городах, государствах, храмах, библиотеках и архивах с клинописными табличками, материальной культуре и уникальных предметах, погребальных памятниках, архитектуре, династиях, правителях и героях, легендах о потопах и многих других сторонах истории и археологии Месопотамии.

На этом рукопись прерывается, но к конспекту приложена черновая записка с планом дальнейшей разработки курса. В.А. Городцов намечал подготовку, по меньшей мере, еще 9 лекций: 1) древности Малой Азии, в особенности хеттов, Митанни, армян; 2) древности Финикии, Сирии, Палестины, Аравии; Захаров¹²; 3) «Египет... Много... Масперо¹³, Тураев¹⁴ и др.»; 4) Нубия, Южная Африка, Северная Африка, Ливия; 5) Америка Северная, Средняя и Южная; 6) Австралия; 7) заключение; 8) «Классификация археологических древностей; законы и методы исследования (исчерпывающий обзор)»; 9) «Изложение археологических фактов по эрам, периодам, эпохам, горизонтам и абсолютным датам (тысячелетия и века). Много» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 109. Л. 163).

Завершая рукопись курса, Василий Алексеевич отметил: «В основу написанных страниц взяты труды Бузескула¹⁵, Тураева¹⁶, Михаэлиса («Художественно-археологические открытия»)¹⁷ ... Чтобы создать намеченный труд вполне научно, необходимо каждый отдел мобилизовать лучшею литературой, чего не сделано для чрезмерно спешного выполненного очерка. 25.XII.1930. В.А.Г[ородцов]» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 109. Л. 163).

¹² Вероятно, имеется в виду книга А.А. Захарова об истории Эгейского мира (Захаров, 1924) и цикл его статей об археологии Средиземноморья, Малой Азии и Сиро-Палестины.

¹³ Речь идет о работах французского египтолога-археолога Гастона Камилля Шарля Масперо (1846–1916); см. о нем и его трудах: Томашевич, 2012.

¹⁴ Вероятно, имеются в виду книга Б.А. Тураева (Тураев, 1922).

¹⁵ Речь идет о книгах В.П. Бузескула (Бузескул, 1923; 1924).

¹⁶ В.А. Городцов мог обратиться к основным трудам Б.А. Тураева о Древнем Востоке (Тураев, 1924; 1927).

¹⁷ Речь идет о трудах Адольфа Теодора Фридриха Михаэлиса (1835–1910), немецкого археолога, автора книги «Художественно-археологические открытия за столетие». Пер. с нем. / Ред. В.К. Мальмберг. М., 1913. См. о нем: Жебелёв, 1910.

Что же нового привнес в свой курс «История археологии» В.А. Городцов по сравнению с учебными курсами известных русских ученых (Веселовский, 1901; 1905; Жебелёв, 1923а; Бузескул, 1923; 1924; Бартольд, 1925; Тураев, 1927; Захаров, 1924; и др.), а также лекциями В.К. Мальмберга «История археологических открытий» для слушателей МАИ и М.Г. Худякова «История археологических исследований в Камско-Волжском крае» для студентов Северо-Восточного археологического и этнографического института в Казани (Кузьминых, 2004. С. 36)?

Новым можно признать лишь сам общий замысел прочтения курса, охватывавшего историю мировой археологии. До Городцова в русской археологии никто не брался за такую непосильную задачу: указания на подобные курсы и связанные с ними программы, лекции и учебные пособия отсутствуют в библиографических указателях археологической литературы, вышедшей до 1930 г. (Заднепровская, 2003. С. 86–92; Винберг, Заднепровская, Левина, Любимова, 1965. С. 9–10, 64–71). Пособия С.А. Жебелёва, В.П. Бузескула, В.В. Бартольда, Б.А. Тураева, А.А. Захарова, равно как и прочитанные, например, в 1922/1923 г. в Петроградском университете лекционные курсы А.А. Спицына, А.А. Миллера, Б.В. Фармаковского, И.И. Мещанинова, В.К. Шилейко, И.Г. Франк-Каменецкого, Б.Л. Богаевского и др. (Тихонов, 2003. С. 273–274) ориентированы, прежде всего, на историю открытий, изучения и проблем той научной дисциплины или того раздела археологии, в которых авторы являлись или считали себя специалистами. Научная и учебная ценность пособий и курсов всех этих авторов, безусловно, выше, чем рассматриваемый опыт В.А. Городцова. Особенно это бросается в глаза при сравнении его «Истории археологии» с «Историей археологического знания» С.А. Жебелёва (Жебелёв, 1923а), которая ближе всего по заявленным целям, задачам и предмету повествования с курсом Василия Алексеевича. Сергей Александрович, как и Городцов, остановился на зарождении и первых шагах археологии, роли Иоганна Винкельмана (как и его современников и последователей) в переводе антикварных исследований на научные рельсы, характеристике археологии в XIX и XX вв. на Западе и развитии археологии в России. Обе части его «Введения в археологию» (Жебелёв, 1923а; 1923б) базировались на тех данных, что были накоплены и продуманы автором до 1914 года. Безусловно, в основе этих данных лежали достижения русской классической археологии, одним из

лидеров которой был Жебелёв. Но при этом его труд в полной мере отражал успехи, достижения и проблемы современной европейской и отечественной археологической науки.

Курс Городцова, подготовленный на рубеже 1920–1930-х гг., казалось бы, должен был опираться на знания, ставшие общедоступными в 1920-е гг., но успехи археологии этих лет, в том числе его собственные, включены в лекции крайне выборочно. В них, к примеру, нет ни слова о достижениях в близкой для него проблематике бронзового века лесной и степной полосы европейской и азиатской частей СССР, обзор которой был сделан им тремя годами ранее (Городцов, 1927. Стлб. 610–626). А ведь в эти годы – в продолжение его же, городцовских, трудов – в разработке данной проблематики был совершен настоящий прорыв! Достаточно вспомнить исследования Б.С. Жукова и О.Н. Бадера (выделение в Волго-Окском междуречье культур поздняяковской и «текстильной» керамики), В.Ф. Смолина (абашевская культура в Среднем Поволжье), П.С. Рыкова (Покровский могильник и периодизация степных древностей эпохи бронзы Поволжья), А.В. Шмидта (раскопки Турбинского могильника и установление его связи с Сеймой), М.П. Грязнова (андроновская культура в степях Казахстана и ее пограничье со срубной культурой по р. Урал), С.А. Теплоухова (периодизация древностей бронзового века Южной Сибири) и др., не говоря уже о фундаментальных работах А.М. Тальгрена о восточноевропейском бронзовом веке.

В условиях дефицита времени Городцов пошел по пути переложения страниц из трудов Бузескула, Тураева, Михаэлиса и других ученых, сделал упор на изложение открытий, но совершенно проигнорировал введение слушателей в проблематику той или иной эпохи или региона. Внимание к «отеческим гробам» осталось в его курсе, в отличие от учебного пособия Жебелёва, далеко на заднем плане. Зато Месопотамии – «свету с востока» – посвящена львиная доля рукописи¹⁸. И в этой связи городцовская рукопись и сам план лекций в методическом и познавательном отношении существенно проигрывают учебным пособиям, на

¹⁸ Вероятно, не случайно Месопотамии в курсе уделено столько внимания. У Городцова уже имелись наработки по истории изучения региона, опубликованные в «Бытовой археологии» (Городцов, 1910. С. 19–65, 162–167) и собранные при подготовке тома «Археология. Т. 2. Палеометаллическая эпоха» (см. об истории его создания: Сафонов, 2002. С. 62–70).

которые он опирался при составлении курса. Его слушателей, вероятно, гораздо в большей степени увлек бы курс истории не мировой археологии (тем более не доведенный до логического завершения), а отечественной и, может быть, с упором на историю первобытной археологии (каменного века, эпохи раннего металла) в продолжение тех базовых курсов, которые Василий Алексеевич читал в университете в предшествующие годы. Такой курс был бы тем более интересен в сравнении с учебным пособием Жебелёва, в котором синтезированы достижения русской классической археологии. Городцов, судя по записям в личном дневнике, относился с явным пренебрежением к его «Введению в археологию» (Городцов, 2015б. С. 23–24). Оценки расставляет время – труд выдающегося историка-антиковеда по-прежнему «по мере сил и умения» помогает молодому поколению археологов «в настоящей и будущей работе» (Жебелёв, 1923а. С. 6), труд этот является «одним из непреходящих ... достижений» российской археологии (Лебедев, 1992. С. 257).

Мы не имеем в руках откликов слушателей курса «История археологии». Вполне вероятно, что сами лекции Городцова могли увлечь и заинтересовать студентов. Но, судя по неудовлетворенности профессора, вряд ли для его студентов этот курс стал подлинным введением в историю археологии. Именно поэтому в подзаголовок настоящей статьи вынесено название «Несвоевременный опыт». Вернувшись в середине 1930-х гг. к преподавательской деятельности, Василий Алексеевич не сделал попыток к возобновлению курса или подготовке рукописи к изданию. В сохранившихся вариантах учебных пособий «Археология. Т. 1. Каменный период» (попытка нового издания предвоенных и военных лет) и «Археология. Т. 2. Палеометаллическая эпоха» (рукопись) в историографических экскурсах ученый, конечно, откликался на открытия и полемику 1930-х гг., но все же в них отражаются, прежде всего, его взгляды, сложившиеся в предшествующие десятилетия.

Опыт лекционного курса «История археологии» профессора 1-го МГУ В.А. Городцова весьма поучителен. С одной стороны, он свидетельствует о крайней сложности исследований по истории и историографии археологии, а с другой – о безуспешности авральных попыток подготовки курса, требовавшего глубокого «погружения» в необъятную проблематику мировой археологии.

Литература

- Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. Изд. 2. Л., 1925.
- Белозёрова И.В., Кузьминых С.В., Сафонов И.Е. Судьба ученого: жизнь Василия Алексеевича Городцова в его дневниках и воспоминаниях // РА. 2011а. № 1. С. 154–165.
- Белозёрова И.В., Кузьминых С.В., Сафонов И.Е. Жизненный путь Василия Алексеевича Городцова (к 150-летию со дня рождения) // Российский археологический ежегодник. 2011б. № 1. С. 472–510.
- Б. Н. К. Рец.: В.А. Городцов. Руководство для археологических раскопок и обработки добытого раскопками материала: По лекциям, читанным В.А. Городцовым в МАИ / Сост. С.И. Шлях. М., 1914. 64 с., ил. // Исторический вестник. Т. 141, сент. Пг., 1915. С. 950.
- Бузескул В.П. Открытия XIX и начала XX в. в области истории древнего мира. Часть 1. Восток. Пг., 1923.
- Бузескул В.П. Открытия XIX и начала XX в. в области истории древнего мира. Часть 2. Древнегреческий мир. Пг., 1924.
- [Веселовский Н.И.] Первобытные древности: (История Южной России). Пособие к лекциям, читанным в С.-Петербургском археологическом институте профессором Веселовским Н.И. СПб., 1901.
- [Веселовский Н.И.] Первобытный человек. Доисторическая археология. Лекции проф. Н.И. Веселовского / Сост. Н. Соломко. СПб., 1905.
- Винберг Н.А., Заднепровская Т.Н., Левина Р.Ш., Любимова А.А. (сост.). Советская археологическая литература. Библиография. 1918–1940. М.; Л., 1965.
- Генинг В.Ф. Очерки по истории советской археологии: (У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е – первая половина 30-х годов). Киев, 1982.
- Городцов В.А. Первобытная археология. Курс лекций, читанных в Московском археологическом институте. М., 1908.
- Городцов В.А. Бытовая археология. Курс лекций, читанных в Московском археологическом институте. М., 1910.
- Городцов В.А. Руководство для археологических раскопок и обработки добытого раскопками материала: По лекциям, читанным В.А. Городцовым в МАИ / Сост. С.И. Шлях. М., 1914.
- Городцов В.А. Археология. Т. 1. Каменный период. М.; Пг., 1923.
- Городцов В.А. О приеме на археологическое отделение ФОН 1 МГУ // Древний мир. 1924. Вып. 1.
- Городцов В.А. Бронзовый век на территории СССР // БСЭ. 1927. Т. 7.
- Городцов В.А. Дневники (1928–1944). В 2-х кн. Кн. 1: 1928–1935 / Сост., авт. примеч., коммент., указат. и статей И.В. Белозёрова, С.В. Кузьминых. М., 2015а.
- Городцов В.А. Дневники (1928–1944). В 2-х кн. Кн. 2: 1936–1944 / Сост., авт. примеч., коммент., указат. и статей И.В. Белозёрова, С.В. Кузьминых. М., 2015б.
- Жебелёв С.А. Памяти Адольфа Михаэлиса [1835–1910] // Гермес. 1910. Т. 7. № 20. С. 521–525.
- Жебелёв С.А. Введение в археологию. Часть 1. История археологического знания. Пг., 1923а.
- Жебелёв С.А. Введение в археологию. Часть 2. Теория и практика археологического знания. Пг., 1923б.

- Заднепровская Т.Н.* (сост.). Русская археологическая литература. Библиографический указатель. 1900–1917. СПб., 2003.
- Зализняк М.* Рец.: В.А. Городцов. Первобытная археология. Курс лекций, читанных в Московском археологическом институте. М., 1908. // Записки Научного товарищества им. Шевченка. Львов, 1911. Т. 104. С. 200–201.
- Захаров А.А.* Эгейский мир в свете новейших исследований. Пг., 1924.
- Канторович А.Р.* Заметки о преподавательской деятельности В.А. Городцова в Московском университете // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева. Вел. Новгород; СПб.; М., 2009. С. 309–313.
- Клейн Л.С.* Феномен советской археологии. СПб., 1993.
- Кузьминых С.В.* Казанские годы в жизненном и творческом пути М.Г. Худякова // Краеведческие чтения, посвященные 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ и 110-летию М.Г. Худякова. Казань, 2004. С. 25–46.
- Кузьминых С.В., Белозёрова И.В.* Между Москвой и Ленинградом: В.А. Городцов и ИАЭ/ИААЭ // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. СПб.; М.; Вел. Новгород, 2011. С. 333–334.
- Кузьминых С.В., Белозёрова И.В.* Ученый и революция: В.А. Городцов в 1920-е годы // Вестник РГНФ. 2012а. № 1 (66). С. 30–44.
- Кузьминых С.В., Белозёрова И.В.* Русская археология на переломе эпох: В.А. Городцов в 1920-е годы // Евразийский археолого-историографический сборник. СПб.; Красноярск, 2012б. С. 131–152.
- Кузьминых С.В., Белозёрова И.В.* Переписка В.А. Городцова и Д.Н. Льва (1933–1941 гг.) // Stratum plus. 2014. № 1. С. 229–294.
- Кузьминых С.В., Сафонов И.Е.* Проблемы эпохи раннего металла в научном наследии А.А. Спицына // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 2009. С. 145–162.
- Мечников Л.И.* Цивилизация и великие исторические реки. Географическая теория развития современных обществ. СПб., 1899.
- Лебедев Г.С.* История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб., 1992.
- Обзор деятельности секции археологии Н[аучно]-и[сследовательского] института археологии и искусствознания за 1925/26 г. и за первую половину 1926/27 г. // ТСА РАНИОН. 1928. Т. II. С. 138–144.
- Платонова Н.И.* История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб., 2010.
- Сафонов И.Е.* Подготовка В.А. Городцовым второго тома серии «Археология» // Археология в российских университетах. Воронеж, 2002. С. 62–70.
- Смирнов А.С.* Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX – начала XX века). М., 2011.
- Стрижова Н.Б.* Педагогическая деятельность В.А. Городцова // ТГИМ. 1988. Вып. 68. С. 27–32.
- Стрижова Н.Б.* Московский археологический институт по материалам Отдела письменных источников Государственного исторического музея // Очерки истории русской и советской археологии. М., 1991. С. 102–120.
- Тихонов И.Л.* Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. СПб., 2003.
- Тихонов И.Л.* История российской археологии: формирование организационной структуры и деятельность научных центров в Санкт-Петербурге (XVIII – первая четверть XX вв.): Автореф. дисс... докт. ист. наук. СПб., 2013.

- Томашевич О.В.* Масперо Гастон Камиль Шарль // БРЭ. 2012. Т. 19. С. 293–294.
- Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002.
- Тураев Б.А.* Древний Египет. Пг., 1922.
- Тураев Б.А.* Классический Восток. Т. 1. Вавилон. Л., 1924.
- Тураев Б.А.* Русская наука о Древнем Востоке до 1917 г. Л., 1927.
- Формозов А.А.* Очерки по истории русской археологии. М., 1961.
- Формозов А.А.* Страницы истории русской археологии. М., 1986.
- Формозов А.А.* Русские археологи до и после революции. М., 1995.
- Формозов А.А.* Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М., 2006.

*Рис. 1. В.А. Гордцов в рабочем кабинете дома, в Полуэктовом переулке.
1930-е годы (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 471. Л. 1)*

В.А. Горюнов: страница 1.
 "Монумент" 31
 Курса "История Археологии"
 1930/31 учебного года,
 составленной на факультете IV курса
 Археологического цикла Историко-фило-
 софского ^{отделения} Московского Государ-
 ственного Университета.

Лекция I.^я

В одной из известнейших глав
 знаменитого греческого философа Платона
 - "Гипотезы Бихеми" Сократ спрашивает
 Сократа Тимона, "о чем лакедонцы
 Спартанцы *αὐτοὶ* (αὐτοὶ) с афинскими гражданами
 и почитают атеист: "о радости, о слав-
 е и славе, о переселении, т.е. о том,
 как о старину афиняне парят, и
 вдобавле о всей археологии" (Παλιὰς ἱστορίας).
 Это и есть первая употреби-
 тельство термином "Археология" в древней ^и ^{восточной}
 литературе, обнаруженное в чужбине, именуя
 о старине, "о древности и славе".
~~Этим словом зовут старинные предметы, в
 которых сохранились остатки быта, искусства и науки~~

Рис. 2. Титульная страница курса лекций «История археологии». Рукопись.
(ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 109. Л. 32)

ЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ В ИСТОРИИ ПОЛЕВОГО ИЗУЧЕНИЯ АЛЕКСЕЕВСКОГО ГОРОДИЩА НА ТИХОЙ СОСНЕ

© 2015 г. Г.Е. Афанасьев

Институт археологии РАН, Москва

Ключевые слова: Хазарский каганат, Византия, донские аланы, буртасы, салтово-маяцкая культура, фортификация, городища

В салтовской археологии незаслуженно забытым оказалось Алексеевское (Дмитровское) городище, расположенное на правом берегу реки Тихая Сосна, на юго-западной окраине г. Алексеевка Белгородской области. Открывший его И.И. Турбин в 1926 г. сообщил о своей находке в ГАИМК и составил подробное описание этого памятника. В процессе подготовки официального ответа ГАИМК на письмо И.И. Турбина С.Н. Замятнин впервые сформулировал и ввел в научный оборот понятие «салтовская культура», кратко наметив научную программу по изучению памятников этой культуры. Она включала исследование Алексеевского, Верхнеольшанского, Маяцкого городищ, раскопки Подгоровского и Маяцкого катакомбных могильников, разведки с задачей поиска новых объектов этой культуры. В 1962 г. С.А. Плетнёва попыталась доказать, что этот памятник датируется не хазарским временем, а XVII–XVIII вв., но ее аргументы не выдерживают критики. Эпохе Хазарского каганата соответствует радиоуглеродная дата образца бревна из Алексеевского городища – 767–847 гг. Приведенные автором статьи параллели строительным материалам и строительным приемам, конструкциям основания и стен, параметрическим характеристикам и метрологии Алексеевского городища показывают, что все они хорошо вписываются в имеющее византийские архитектурные и строительные традиции хазаро-аланское кирпичное и каменное фортификационное зодчество на Дону.

Фортификационное кирпичное и каменное зодчество хазаро-аланского населения бассейна Дона является важным направлением в изучении археологического наследия обитавших в Восточной Европе раннесредневековых этнокультурных групп

пировок. Во второй половине XX – в начале XXI века городища салтово-маяцкой культуры, как правило, изучались в социальном аспекте. Создавалась, дискутировалась и опровергалась концепция белокаменных феодальных замков Хазарского каганата, якобы маркирующих процесс перехода населения бассейна Дона от кочевий к городам. Активизировались полевые исследования памятников фортификационной архитектуры. В одних случаях (Маяцкое городище) идеология раскопок была нацелена на документацию результатов исследований, произведенных еще в первой четверти XX в., при минимальном вскрытии ранее не потревоженных участков культурных слоев памятника (Афанасьев, 2012. С. 93–122). В других случаях (Верхнесалтовское городище) – на выяснение строительных традиций и системы организации обороны (Свистун, 2007. С. 40–58; 2009. С. 459–478). В третьих (Правобережное и Семикаракорское городища) – на получение нового материала, который впоследствии, хоть и был опубликован, но в историко-архитектурном аспекте остался неизученным авторами раскопок (Плетнёва, 1994. С. 271–396; Флёров, 1994. С. 441–516; 2001. С. 56–70). Да и сама задача исследования истоков хазаро-аланской фортификационной архитектуры, использованных при ее возведении строительных материалов и приемов, динамики развития плана и внутреннего пространства, как основы для последующих этнокультурных и этносоциальных построений, по существу, ими не ставилась. Методическая ущербность таких изысканий (проводимых, к сожалению, без должных реставрационных работ) состояла не только в отсутствии сформулированных научных целей и методик, которые должны были бы применяться для достижения поставленных целей. Разборка субструкций, суперструкций архитектурного объекта, его культурного слоя, а также процесс камерального исследования материала не носили междисциплинарный характер. В результате оказались безвозвратно потерянными самые разнообразные источники смежных наук, которые могли бы в значительной степени дополнить археологические наблюдения. Полевая фиксация находок проводилась по значительно более упрощенной системе, по сравнению даже с той, которая была предложена для исследования городищ еще в 1914 г. (Городцов, 1914. С. 25). Использовать в настоящее время полученные таким образом артефакты для моделирования трендов находок или статистически исследовать степень сопряженности массового материала с конкретными объектами в рамках

процессуальной археологии трудно, а иногда и вообще не представляется возможным. Все это привело к тому, что полученные материалы и наблюдения оказались не полноценно информативными (даже для своего времени – второй половины XX в.). В обобщающих работах, посвященных археологии Хазарского каганата, они не нашли места в качестве самостоятельной базы источников для анализа и последующих исторических реконструкций, а служили всего лишь дескриптивным или иллюстративным фоном (Плетнёва, 1981. С. 62–75; 2000. С. 65–131; Флёров, 2011. С. 9–225) к оторванным от практического исследования археологического и историко-архитектурного первоисточника декларациям или далеким от «археологической реальности» построениям (Колода, 2012. С. 352–358). Между тем уже накопленные нашей наукой за последние сто лет, но не введенные в научный оборот материалы позволяли, не прибегая к новым широкомасштабным раскопкам хазаро-аланских кирпичных и каменных городищ (к новому физическому уничтожению археологами памятников фортификационного зодчества), исследовать их историко-архитектурный облик и возможные пути его генезиса.

Алексеевское (Дмитровское) городище (далее Алексеевское – Г.А.) расположено на правом берегу реки Тихая Сосна, в месте, где она делает излучину в районе бывшего поселка Дмитровка (рис. 1, а), на юго-западной окраине современного г. Алексеевка Белгородской области. Координаты объекта – 50.626794° с.ш., 38.633885° в.д. Впервые этот памятник упоминается в сведениях 1873 г. о городищах и курганах, собранных Центральным статистическим комитетом по инициативе Д.Я. Самоквасова: «В ½ в. от слоб. Алексеевки Иловской вол., при хут. Новой Мельнице, на берегу р. Тихой Сосны, сохранилось городище четырехугольной формы, имеющее в длину 70 саж., в ширину 35 саж., окруженное с с. [язык оригинала, имеется ввиду север – Г.А.] рекою, с остальных сторон рвами, по середине проходит небольшой вал. Около 70 лет тому назад, при устройстве кирпичного завода, найден был погреб с перегнившим просом, и в нем же оказалась каменная посуда и железный шлак» (Сведения ..., 1896. С. 300). С.Н. Замятнин считал, что это городище имел ввиду В.Н. Майнов при описании следов засечно-сторожевой линии (Майнов, 1875. С. 72), но позже оказалось, что это ошибочное заключение. Кирпичная постройка, о которой рассказал В.Н. Майнов, располагалась в 2 км к северу от Алексеевского городища, у пещеры с христианскими символами

на левом берегу Тихой Сосны, а не на правом. В 1905 году Р. Ноздрин упоминал это укрепление в связи с локализацией известного в русских документах XVII в. Олександрова городища (Багалея, 1890. С. 5–9; Ноздрин, 1905. С. 33–48). Однако после открытия Колтуновского городища стало ясно, что последнее в бóльшей степени, чем Алексеевское, соответствует упомянутым в источниках ориентирам, позволяющим идентифицировать Олександрово городище (Афанасьев, 2013. С. 24–44, 144–147).

Мне не известно, кем был житель Алексеевской слободы Воронежской губернии Иосиф Иванович Турбин, которому принадлежит первенство в представленном в ГАИМК натурном описании Алексеевского городища (Турбин, 1926. С. 4–7). Вероятно, он был хорошо известен всем жителям Алексеевки. На это обстоятельство указывает тот факт, что в качестве почтового адреса он привел лишь свое имя, отчество, фамилию и название населенного пункта – Алексеевка Воронежской губернии, число жителей которого в 1926 г. превышало 15 тыс. человек. Судя по каллиграфическому почерку его письма в Академию наук (рис. 1, б), четкости изложения мысли, умению интерпретировать костные остатки животных, делать выводы о диспозиции памятника в контексте организации его обороны с использованием особенностей окружающего ландшафта, моделировать основные конструктивные элементы фортификационного сооружения, а так же, судя по его пониманию значимости археологии для изучения истории родного края, можно полагать, что И.И. Турбин был хорошо образованным человеком. Прежде всего, он проинформировал о своей находке местных представителей органов охраны памятников искусства и старины и постарался установить с ними контакты. Однако научная компетентность сотрудника Острогожского краеведческого музея Гавриила Владимировича Ерёменко, к которому он обратился за консультацией в связи с открытием Алексеевского городища, вызвала у И.И. Турбина сомнение. И это можно понять. Родившись в семье крестьянина, Г.В. Ерёменко смог получить лишь начальное образование, что не помешало ему в послереволюционные годы быть уездным инспектором по охране памятников искусства и старины. Дальнейшая судьба Г.В. Ерёменко сложилась трагически. В 1930–1931 гг. он вместе с заведующим Острогожского краеведческого музея Г.Н. Яковлевым проходил по так называемому «Делу краеведов» (дело против интеллигенции Воронежской губернии, по которому осуждены 91 человек) и был приговорен к расстрелу.

Вероятно, итоги этого процесса в дальнейшем сильно охладили энтузиазм И.И. Турбина в области охраны памятников истории и культуры, но ранее, в 1926 г., воодушевленный своим открытием, он постарался дать по возможности полную информацию об обследованном им городище¹:

«В Академию Наук

1926 г. Сентября 19 дня Ленинград

Отдел Археологии

Летом 1921 г. бродя по холмистым окрестностям слоб. Дмитровки в Воронежской губ. Острогожского уезда я набрел на вал, по-видимому искусственный. Взобравшись на гребень его я увидел, что вал представляет собой порядочный четырехугольник городища, размеры которого меня сильно заинтересовали. Выбрав свободный день и захватив лопату и рулетку я отправился на заинтересовавшее меня городище. Расположено оно на небольшом холме обрывистого берега “Тихой Сосны” до 15 саж. над уровнем воды. Размеры вала оказались следующие: длина восточной стены вала – 40 саж., западной – 36,5 саж., северной, вдоль реки – 73,5 саж. и южной – 68,5 саж. С западной стороны, параллельно валу идет естественный ров, начинаясь от реки, вероятно пересохший приток, глубиной 12–13 саж. до гребня вала. С северной стороны – река и с востока и юга, со стороны поля, вал окружает искусственный ров глубиной до 3 саж. от гребня. Расчистив землю вала я нашел на глубине ½ аршина кирпичную стену со всех четырех сторон городища толщиной в 4 фута. Внутри городища, отступя от восточной стороны 31 саж. идет параллельно ее еще вал в котором скрыта такая же стена, делящая городище пополам. Восточная половина городища представляет ровную котловину, глубиной до 2 саж. от гребня вала. Посредине котловины имеется возвышение, верхняя часть которого окрашена в красноватый цвет кирпича, смешанного с землею, указывающее на присутствие под землей кирпичной постройки (храм или вышка). Западная половина городища очень неровная, так например, сразу же от поперечной стены идет углубление до 5 саж., затем новый перевал и снова углубление до 2 саж. от гребня вала. Все эти неровности указывают на существующие здесь постройки. Когда снова мне представилась возможность

¹ Здесь и далее при публикации документов сохранен стиль, язык и пунктуация оригинала.

откопать часть южной стены внутри городища, то я осмотрел и саму кладку стены. Стена сложена из кирпичей плохого обжига, сложенных ровными слоями и различного размера от 3×6 вер. до 8×8 верш. Обжиг происходил послойный, т.е. после 2, 3 слоев кирпича идет, частично уцелевшая, прослойка древесного угля – остатки от дубовых дров, употреблявшихся для обжига уже сложенных в стену сырых кирпичей. Обжиг неравномерный – есть хороший и есть очень плохой – слабый. Вся стена высотой в 10 футов, ширина 4 фута. С внутренней стороны к стене примыкает дубовый сруб, сильно обуглившийся (следы пожара) почему и хорошо сохранившийся. Вероятно пристройка какого-либо помещения к стене и лаз на стену. С внешней стороны той же стены примыкает к ней кладка из необожженных кирпичей, причем эти кирпичи имеют размеры 6×8 верш и толще стенных втрое. Эту последнюю кладку возможно отличить от остальной массы земли только благодаря послойной кладке на глине без соломы. Цемент кладки стены – глина смешанная с соломой в которой видны следы зерен ржи. Толщина примыкающей кладки до 2-х сажень. Вероятно это пристройка или башни – вежи, или быки для моста через искусственный ров, непосредственно начинающийся от этой пристройки. Длина пристройки вдоль стены мною не исследована. Перейдя ров (искусственный) в южном направлении, я нашел на поле массу черепков от битой глиняной посуды, очень древнего происхождения, что видно по излому. Судя по черепкам, посуда должна была быть грубой, но красивой формы, хорошего обжига, с разнообразными интересными рисунками. Есть черепки, указывающие на наличие гончарного круга, но есть работа и без круга. Площадь нахождения черепков примерно – десятинна. Проходя с знакомым здесь в 1922 г., последний нашел здесь наконечник каменной стрелы неолитического века.

На восток от этого поля, т.е. в расстоянии от угла вала на ЮВ – 100 саж. имеется распахиваемый холм, ясно указывающий своим местоположением на могильник. Затем, в западном направлении, перейдя глубокий естественный ров, поднимается другой холм, вышиной такой же, как и тот, где расположено городище. Расстояние между ними 40–60 саж. На этом, втором холме разбросано очень много таких же черепков глиняной посуды, но гораздо больше, чем на прилегающем к городищу поле. Здесь мною найдена бусина из мела, с окраской, а кроме того, что заслуживает наибольшего внимания, это следующее. Сбоку второго холма со стороны рва (с востока)

имеется полукруглая выемка в диаметре 7,5 саж. и 1,5 саж. высоты, с открытым входом со стороны глубокого естественного рва. В отвесных стенах выемки находятся остатки как бы печей: полукруглые углубления, заполненные слоями золы, угля, костей, черепка и земли. Все это указывает на присутствие здесь какого-то обиталища – очага или храма. В указанных печах много обуглившихся костей, но много и не тронутых огнем, а – главное – все расколоты. Кости: собаки, лошади, дикой козы, какой-то крупной птицы. Таких печей я нашел 5. Нужно сказать, что стены с печами открыты и разрушаются. Вообще же описанное мною городище заслуживает того, чтобы произвести раскопки. Не имея разрешения на раскопки я осматривал только внешним образом, стараясь не нарушать ни одной черты. Сожженный сруб внутри городища говорит за нашествие сильного неприятеля, т.к. городище сильно укреплено и занимает очень выгодную позицию в смысле защиты. Я обращался в Острогжский музей краеведения, но там люди хотя и интересуются археологией, но не имеют ни малейшего понятия о раскопках и вообще “любители”.

В заключение, в этом году местный сельсовет начал распахивать описанное городище приобретенным трактором. Если действительно дороги памятники старины, а этот интересный, то сделайте распоряжение через подлежащие органы о скорейшем прекращении распашки и разрушению такого ценного памятника. Городище от жел. дор. станции Алексеевка слоб. Ю-Вост. ж.д. – 2 версты. Адрес мой: Алексеевка Воронежск. губ. Иосифу Ивановичу Турбину. Если с моей стороны что потребуется всегда и с удовольствием исполню.

И. Турбин».

Письмо И.И. Турбина было зарегистрировано 29 октября 1926 г. в Управлении делами конференции АН СССР (входящий № 5198) и переслано 30 октября в Государственную академию истории материальной культуры для дальнейшего рассмотрения и ответа (исходящий № 6900)². В тот же день в ГАИМК было заведено дело № 163 «Заявление П.П. Турбина о городище в Воронежской губ.» (с ошибкой в написании имени и отчества заявителя) (РО НА ИИМК. Ф. 2. 1926. Д. 163).

Подготовка развернутого ответа была поручена аспиранту ГАИМК С.Н. Замятнину. Выбор его в качестве исполнителя был

² ГАИМК под именем ИИМК (Институт истории материальной культуры) вошла в состав Академии наук СССР в 1937 г.

обусловлен тем, что, работая в Воронежском музее с 1915 по 1924 г., он хорошо знал реальную ситуацию с археологическими памятниками региона (Замятнин, 1921а. 43–47). Проект ответа гласил:

«В комиссию по раскопкам ГАИМК.

Возвращая переданные мне заявления П.П. Турбина, могу сообщить дополнительно следующие сведения, имеющиеся в моем распоряжении:

1. Городище у сл. Дмитриевки уже давно отмечено в литературе [см. – Сведения 1873 г. о городищах и курганах. – Зап. отд. русск. и слав. арх. т. I стран. 300. [нов. серия] и В.Н. Майнов “Остатки засечно-сторожевой линии в пределах Воронежской губ.” [“Древн. и Нов. Россия” 1875 г. стр. 71]] однако, исследования городища до сих пор никем не производилось. В 1921 г., производя разведки по р. Тихой Сосне намечал для обследования и это городище, но не имел возможности задержаться достаточно времени в районе Алексеевки. В 1923 г. на Дмитриевском городище произвел хищнические раскопки С.А. Поночевский³, раскопавший также и курган близ городища, упоминаемый Турбиным. Инструктор Острогожского УОНО т. Еременко, прекративший эти раскопки, доставил в Воронежский музей несколько саманных кирпичей из разрушенного Поночевским участка стены городища. В прошлом году я мог ознакомиться с коллекцией фрагм. керамики с Дмитриевского городища, хранящейся в Острогожском музее [сборы Еременко]. Керамика Дмитриевского городища – типично салтовская, и представлена двумя группами: – 1. кувшины серой глины, с черной поверхностью и лощеным орнаментом, с характерными ручками и с сжатыми носиками. 2. горшки крупных размеров, плохой глины и обжига, с толстыми стенками; орнамент – глубоко врезанные прямые линии иногда волнистый. [Сравн. Подобную же керамику с городища той же культуры на Тихой Сосне: – «Маяцкого» [раскопки Н.Е. Макаренко] и Ольшанского [моя разведка 1921 г.] Салтовское городище также дает сходную керамику [ср. В.А. Бабенко. Памятники хозарской культуры на юге России, отд. отд. стр.3]]. Способ устройства стен Дмитриевского городища совпадает с таковым упомянутых выше городищ, с тем лишь отличаем, что в Дмитриевском городище материалом для постройки стен служит саман, в Маяцком и Ольшанском – меловые плиты, в Салтовском – тесанный известняк. Совпадают также форма и разме-

³Ниже «Поначевский» – написание в оригинальных рукописях.

ры городищ [сравн. Маяцк. г. 159×117×132×111 арш. Ольшанск. г. – 133×120×144×142 арш.]. Дмитриевское городище, принадлежность которого к салтовской культуре можно считать несомненной, представляет значительный интерес как по степени своей сохранности так и своеобразными деталями своего устройства и поэтому исследование его весьма желательно. Ввиду того, что Дмитриевское городище, по сообщению П.П. Турбина, с нынешнего года начало подвергаться усиленной распашке, желательны какие-либо меры охраны.

Сергей Замятнин

I / XII – 26 г.»

На черновике проекта ответа И.И. Турбину есть рукописная приписка (рис. 2):

«Не найдет ли Комиссия возможным указать Воронежскому Музею на необходимость обследования Дмитриевского городища. Работы эти, в связи с раскопками Ворон. музея в текущем году (могильник салтовской культуры у х. Подгоровка Валуйского уезда) представляет интерес, как расширение исследования той же культуры в Ворон. крае.

Мне думается, можно было бы рекомендовать Воронежскому музею наметить, на ряд лет, систематическое изучение салтовской культуры в Ворон. губ. (Рекогносцировка новых городищ этого типа, исследование городищ Дмитриевского, Ольшанского и Маяцкого, продолжение раскопок Подгоровского могильника и могильника у Маяцкого городища; отыскание новых могильников).

Работы в таком плане – были бы увязаны с работами, ведущимися Северо-Кавказской экспедицией на Дону, являясь продолжением и развитием последних на бассейн Среднего течения Дона.

Сергей Замятнин»

27 декабря 1926 г. в адрес И.И. Турбина был отправлен официальный ответ ГАИМК № 4887, в котором пересказывалось заключение С.Н. Замятнина (РО НА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1–1926. Д. 202. Л. 2, 3) и, кроме того, подчеркивалась необходимость организации охраны Алексеевского городища. Практическая реализация этого пожелания возлагалась на местные организации археологического профиля. 28 декабря 1926 г. в Воронежский музей было послано письмо № 4883, в котором сообщалось, что «ГАИМК, ознакомившись с работами Музея в текущем году (раскопки могильника салтовской культуры у с. Подгоровки) просит не отказать уведо-

мить, не предполагает ли музей в ближайшем будущем расширить изучение этой культуры в Воронежском крае. Если бы музей предполагал, то желательно наметить разведки, а потом произвести исследования городищ Дмитриевского, Ольшанского, Маяцкого, продолжить раскопки Подгоровского могильника и могильника у Маяцкого городища. Если бы этот план был принят Музеем, то работы эти увязались бы с работами Северо-Кавказской экспедиции, являясь их продолжением и развитием в бассейне среднего течения Дона» (РО НА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1–1927. Д. 190. Л. 1).

В ответном письме № 488, посланном 17 апреля 1927 г., содержалась информация о том, что «Воронежский государственный историко-культурный музей текущим летом предполагает закончить раскопки Подгоренского могильника, поскольку погибнет (на 75%) от любителей кладов, детворы и дождей. Помимо этого могильника, исторический отдел находит необходимым произвести раскопки землянок близ этого могильника и произвести исследования Ольшанского городища, чтобы следующим летом произвести там раскопки. За Ольшанским намечаются для исследования городища Дмитриевское и Маяцкое, а затем и раскопки. Таким образом, было бы достигнуто обследование юго-западной части нашей губернии в археологическом отношении, пополнение соответствующими экспонатами Археологического подотдела нашего музея и увязка работ с работами Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК. Для выполнения работ в этом году организована экспедиция из лиц: зав. историческим отделом Олейников Т.М., помощник хранителя, зав. археологическим подотделом Леонов Д.Д., аспирант ГАИМК Замятнин С.Н. Экспедиция намечает для работ июль месяц. Просим поддержать перед Музейным отделом Главнауки ходатайство Музея об ассигновании в текущем году на раскопки 318 р. 50 к.» (РО НА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1–1927. Д. 190. Л. 2–3 об.)⁴.

Намеченным планам не суждено было осуществиться в полном объеме. Летом 1927 г. Алексеевское городище осмотрел заведующий Историческим отделом Воронежского государственного музея Тихон Митрофанович Олейников (рис. 3, а, б), который имел большой опыт работы с историко-культурным наследием региона. Т.М. Олейников окончил Духовную Академию и Императорский Санкт-Петербургский археологический институт, а с

⁴ Выражаю глубокую благодарность Е.Ю. Захаровой, обратившей мое внимание на письмо ГАИМК Воронежскому музею и ответ на него.

1910 г. был председателем Воронежского церковного историко-археологического комитета. В советское время он являлся сотрудником губернского архивного бюро, сотрудником краеведческого музея, преподавателем Воронежского университета и Воронежского отделения археологического института, где читал курс лекций «Христианская археология» (в 1931 г. проходил по «Делу краеведов» и был приговорен к 5 годам концлагерей). В 1927 г. Т.М. Олейников провел археологические разведки в трех регионах Воронежского края, включая и Алексеевское городище, научный отчет об осмотре которого был направлен в ГАИМК (Олейников, 1927. С. 1–7)⁵:

«Возникновение сл. Алексеевки, Острогужского уезда относится к началу 18-го столетия. В 1737 г. она принадлежала князю Ал.М. Черкасскому и входила в тогдашний Усердский уезд. Так как тогда необходимо было “имеет от набегов неприятельских опасение ...”, то и приходилось “около слободы обметать рогатками”. Об этом должен был заботиться управитель вотчины – сл. Алексеевки¹. В 1740 г. эта слобода числится уже за графом Петром Борисовичем Шереметевым. Заселена она была малороссиянами². Но малороссы не были первыми насельниками этой местности – еще значительно раньше здесь кочевали и имели стоянку хозары, а затем – татары, о чем свидетельствуют имеющиеся здесь памятники. Так в одной версте от этой слободы на восток находятся два кургана с легендой про “турецкого царя”; в западном направлении идет целая цепь курганов, на северо-запад идет вал, а в северо-восточном направлении находится “Городище”. Из указанных памятников мне удалось осмотреть лишь последний памятник – “Городище”, которое находится в полверсте от с. Дмитровского, которое раньше являлось частью слободы Алексеевки. Среди местного населения это “Городище” не имеет особого названия; в печатной литературе оно иногда называется “Александровским”, по имени одного из владельцев той местности, где оно находится – помещика Александра³. В последнее время за ним устанавливается название Алексеевского или Дмитровского.

От помещика Александра эта местность переходила во владение других лиц и последним ее владельцем является Таценко, который, как и прежний владелец, устанавливал на этом “Городище”

⁵ Далее ссылки цитируемого документа:

¹ Архивные дела Воронежского гос. музея. Книга нарядов за 1737 г.

² Там же, книга указов в Усерд. воев. канц. за 1748 г. – 607 стр.

³ Памятная книжка Воронежской губ. на 1905 г. Ст. Ноздрина – “сл. Алексеевка”»

кошары для своего скота. Иногда это “Городище” было свободно от кошар, тогда оно зарастало высоким и густым бурьяном, в котором во времена крепостничества крестьяне прятались от расправы своих владельцев; в первые годы революции здесь прятались крестьяне от бандитов и белых. Теперь эта местность с Городищем принадлежит колхозу “Коммуна”; городище теперь безжалостно распахивается мощным трактором.

Городище находится на правом берегу р. Тихой Сосны. На юг от него проходит железная дорога на Харьков. Между Городищем и ж.д. линией, на вспаханном поле, попадаетея в большом количестве разбросанный черепок. В юго-восточном направлении от Городища, в 200 саженях от него, расположены курганчики, в настоящее время малозаметные от распахивания. В 1923 г. некто раскопал один из этих курганчиков. Раскопки производились, как передают очевидцы, без соблюдения самых элементарных на этот счет правил. Эти “раскопки” дали такие результаты: лобную часть черепа с низким неразвитым лбом и небольшой сосуд с ручкой и узким горлышком из серой глины; по сосуду идет орнамент линиями. Другие части костяка, очевидно, были растасканы по норкам зверьками. К большому сожалению, эти результаты раскопок как-то бесследно исчезли, как бесследно исчез и производивший их – уроженец сл. Алексеевки, гр. Паначевский.

В западном направлении от Городища в большом количестве попадаетея разбросанный черепок, такого же типа, что и черепок, разбросанный между Городищем и линией жел. дороги. На этих двух пунктах мною было подобрано несколько черепков... Данная коллекция керамики, хотя и не велика, все же позволяет достаточно определенно отнести ее к Салтовской культуре. Керамика эта в общем такого же характера, как и керамика соседних Салтовского типа Городищ Воронежской губернии. На юго-запад от Городища находится большая выбоина, образовавшаяся от того, что здесь берут иногда глину. В стене этой выбоины ясно обнаруживаются следы прежних ям, где в большом количестве попадаются кости разных животных: дикой козы, лошади; здесь же попадаетея зола.

Переходим к самому Городищу (см. чертеж № 1)⁶. С северной стороны оно примыкает к р. Тихая Сосна. Здесь высота его равняется 10 саж. Северо-восточный угол этого Городища обвалился,

⁶ См. рис. 3а.

почему ясно видна кирпичная кладка стены и истлевшее дерево. Эта сторона Городища сохранилась хорошо – никаких раскопок здесь не производилось, за исключением кем-то сделанного здесь незначительного колодца. Я нашел возможным расчистить этот колодец; на глубине $\frac{1}{2}$ аршина показалась кладка стены из плохо обожженного кирпича. Дальнейшей расчистки колодца я не производил и снова засыпал его.

С восточной и южной части Городища идет искусственный ров, а с западной – естественный ров, который, можно думать, является бывшим руслом протока Тихой Сосны. Высота Городища с этих сторон равна 2–3 сажням. Длина Городища равняется 73,6 саж.; ширина же в восточной части – 40 саж., а в западной – 36,5 саж. Внутри Городище небольшим валом разделено на две части, в которых есть углубления: в первой части, восточной, одно углубление, во второй, западной – два, из которых одно доходит до 3 саж., а другое – до 1 саж. Кладка этого вала заметно показывается, так как поверхность его распахана. Если северная сторона Городища хорошей сохранности, то о южной стороне этого сказать ни в коем случае нельзя – она почти на половину ископана разными кладоискателями и особенно упомянутым выше гр. Паначевским.

В углу этой части (на расстоянии 5 аршин от угла) находится возвышение, имеющее форму усеченного конуса. Можно предполагать, что это возвышение служило местом для наблюдения. На расстоянии 4 аршин от этого возвышения начинаются раскопы, засыпанные самим временем землею и поросшие бурьяном. Все эти раскопы имеют форму прямоугольника; большинство из них расположены внутри Городища, где кончается стена. Три из них прорезывают стену и выходят почти до рва. Первый раскоп продолговатый на юго-запад; ширина его 1 аршин, длина – 3 арш. В одном аршине от него находится второй раскоп, шириною – $\frac{3}{4}$ арш. и длиною – 3 саж. Он прорезывает стену; с восточной стороны, вдоль стены, к нему примыкает малый раскоп. На расстоянии 4 арш. От этого раскопа идет круглая копаная яма, а за нею, на 1 аршин от нее, вдоль стены, идет следующий раскоп длиною – 2 арш. и шириною – в 1 арш. За ним, на расстоянии 4 аршин., идет большой раскоп, прорезывающий стену, длина его 4 саж. и ширина – 2 саж. С западной стороны к нему примыкает, вдоль стены, раскоп в 13 арш. длиною и $1\frac{1}{2}$ арш. – шириною. За этим большим раскопом идет другой большой раскоп, прорезывающий стену. Большие раскопы произведены Паначевским.

По словам Острогожского инструктора охраны памятников искусства и старины – гр. Ерёменко, Паначевский откопал внутреннюю часть стены и угол – всего 20 арш., а глубиною в 1 саж. При этом обнаружена над поверхностью почвы, на глубине 6 арш., хорошо сохранившаяся кладка из кирпича желтой глины, два верхних венца из белых кирпичей. На глубине 1 саж. фундамента еще не было – он еще ниже. Толщина стены 3 арш., а в углу – 8 арш. Заметны были – уголь и дерево. Кирпичи в стене – продолговатые и квадратные; вес кирпича от 1 до 2 пудов. В стене обнаружено отверстие в виде бойницы. Из вещей ничего не найдено. Но другие очевидцы передавали, что у раскопанной стены были найдены остатки кожаной обуви.

Последний раскоп (к западу) я расчистил. Размер моей расчистки был таков: длина – 1 метр 60 снт., ширина 1 метр 5 снт. (см. чертеж № 2)⁷. Оказалось, что этот раскоп всей стены не прорезывает – он захватил лишь внешнюю сторону стены. После расчистки моим глазам предстала такая картина: вглубь – на 15 см начинается стена. С внутренней стороны стена отвесная, а с внешней – покатаая. Очевидцы раскопок Паначевского утверждали, что паначевские раскопки обнаруживали стену как с внутренней, так и с внешней стороны – отвесной. Как объяснить покатость стены в расчищенном мною раскопе – не знаю, быть может этот раскоп был сделан в так называемом “быке”, который был устроен для поддержки стены. Кладка стены начинается туго набитым кирпичом, а затем идет правильная кладка – кирпич, чем ниже, тем лучше. Кладка идет правильными рядами. Длина кирпичей – 40 см., высота – 8 см. Правильная кладка начинается лишь с четвертого ряда. Первый ряд состоит из 2¼ кирпичей, второй и третий – из 1¼ кирпича; остальная часть туго набита землею. Раскопав немного вглубь эту часть, я заметил кладку стены из серого кирпича. Под последним рядом оказалась туго набитая земля, под которой опять кирпичная кладка. Рассматривая правую и левую стены расчищенного раскопа, замечаешь, что кладка стены кирпичом, как бы, обмазана глиной. Никаких вещей при расчистки этого раскопа мною не было найдено точно так же, как и на самом Городище мною ничего не найдено. Но упомянутый Острогожский инструктор гр. Ерёменко в 1923 г. на площади городища находил черепки с орнаментом.

⁷ См. рис. 3б.

Трудно, на основании этой разведки, сказать что-нибудь определенное об этом памятнике старины; но, во всяком случае, памятник этот – “город-крепость” заслуживает особого внимания к себе и весьма бережного к себе отношения. Придет время, и оно не за горами, когда этот памятник станет предметом детального и специального обследования и изучения. А наш пока долг поддержать этот памятник, сохранить его, чтобы ни трактор земледельца, ни лопата “горе-археолога” – его не касались...».

В 1962 г. С.А. Плетнёва предприняла раскопки Алексеевского городища с целью определения датировки памятника, выяснения характера оборонительных сооружений и культурного слоя. Для решения этих задач в восточной части городища были заложены два раскопа – траншеи шириной 4 м. Одна из них прорезала городище с севера на юг, а другая – с запада на восток перпендикулярно первой (рис. 4, а; 5). Кроме того, в северо-восточном углу городища была сделана небольшая зачистка. В ходе работ С.А. Плетнёва пришла к заключению о том, что эта крепость не относится к эпохе раннего Средневековья, а была сооружена на месте поселения салтово-маяцкой культуры в период русской колонизации региона в XVII–XVIII вв. По ее мнению, «дальнейшее исследование городища представляет интерес только для историков и археологов, занимающихся XVII–XVIII вв.» (Плетнёва, 1963. С. 25). Этот вывод не удовлетворил местных краеведов и сбор доказательств для обоснования более ранней датировки памятника продолжился. По сведениям бывшего директора Алексеевского краеведческого музея С.С. Миргородского, в 1976 г. А.М. Поливанов обнаружил крупный фрагмент обугленного дерева (есть основания полагать, что во время земляных работ были частично разрушены деревянные конструкции внутри крепостной стены). Находка была передана для изучения в Институт зоологии и ботаники Академии наук Эстонской ССР. Исследователь Э.О. Ильвес пришел к заключению, что это была ель с 42-годовалыми кольцами. На январь 1977 г. ее возраст составлял 1170 ± 40 лет, то есть найденный фрагмент обугленного дерева может датироваться в пределах 767–847 гг.

В 1977 г. я получил информацию о том, что на территории прилегающего к Алексеевскому городищу селища (рис. 6, а, б) были найдены два погребальных набора, как выяснилось позже при их осмотре, типично салтовских вещей. Первый комплекс происходил из разрушенного захоронения, обнаруженного при рытье погребка в 200 м к востоку от городища (судя по глубине залегания, была раз-

рушена катакомба). Он представлен: бронзовым круглым в сечении браслетом, фрагментом пластинчатого перстня, фрагментом серьги в виде овального бронзового кольца с подвеской из позолоченного шестигранника с шариком, крупным штампованным бубенчиком с крестовидной прорезью в нижней части, маленькими штампованными бубенчиками. Кроме того, здесь были найдены семь четырнадцатигранных бусин из синего стекла, одна стеклянная бусина желтого цвета с зеленым глазком, желтым ободком и зеленой каплей, одна цилиндрическая стеклянная бусина красного цвета, одна шаровидная бусина с четырьмя темно-синими бородавками, две шаровидные бусины синего стекла с красным глазком и желтой каплей, одна шаровидная бусина с основой синего цвета, с желто-зелеными полосками и красными глазками с желтой каплей, семь цилиндрических бусин коричневого стекла с белой полоской, две сердоликовые шарообразные бусины. Второй погребальный комплекс салтовских вещей, но уже не ординарного, а элитарного характера, также происходит из разрушенного земляными работами погребения. Он состоит из железных, инкрустированных серебром удил и стремян, бронзового конского начальника, серебряной рукоятки плети, бронзовых колец, стеклянной вставки, бронзового плоского браслета, железного тесла-мотыжки, серебряных позолоченных бляшек оголовья, бронзовых ременных накладок, бронзовых пряжек и бронзовых бубенчиков (рис. 7).

В том же году Алексеевское городище и прилегающее к нему селище было обследовано автором настоящей статьи, разделявшим в то время точку зрения С.А. Плетнёвой о поздней дате сооружения этого объекта (Афанасьев, 1983. С. 96–97). В начале 90-х гг. прошлого века аэрофотоснимок западной части Алексеевского селища был использован мной для отработки методов аэрокосмического зондирования памятников салтово-маяцкой культуры (Афанасьев, 1993а. С. 14–25; 1993б. С.100–101. Рис. 30). Тогда же более глубокое знакомство с материалами Алексеевского городища в контексте с проводимыми исследованиями на Колтуновском и Красном городищах привели меня к убеждению, что оно стоит в одном типологическом и хронологическом ряду с известными хазаро-аланскими кирпичными и каменными фортификационными сооружениями правильной геометрической формы (Афанасьев, 1993б. С. 134. Рис. 47). И действительно, если систематизировать и проанализировать в историко-архитектурном аспекте информацию об Алексеевском городище из сообщений И.И. Тур-

бина, С.Н. Замятина, Т.М. Олейникова, В.Г. Ерёменко, С.А. Плетнёвой и С.С. Миргородского, то вырисовывается следующая картина.

Строительные материалы

В материалах исследователей упоминается кирпич как сырцовый, так и обожженный. Последний, по описаниям И.И. Турбина и Т.М. Олейникова, представлен экземплярами с обжигом различного качества (от очень плохого до хорошего) и различного цвета (белый, серый, желтый, красный). Такое разнообразие цветовой гаммы кирпича может свидетельствовать в пользу того, что заготовленный сырцовый кирпич был подвергнут неравномерному обжигу при температуре от 400 до 800°. Похожая технология была смоделирована С.Ф. Токаренко при анализе семикаракорского кирпича, который, по его мнению, проходил костровой обжиг (Токаренко, 2009. С. 535–542). Возможно, алексеевский кирпич так же обжигался на костре, хотя при окончательном решении этого вопроса следует учитывать информацию И.И. Турбина об открытии рядом с городищем группы печей.

При возведении крепостных стен строителями применялся как полноформатный (квадратный) кирпич, так и половинчатый (прямоугольный). Размеры сторон полноформатного кирпича варьируют в пределах 26,7–40 см. И.И. Турбин пишет о кирпичах 6×3 верш. и 8×8 верш. (1 верш. = 4,445 см), то есть 26,7×13,3 см и 35,6×35,6 см. Т.М. Олейников упоминает кирпичи 40×40×8 см (рис. 3, б). В отчете С.А. Плетнёвой размеры кирпичей не указаны. Ближайшие аналогии параметрам алексеевского кирпича можно найти на одновременных и расположенных в той же долине Тихой Сосны Красном и Колтуновском городищах салтово-маяцкой культуры. При возведении крепостных стен Красного городища в основном применялся сырцовый или слабо обожженный кирпич – около 90%. Хорошо обожженный кирпич встречается реже – около 10%. Размеры сырцового, слабо обожженного и хорошо обожженного кирпича Красного городища находятся в одних вариационных рамках. В процессе раскопок там встречались кирпичи прямоугольной формы размерами 55–50×5–30×7–8 см или 40×20×10 см, квадратные кирпичи размерами 40–46×40–46×7–8 см. Изредка квадратные кирпичи достигали размеров 55–50×55–50×7–8 см. Мы видим здесь полные форматы кирпича 40–55×40–55 и их половинки (Афанасьев, Красильников, 2012. С. 204–225). Колтуновские кирпичи были сырцовыми и землитными квадратной формы с размерами сторон от 27 до 46 см при

толщине 3–6 см. Чаще всего использовался кирпич с размерами сторон 36–38×36×38×5,5 см, но изредка (для облицовки) применялся и кирпич в половину формата (Афанасьев, 2013. С. 24–44, 144–147).

Проблема генезиса кирпича в фортификационной архитектуре IX в. бассейна Дона носит дискуссионный характер (Афанасьев, 2012. С. 29–49). Общеизвестно, что это – новое явление в зодчестве хазаро-аланского населения Восточной Европы. Аналогичный процесс прослеживается в русских городах времен Владимира, когда там появляется церковная и светская кирпичная архитектура, которая имела византийские истоки (Ёлшин, 2008. С. 5–206). Исследование донского кирпича хазарского времени показало, что здесь выделяются две группы. Первая – объединяет сырцовые и обожженные кирпичи, имеющие размеры на основе $\frac{3}{4}$ стопы (1 спифа) или 1 стопы. Использование таких кирпичей характерно для региона Нижнего Дона (Семикаракорское, Левобережное, Правобережное городище). Своим происхождением они, вероятно, связаны с Крымом (Романчук, 1976. С. 159; Сорокопуд, Филоненко, 1999. С. 71–74; Фомин, Шевцова, 2010; Литовченко, 2010. С. 205; Белов, Стржелецкий, Якобсон, 1953. С. 218; Косцюшко-Валюжинич, 1905. С. 53; Голофаст, 2009. С. 278; Макарова, 1997. С. 388). Вторая – состоит из сырцовых и обожженных кирпичей, сформованных на основе $1\frac{1}{2}$ стопы, $1\frac{1}{2}$ стопы (1 локтя) и 2 стоп. Они в большей степени присущи памятникам долины Тихой Сосны (Красное, Алексеевское и Колтуновское городища). Происхождение донских кирпичей второй группы связано с Таманским полуостровом (Сокольский, 1963. С. 179–191; 1967. С. 108–115; Николаева, 1981. С. 88–93; Паромов, 2003. С. 146–170). Общим для обоих регионов является кирпич размером в 1 стопу (Афанасьев, 2012. С. 29–49).

При возведении Алексеевского городища кроме сырцового и обожженного кирпича применялись и глинобитные (землебитные) блоки (саман, пахса). Они были зафиксированы И.И. Турбиным в кладке сооружения, пристроенном с внешнего фаса к южной крепостной стене (Турбин, 1926. С. 2). Он называл их кирпичами с размерами 8×6 верш. и «толще стенных втрое» (35,6×26,7×(24? см). Т.М. Олейников отмечал сам факт использования «туго набитого кирпича» или «туго набитой земли» во фрагменте кладки южной крепостной стены, осмотренной и зарисованной им после зачистки раскопа С.А. Паначевского (Олейников, 1927. С. 6). С.А. Плетнёва писала, что северная стена городища была сложена из сырцовых

блоков размерами 100×70×30 см, хотя и оговаривала, что «блоки не стандартные» (Плетнёва, 1962. С. 24). Разнообразие материала, из которого выполнены стены Алексеевского городища, вполне вписывается в византийскую строительную практику и рекомендации архитекторов: «Что же до материала, из которого должно выкладываться или строиться самую стену, то тут нельзя ничего предписывать из-за того, что далеко не всюду можно иметь достаточное количество нужных запасов. Но надо пользоваться либо тесаным камнем, либо базальтом, либо бутом, или же либо обожженным, либо сырым кирпичом, – где что найдется. Ведь не всюду, как в Вавилоне, стены сделаны из обожженного кирпича и находящейся там в изобилии жидкой горной смолы, заменяющей известь и песок, и не во всех странах и местностях можно пользоваться в таком количестве подобного же рода материалами для постройки из них долговременных и прочных стен» (Витрувий. Книга первая. Глава V, § 8).

Связующие материалы, штукатурка

По информации И.И. Турбина, связующим раствором кирпичей в кладке южной стены была смешанная с соломой глина, в которой просматривались зерна ржи. Иным способом связывались глиняные блоки, из которых была выполнена пристройка к внешнему фасу южной стены, там применялась чистая глина без присадок (Турбин, 1926. С. 1–4). На Красном городище крайние (облицовочные) вертикальные ряды кладки с внешней и с внутренней стороны выполнены исключительно из сырцовых кирпичей половинчатого формата, которые были сложены на известковом растворе белого цвета. Там мы встречаемся с тем же приемом, что и в некоторых церквях в Фессалониках, где кладка на глине была скрыта за известковым раствором, которым строители замазали швы (Липатов, 2006. С. 127). Техника кладки кирпичей внутреннего массива стены Красного городища нерегулярная. Это, однако, не повлияло на прочность стены, так как примененный раствор светло-желтой или коричневатой глины заполнял практически все полости, образуя прочный кирпичный монолит стены (Афанасьев, Красильников, 2012. С. 204–225). На Колтуновском городище ядро стены представляло собой монолит кладки из сырцового/землебитного кирпича на глиняном растворе. С внутренней стороны стены кирпичная облицовка была выполнена на известковом растворе (Афанасьев, 2013. С. 24–44). Т.М. Олейников обращает внимание на то, «что кладка стены [южной – Г.А.] кирпичом, как

бы, обмазана глиной» (Олейников, 1927. С. 1–7). Возможно, это наблюдение указывает на специальное оштукатуривание сырцовых крепостных стен для обеспечения их гидроизоляции. На синхронных городищах в долине Тихой Сосны зафиксированы разные способы защиты сырцовых и каменных стен от атмосферной влаги. Если на Красном и Колтуновском городищах швы сырцовой кладки защищались от осадков тем, что лицевая кладка велась на известковом растворе, то на Маяцком городище применялся несколько иной способ. Швы лицевой кладки из блоков специально затирались известковым или глиняным раствором⁸.

Основание стен

Раскопки С.А. Плетнёвой показали, что основание кирпичной части южной крепостной стены и примыкавшие к ним забутованные деревянные клетки не имели субструкций и покоились не на средневековой дневной поверхности салтовского селища, а были поставлены «на плотный, по-видимому, отнивелированный материал» (Плетнёва, 1962. С. 22). В отличие от южной крепостной

⁸ Утверждение В.С. Флёрова и В.Е. Флёровой о том, что по причине примитивности строительных технологий (по сравнению с Правобережным Цимлянским городищем) швы кладки крепостных стен Маяцкого городища не затирались известковым раствором (Флёров, Флёрова, 2008. С. 61) не соответствует действительности. Оно основано на поверхностных наблюдениях, высказавших его авторов, без должной, глубокой работы с первоисточником. Приведу несколько примеров, полностью опровергающих этот тезис. На внешнем фасае юго-восточной стены Маяцкого городища в квадрате Ж–23 были зафиксированы следы замазки швов кладки панциря известковым раствором. Они встречались в швах между первым и вторым горизонтальными рядами блоков, между вторым и третьим, между третьим и четвертым, между четвертым и пятым рядами. В квадрате Д–24 затирка швов известковым раствором прослеживалась местами между вторым и третьим рядами блоков. В квадрате Г–24 между первым и вторым рядами кладки была замечена глиняная промазка швов, а между четвертым и пятым рядами – известковая. В квадрате В–24 известковая затирка швов отмечалась между вторым и третьим горизонтальными рядами, а также между четвертым и пятым рядами. Кроме того известковым раствором были промазаны вертикальные швы блоков пятого ряда. Исследование фаса внутреннего щита юго-восточной стены позволили сделать аналогичные наблюдения. Замазка известковым раствором зафиксирована в швах между вторым и третьим, третьим и четвертым рядами. Следы известковой затирки швов отмечались в квадратах Г–22, В–22, В–23 между вторым и третьим горизонтальными рядами кладки щита. В квадрате Б–23 известковым раствором были промазаны не только горизонтальные швы между первым и вторым, вторым и третьим рядами кладки, но и вертикальные швы между блоками первого, второго и третьего рядов (Афанасьев, 1980. С. 3–22; 1981. С. 3–38; 1982. С. 3–38).

стены северная крепостная стена опиралась не на материк, а на культурный слой салтовского времени (рис. 4, б). Осталось не ясным: велась ли кладка непосредственно на почвенный слой или на него предварительно укладывались деревянные плахи, как это имело место на Правобережном Цимлянском (Плетнёва, 1994. С. 275–276), Маяцком (Афанасьев, 1987. С. 128) и Красном городищах (Афанасьев, Красильников, 2012. С. 204–225). Возведение кирпичных и каменных крепостей без углубленного фундамента – это распространенный в I тысячелетии строительный прием, применявшийся на территории Евразии. Он характерен не только для фортификационных памятников салтово-маяцкой культуры, но и для одновременных им оборонительных сооружений Северного Кавказа (Биджиев, 1983. С. 16–20; Кузнецов, 1993. С. 76), Крыма (Герцен, 1984. С. 75–80; Фирсов, 1990. С. 113–133) и Балканского полуострова (Рабовянов, 2011. С. 25, 28, 33, 39, 45, 83, 94, 136, 169). Для предшествующего времени он был зафиксирован исследователями в фортификационных сооружениях позднеримского и ранневизантийского времени на Балканах (Văjénaru, 2010. P. 99, 162) и в Крыму (Белов, 1953. С. 237–245).

Следует остановиться на причинах, по которым на одном и том же фортификационном объекте разные крепостные стены опирались или на материк, или на гумусный слой. В районе Алексеевского городища уклон материка в сторону реки составляет 2 см на 1 м. Если бы южная крепостная стена лежала на материковой глине, то атмосферные осадки со всей площади крепости стекали бы к ней и заболачивали примыкающую внутреннюю территорию городища. Строительство южной стены на гумусном слое (погребенной почве) создавало дренаж, через который поверхностная вода свободно уходила под стену и далее по склону террасы в реку, что обеспечивало необходимое осушение территории. Аналогичный строительный прием был применен при возведении стен Маяцкой крепости. Там зафиксированная толщина перекрывающего меловой материк гумусного слоя варьирует на разных участках памятника от 0,04 до 0,52 м. Это вполне достаточно для того, чтобы атмосферные осадки не скапливались у подножья стены, а отводились от нее через черноземный слой в соответствии с уклоном местности, равным 4 см на 1 м с юго-востока на северо-запад. Отток воды от основания стен предотвращал нижние каменные блоки или кирпичные ряды кладки от чрезмерного насыщения влагой и последующего их разрыва и разрушения в условиях ко-

лебания около минусовых температур в осенне-зимний и зимне-весенний период года.

Возникает вопрос: какую высоту стен может выдержать подобное основание? Расчеты показывают, что один кубический метр кладки из полнотелого кирпича, из которого было построено Алексеевское городище, весит 1700–2000 кг. Давление на грунт кирпичной кладки высотой 1 м составляет 0,17–0,2 кг/см². Таким образом грунт возвышенности (твердая глина высокой плотности с критическим значением 3 кг/см²), на котором расположился этот памятник, обладает достаточным сопротивлением для постройки на нем кирпичной крепостной стены на высоту около 15 м (в реальности она не превышала 3–4 м, если судить по объемам развалов стен типологически и хронологически близких Красного и Колтуновского городищ).

Конструкции стен

Принципиально по своей конструкции южная крепостная стена Алексеевского городища могла быть отнесена к характерному для римско-византийских фортификационных сооружений типу трехслойных стен, состоящих из двух щитов (внутреннего и внешнего) и заполнения между ними. Однако информация И.И. Турбина свидетельствует о том, что она состояла не из трех, а из двух конструктивных элементов. Внешний элемент – это кирпичная стена шириной в 4 фута (1,22 м), сохранившаяся на высоту в 10 футов (3,05 м). Внутренний конструктивный элемент – обугленный дубовый сруб. Исследователь полагал, что это была «пристройка какого-либо помещения к стене или лаз на стену» (Турбин, 1926. С. 4–7). Т.М. Олейников пересказал в своем отчете информацию В.Г. Ерёмченко о результатах грабительских раскопок С.А. Паначевского, который раскопал участок внутреннего фаса южной стены и примыкающего к ней юго-восточного угла длиной в 20 арш. (14,22 м) на глубину в 1 саж. (2,13 м). Выложенная строго вертикально кирпичная стена уходила ниже уровня раскопа. Ее толщина составляла 3 арш. (2,13 м), в юго-восточном углу – 8 арш. (5,69 м). В результате проведенной Т.М. Олейниковым зачистки раскопа С.А. Паначевского было установлено, что кирпичная кладка стены начинается на глубине 15 см от современной дневной поверхности (рис. 3, б). Внешний фас стены был отвесным, а внутренний – наклонным. Это обстоятельство привело Т.М. Олейникова к выводу о том, что «может этот раскоп был сделан в так называемом “быке”, который был

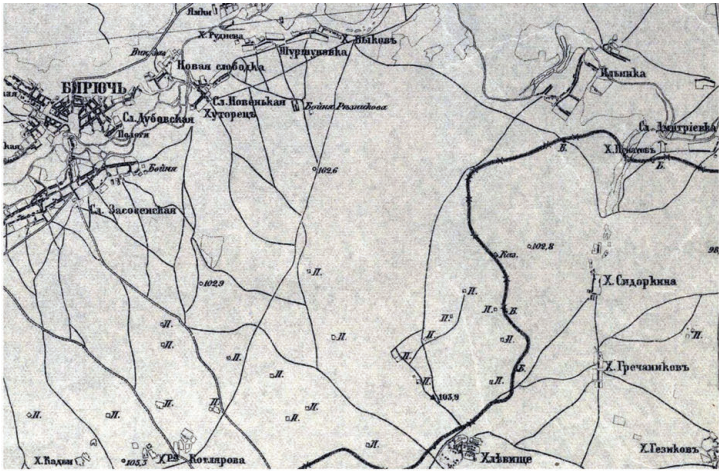
устроен для поддержки стены» (Олейников, 1927. С. 1–7). Что касается упомянутого И.И. Турбиным пристроенного изнутри к стене дубового сруба, то аналогичная ситуация в 1962 г. была достаточно хорошо документирована раскопками С.А. Плетнёвой. Деревянные конструкции южной крепостной стены стали хорошо проследиваться сразу же после снятия дернового слоя. Установлено, что они представляли собой пятистенные клетки шириной в 3,2 м и длиной 1,6 м. Внутренняя половина клетки имела размеры 2,2×1,6 м, внешняя – 1×1,6 м. Сруб сложен из дубовых бревен диаметром 0,2–0,25 м и сохранился на 6 венцов. Внутри все пространство сруба было плотно забито материковой глиной, вероятно, полученной при рытье рва (рис. 4, в). Принцип использования вынутаго из рва грунта при строительстве крепостных стен изложен Флавием Вегецием Ренатом, который рекомендовал: «Чтобы такая стена никогда не могла быть разрушенной, она строится следующим образом. Сделав промежуток футов в 20 [римских футов – Г.А.], выстраиваются внутри города две стены; затем земля, которая вынимается из рва, насыпается между этими стенами и утрамбовывается [так что первая от наружного укрепления стена соответственно ниже, а вторая проводится еще значительно ниже; со стороны города по этим поднимающимся в виде ступеней террасам, как по гладко идущему кверху склону, можно взойти на самое передовое укрепление]. Таким образом стена не может быть разбита никакими таранами, так как ее крепко держит земля, и если допустить, что каким-либо образом будут разбиты камни, то плотно набитая между ними земля наподобие стены, преградит путь нападающим своей массой» (Флавий Вегеций Ренат. Книга четвертая, § 2).

При осмотре Т.М. Олейниковым памятника в 1927 г. было отмечено, что восточная стена городища сохранилась лучше других. Исследователь расчистил кем-то сделанную там яму и на глубине ½ аршина (0,35 м) обнаружил кладку стены из обожженного кирпича. В северо-восточном, обвалившемся углу крепости он также зафиксировал кирпичную кладку (Олейников, 1927. С. 4). В 1962 г. это же место было обследовано С.А. Плетнёвой, которая, обнаружив западину, предположила, что в годы Великой Отечественной войны там располагался блиндаж. В результате зачистки бровки западины ей удалось выяснить конструкцию северной крепостной стены. На глазомерном плане Алексеевского городища, по С.А. Плетнёвой, показана зачистка по линии З–В (рис. 4, а). Однако из текста ее отчета следует, что зачистка была сделана по линии С–Ю, поскольку указа-

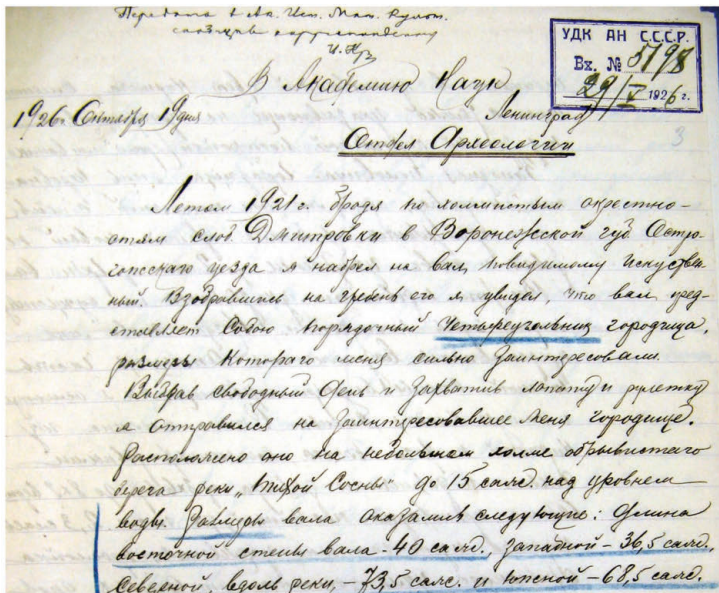
но, что это был поперечный разрез стены, «идушей вдоль берегового обрыва» (Плетнёва, 1963. С. 20–25). Установлено, что ширина сложенной из паховых или саманных блоков северной стены составляла несколько более 6 м, а ее сохранившаяся высота – около 1 м.

Срубная конструкция южной стены Алексеевского городища находит ближайšie аналогии на Маяцком городище, где совокупность наблюдений позволяет реконструировать вид и объем деревянной конструкции, находящейся внутри юго-западной стены. Остатки деревянного сооружения внутри крепостной стены являются обрешеткой забутовки из мелового щебня, обильно залитого меловым раствором. Она строилась из необработанных дубовых бревен разного размера. Конструкция состояла из уложенных продольно и поперечно стены связанных бревен и дополнялась вертикально поставленными бревнами. Процедура строительства этих клеток реконструируется следующим образом. Первоначально на уровень средневековой дневной поверхности укладывались поперечные дубовые доски. Затем площадка, предназначенная для забутовки (шириной около 5 м), покрывалась слоем глины, на который укладывались клетки обрешетки. Эти клетки засыпались меловым щебнем и заливались меловым раствором. Функционально деревянные клетки являлись армирующим конструктивным элементом, в задачу которого входила стабилизация ядра забутовки крепостной стены. Они гасили излишнее статическое боковое давление мокрой насыпной массы забутовки (в тот период, когда она еще не затвердела) на сложенные из меловых блоков внутренний и внешний щиты крепостной стены, гасили давление, которое могло вызвать двусторонний обвал щитов стены. Аналогичный принцип устройства внутренних деревянных конструкций для сдерживания забутовки был зафиксирован С.А. Плетнёвой при исследовании в 1958–1959 гг. Правобережного Цимлянского городища (Плетнёва, 1994. С. 275), но почему-то не был документирован В.С. Флёровым.

Если пятистенные срубы предназначались для сдерживания глиняной забутовки, то кирпичная (внешняя облицовочная) стена южной куртины Алексеевского городища имела иную систему крепления. По наблюдениям И.И. Турбина в кладке через каждые 2–3 слоя кирпича прослеживаются угольные прослойки. Он полагал, что таким образом обжигался уложенный в стену сырцовый кирпич. Присутствие обугленных деревянных конструкций в кирпичной кладке отмечал и Т.М. Олейников. Заключение И.И. Турбина было ошибочное. Угольные прослойки образовались в результате

а

б

Рис. 1. а – Фрагмент карты 3-х верстки (составлена в 1919 г.) с местом расположения бывшего поселка Дмитриевка близ Алексеевки; б – Фрагмент письма И.И. Турбина в адрес Академии наук

Не надеюсь, что Комиссия Воронежским уездом Воронежскому
 Музею на обладание сего здания Демидовской усадьбы.
 Работы эти, в связи с тем, что Воронеж. Музей в текущем
 году (составил Салтовская Курганы ур. Погорельки Валуевск.
 предельная в Ипатьеве, как в расширенном издании
 Ипатьев. Курганов в Воронеж. губ.
 Мне думается, можно было бы рекомендовать
 Воронежскому музею приобрести, на редкость, интересней-
 шее здание Салтовская Курганы в Воронеж. губ.
 (Землеустройство новых усадеб Ипатьевина, Ипатьевск.
 усадьбы Демидовского, Ельманского и Малецкого,
 предельные раскопки Погорельского могильника
 и могильника у Малецкого усадьбы; этикетки
 новых могильников).
 Работы в таком плане были бы полезны
 с работами ведущимися Северо-Кавказской Экспеди-
 цией на Дону, целью продолжения и разработки
 исследований на бассейне среднего течения Дона.

Арт. Замятин

Рис. 2. Приписка С.Н. Замятина с рекомендациями по исследованию памятников салтовской культуры

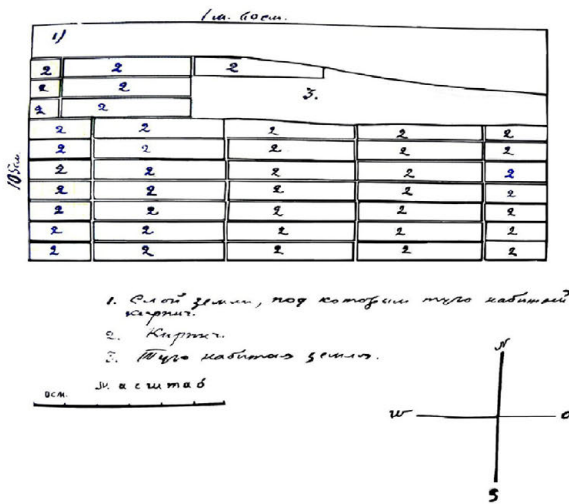
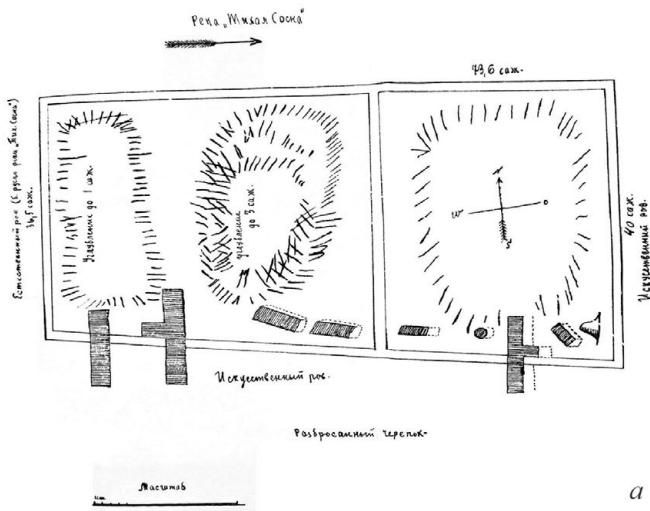

Рис. 3. а – План Алексеевского городища по Т.М. Олейникову; б – Схема кирпичной кладки южной крепостной стены Алексеевского городища по Т.М. Олейникову

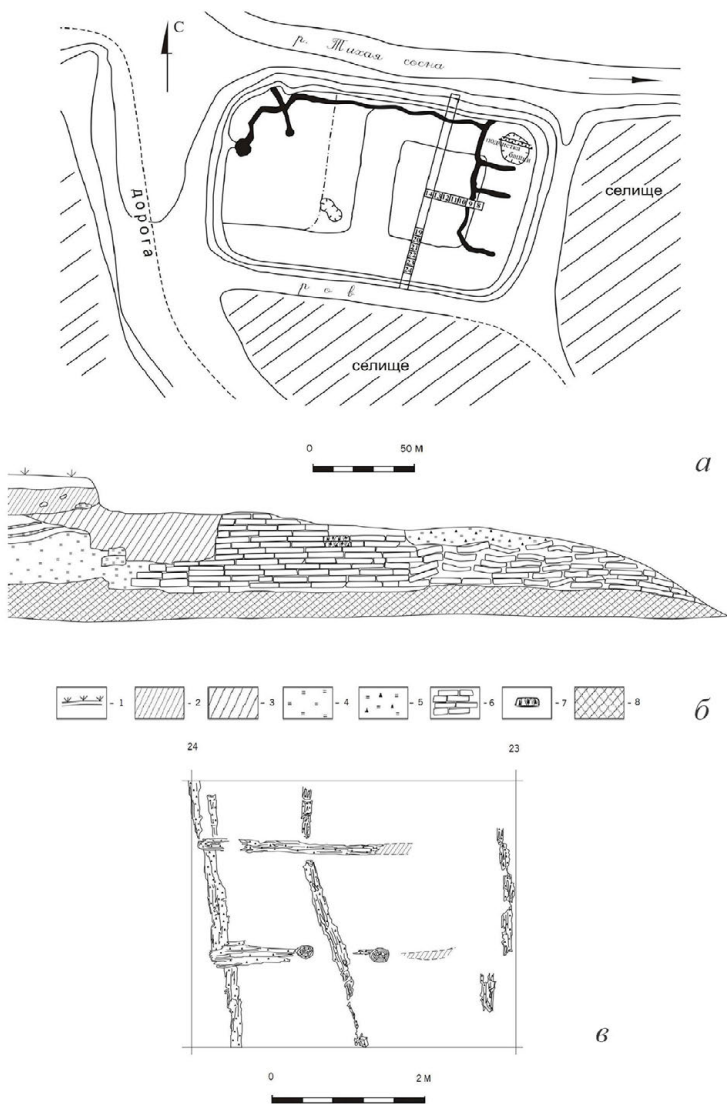

Рис. 4. а – План Алексеевского городища по С.А. Плетнёвой.; б – Разрез северной крепостной стены Алексеевского городища по С.А. Плетнёвой; в – План срубной конструкции в южной стене Алексеевского городища по С.А. Плетнёвой

а

б

Рис. 5. а – Общий вид по линии С-Ю раскопа С.А. Плетнёвой на Алексеевском городище; б – Раскопки С.А. Плетнёвой полуземлянки в квадрате 14 на Алексеевском городище

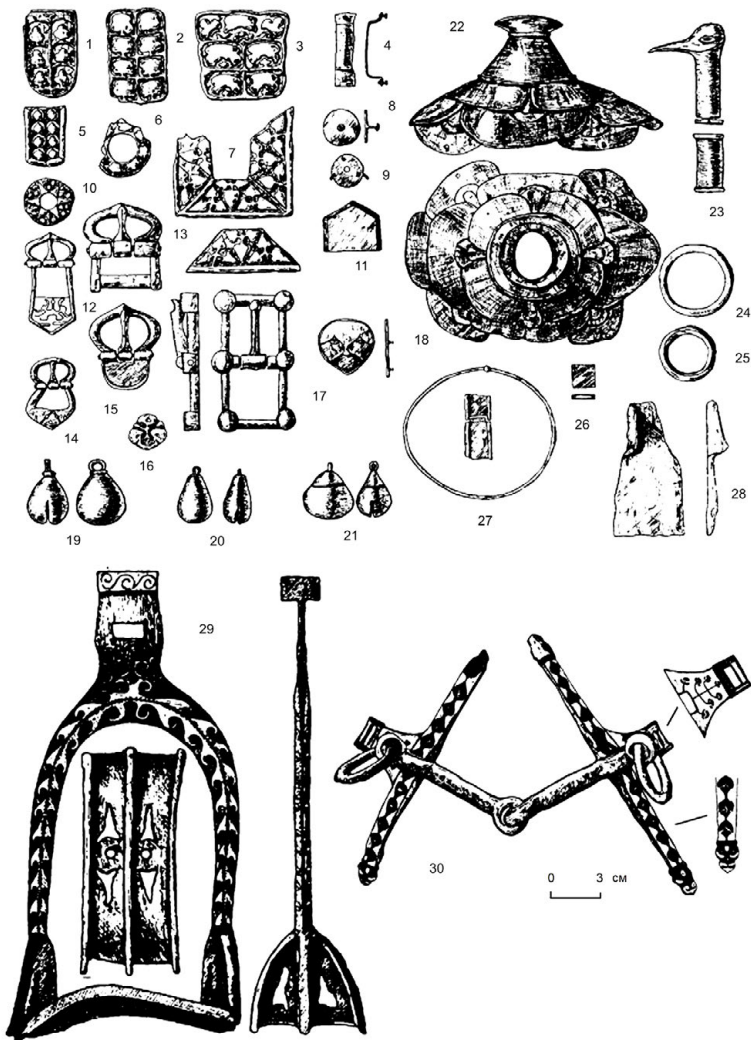

Рис. 7. Алексеевский «клад». 1-3, 5-7, 10 - серебряные позолоченные бляшки оголовья; 4, 8, 9, 11, 16, 18 - бронзовые ременные накладки; 12-15, 17 - бронзовые пряжки; 19-21 - бронзовые бубенчики; 22 - бронзовый начельник; 23 - серебряная рукоятка плети; 24, 25 - бронзовые кольца оголовья; 26 - стеклянная вставка; 27 - бронзовый браслет; 28 - железное тесло - мотыжка; 29 - стремена; 30 - удила

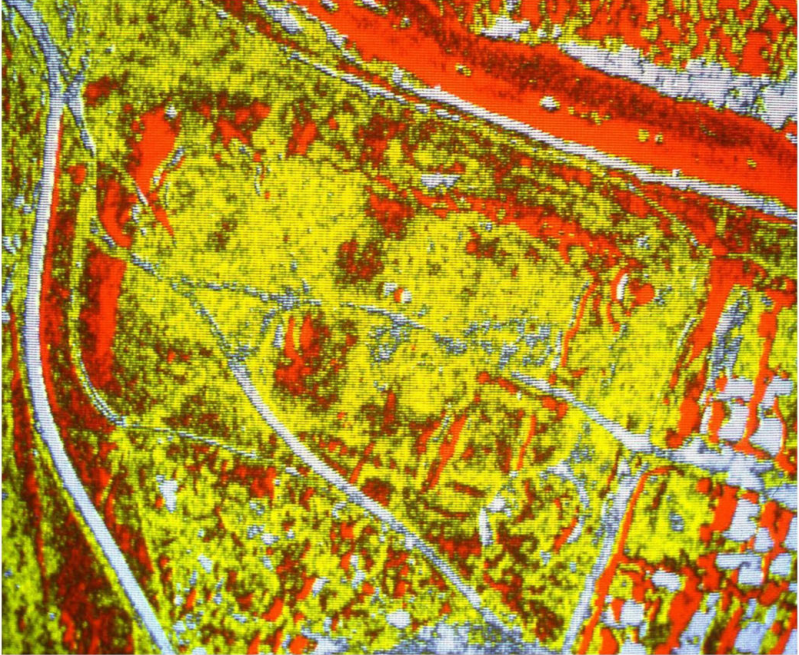

Рис. 8. Дешифровка аэрофотоснимка Алексеевского городища

тепла специфических химических или микробиологических реакций окисления, проходивших в древесине и приводивших к ее самовозгоранию: чем меньше рассеивается выделяющееся из древесины тепло, тем при более низкой температуре окружающей среды начинается самовозгорание дерева. Панцирь кирпичной кладки стены наилучшим образом отвечал этим условиям. Первоначально же это были заложенные в кирпичную кладку дубовые плахи, задача которых состояла в армировании кирпичной стены.

Ближайшие территориальные аналогии этому строительному приему мы находим на Красном и Маяцком городищах салтовомаяцкой культуры. Установлено, что основание стены Красного городища покоится на слое чернозема, на уровне средневековой дневной поверхности. Предварительно на него перпендикулярно направлению стены были положены слегка обожженные дубовые плахи толщиной 15–17 см. Их перекрывала кирпичная кладка на 6 вертикальных рядов общей высотой 0,5–0,55 м. Выше располагался еще один горизонтальный ряд слабообожженных дубовых плах, но в отличие от нижнего яруса, плахи верхнего были уложены не вплотную, а с промежутком в 10–12 см. Дубовые плахи второго яруса перекрывала кирпичная стена, сохранившаяся еще на 7–8 вертикальных рядов (Афанасьев, Красильников, 2012. С. 204–225).

В процессе исследования внешнего щита северного отрезка юго-западной стены Маяцкого городища, где кладка сохранилась на пять горизонтальных рядов, удалось зафиксировать остатки дубовых досок, уложенных сквозь толщу стены. Они были прослежены в горизонтальном шве между блоками третьего и четвертого рядов. Аналогичные доски были зафиксированы и в кладке внутреннего щита северного отрезка юго-западной стены, где она сохранилась на пять горизонтальных рядов. Обугленные дубовые доски, лежащие горизонтально поперек стены, были прослежены на двух участках в швах между третьим и четвертым рядами кладки. Многочисленные следы обожженных дубовых досок прослеживались в кладке внешнего щита южного отрезка юго-западной стены, где сохранилось семь горизонтальных рядов. Доски, лежащие горизонтально поперек стены, прослеживались между третьим и четвертым рядами кладки, а также между шестым и седьмым рядами. Аналогичные наблюдения были сделаны при исследовании трех крепостных стен Маяцкого городища (Афанасьев, 1977. С. 15–44; Афанасьев, Плетнёва, 1978. С. 4–23; 1979. С. 4–33; Афанасьев, 1980. С. 3–22; 1981. С. 3–38; 1982. С. 3–38).

Яркие параллели этому строительному приему мы находим в памятниках византийского зодчества. Там деревянные конструкции в постройках использовались не только для усиления опоры основания стен. Каменщики закладывали в стены деревянные балки с целью упрочить конструкцию на время, за которое раствор наберет достаточную прочность (Оустерхаут, 2005. С. 205–207). Применение деревянных армирующих конструкций в стенах византийских зданий находит свое теоретическое обоснование. Витрувий так писал об этом: «Затем, сквозь всю толщу стен должно как можно чаще закладывать брусья из обожженного масличного дерева, чтобы стена, связанная с обеих сторон этими брусьями, как скрепами, навеки сохраняла свою прочность: ибо такому лесу не могут повредить ни гниль, ни непогода, ни время, но он и зарытый в землю и погруженный в воду сохраняется без всякой порчи и остается всегда годным. Итак, это относится не только к городским стенам, но и к подпорным сооружениям, и все те их стены, которые должны строиться в толщину городских, будучи скреплены таким образом, не скоро подвергнутся разрушению» (Витрувий. Книга первая. Глава V, § 3).

Усиление стен деревом решало те же задачи, что и выравнивающие слои в каменной кладке, отмеченные Витрувием: «Кроме того, они [греки – Г.А.] вставляют через промежутки во всю толщу стены отдельные, с обеих сторон входящие в облицовку, камни, называющиеся у них *δατονοί*, которые, связывая стены, чрезвычайно укрепляют их прочность» (Витрувий. Книга вторая. Глава VIII, § 7). В Северном Причерноморье известны примеры, когда для связи кладки стен в них укладывались деревянные балки на высоте около 50–80 см от пола с одной или двух сторон. В этом отношении показательны раскопки Г.Д. Белова в северной части Херсонеса в 1931–1933 гг. (Белов, 1941. С. 27, 34), где были зафиксированы подобные армирующие стены деревянные пояса-связи в конструкциях зданий IX в.. Этот технический прием был довольно характерен и для Балкан, где скрытые в кладке стен византийских и болгарских крепостей, церквей и жилых строений деревянные конструкции не только армировали стены, но и осуществляли антисейсмические функции (Gavrilović, Kelley, Šendova, 2003. P. 63–69; Нешева, 2008. С. 43–337). В конструкции оборонительных сооружений этот же технический прием фиксируется и в некоторых раннесредневековых фортификационных объектах в Северной Африке. К примеру, в 1923 г. при исследовании северной оконечности крепостной сте-

ны Карфагена, в месте, где она ближе всего подходит к морю, была обнаружена землебитная стена шириной 5 м. Раскопками установлено, что основной строительный материал укладывался слоями толщиной в 40 см, которые разделяли прослойки древесного пепла (Pringl, 1981. P. 173) – остатки деревянных конструкций, армирующих стену. Строительный прием укреплять деревом стены из сырцового кирпича, самана или пахсы имеет глубокие исторические корни (Kemp, 2000. P. 89. Fig. 3, 4). В настоящее время он также рекомендуется к применению при возведении пахсовых зданий в зонах сейсмической опасности (Саидий, 2012. С. 5–24).

Общая толщина южной крепостной стены складывается из двух ее компонентов – ширины кирпичной стены и ширины забутованных глиной срубов. По И.И. Турбину, ширина кирпичной стены составляла 4 фута (1,22 м). Общая ширина 2-х городен срубной конструкции, по С.А. Плетнёвой, равна 3,2 м. Таким образом, толщина южной крепостной стены приближалась к 4,5 м (15 византийских футов)⁹. Если, имея в виду аналогии Маяцкого городища, допустить, что по первоначальным планам сруб должен был бы поддерживаться изнутри крепости такой же кирпичной стеной, как и с внешней стороны, то общая запланированная архитекторами толщина южной стены приближалась к 6 м (≈20 византийских футов). В этом случае она должна была быть равной ширине северной крепостной стены. Некоторые полевые наблюдения действительно указывают на вероятность того, что шла подготовка к возведению внутреннего кирпичного щита южной стены. С.А. Плетнёва зафиксировала в квадратах 9–12 уложенные для просушки сырцовые кирпичи, которые находились «в слое строительства крепости» (Плетнёва, 1963. С. 20–25). Если это действительно так, то можно говорить о том, что толщина южной и северной стен Алексеевского городища аналогична толщине стен Маяцкого городища – 6 м (≈20 византийских футов). Кроме того, она соответствует именно той толщине городских стен, которую рекомендуют позднеантичные архитекторы (Флавий Вегеций Ренат. Книга четвертая, § 2). Стены других хазаро-аланских городищ этого типа в бассейне Дона были тоньше. Толщина крепостных стен Красного и Левобережного Цимлянского городищ в основании составляет 3,86–3,9 м и 3,75 м (≈12 византийских футов) (Афана-

⁹ Автор использует размер византийского фута, предложенный П. Андервудом и Е. Шильбахом (Underwood, 1948. P. 64–74; Schilbach, 1970. P. 13–16).

сьев, Красильников, 2012. С. 204–225; Афанасьев, 2011. С. 108–119). Ширина стен Колтуновского городища – 3–3,2/4,5–4,6 м (10/15 византийских футов). К ним близки стены Правобережного Цимлянского городища толщиной, по В.С. Флёрову, в 4,5 м (\approx 15 византийских футов) (Флёров, Флёрова, 2008. С. 60). Иные параметры стены зафиксировал И.И. Ляпушкин – 4–4,8 м (13–15 византийских футов) (Ляпушкин, 1940. С. 58–62). Прослеженное С.А. Плетнёвой расстояние между внутренним и внешним разливами глинистой массы у юго-западной стены (слоя строительного мусора как индикатора границ внешнего и внутреннего фасов стены) (Плетнёва, 1994. С. 276) дают основание полагать, что она все же имела ширину от 4,7 м до 5,8 (более 15 византийских футов).

План и внутреннее пространство

У исследователей Алексеевского городища не было единого мнения о конфигурации этого памятника. В сведениях 1873 г. говорится о том, что оно имеет четырехугольную форму размерами 149,3×74,7 м. И.И. Турбин не сообщил о геометрической форме Алексеевского городища, но привел его размеры: восточный вал – 40 саж. (85,3 м), западный – 36,5 саж. (77,9 м), северный – 73,5 саж. (156,8 м), южный 68,5 саж (146,2 м). С.Н. Замятин считал, что и размеры, и форма укрепления совпадают с размерами и формой Маяцкого и Верхнеольшанского городищ, которые, по его данным, имели трапециевидный план и следующие метрические характеристики: первое – 113×83×94×79 м, второе – 94×85×102×101 м. Т.М. Олейник указывал длину городища в 73,6 саж. (157 м), ширину в восточной части в 40 саж. (85,3 м), а в западной в 36,5 саж. (77,9 м). Составленный им план иллюстрирует трапециевидную форму укрепления (рис. 3, а). С.А. Плетнёва писала, что памятник имеет правильную прямоугольную форму размерами 200×100 м (рис. 4, а). Проведенная мною компьютерная дешифровка аэрофотоснимка Алексеевского городища позволила в псевдоцвете выявить направления скрытых под толщей грунта крепостных стен (рис. 8). Их конфигурация позволяет поддержать точку зрения С.Н. Замятина о том, что геометрическая фигура Алексеевского городища более близка Маяцкому и Верхнеольшанскому городищам, хотя, разумеется, окончательный ответ на этот вопрос могут дать только раскопки. Анализ космического снимка Алексеевского городища (использовался снимок из Google earth) позволил с известной долей условности проверить и внешние параметры па-

мятника – $\approx 95:145$ м (рис. 6, б). Если эти величины близки к реальным, то разбитая архитекторами площадка под строительство форта имела размеры $\approx 300 \times 450$ византийских футов, а соотношения сторон площадки составляло 2:3, что соответствует рекомендациям Псевдо-Гигина о пропорциях стен при возведении полевых лагерей (Ле Боэк, 2001).

Дискуссионным остается вопрос о существовании башен в системе стен Алексеевского городища. С.А. Плетнёва думала, что она раскопала развал башни в северо-восточном углу крепости: «... мы произвели расширенную подчистку стенок немецкого блиндажа и окопа, подходящего к нему на северо-восточном углу крепости. В результате подчистки мы получили разрез развала угловой башни и примыкавшей к ней сырцовой стены ... Сохранился развал только нижнего этажа башни. От стен остались две канавки в профиле, заполненные сейчас глиной. Расстояние между ними, т.е. ширина башни – 3,8 м /ширина внутреннего пространства 2,7 м/. Внутри башни проходила лестница, перегнившие ступени которой также прослежены в профиле /ширина ступеней 0,35–0,4 м, высота 0,15 м/. С внешней стороны низ башни был подсыпан валом» (Плетнёва, 1963. С. 24). Описанная ситуация не может являться доказательством наличия в северо-восточном углу крепости башни, от которой, якобы, сохранились только канавки основания стен. Приступая к полевым исследованиям С.А. Плетнёва не учла, что задолго до нее и до посещения Т.М. Олейникова этого объекта в 1927 г. в северо-восточном углу городища уже фиксировались следы «кем-то сделанного здесь незначительного колодца» (Олейников, 1927. С. 4). Следующий этап деструктивного вмешательства связан с раскопками в этом же месте самого Т.М. Олейникова, когда он открыл кирпичную кладку стены. И, наконец, в годы Великой Отечественной войны там же был устроен блиндаж, в котором соединялись окопы, устроенные вдоль внутреннего ската северного и восточного валов городища. Так что физическое состояние внутреннего северо-восточного угла Алексеевского городища никак не могло сохранить достоверную информацию о его первичных конструктивных элементах. Да и само расположение башни с внутренней стороны угла крепости характерно для устройства ранних римских лагерей (Ле Боэк, 2001), но никак не для развитой фортификационной архитектуры раннего Средневековья. Наконец, расположение внутренней башни на углу крепости со стороны, защищенной крутым склоном береговой террасы

и самой рекой, лишено фортификационного смысла. Более обнадеживающими выглядят сведения И.И. Турбина о том, что с внешней стороны к южной крепостной стене примыкала кладка шириной 4,27 м (≈ 14 византийских футов), сложенная из сырцовых блоков. Он полагал, что это или основание башни, фланкирующей куртины южной стены, или основание так называемого «быка» – опоры для моста через крепостной ров (Турбин, 1926. С. 2). Действительно, в пользу предположения о наличии там фланкирующей южные куртины башни может свидетельствовать не только само место нахождения остатков пристройки, но и ее размеры, которые близки характеристикам (в 15 византийских футов) промежуточных башен Левобережного Цимлянского городища (Раппопорт, 1959. С. 9–39). На такое же расстояние (≈ 15 византийских футов) выступает за внешний фас крепостной стены юго-восточная башня Правобережного Цимлянского городища (Флёров, 1994. С. 447). Промежуточная башня северной стены того же городища (Плетнёва, 1994. С. 277) имела размеры 5,75×4,4 м. Иные размеры иллюстрируют остатки башни в раскопе И.И. Ляпушкина – 5,75×3,6 м (Ляпушкин, 1940. С. 58–62).

Все исследователи Алексеевского городища упоминали внутреннюю стену, разделяющую памятник на две части. В сведениях 1873 г. сообщается, что «по середине проходит небольшой вал» (Сведения..., 1896. С. 300). И.И. Турбин уточнил, что он расположен на расстоянии 31 саж. (66,1 м) от восточной стены городища и скрывает такую же [кирпичную – Г.А.] стену. Это подтверждает в своем отчете и Т.М. Олейников, когда пишет, что кладка внутреннего вала хорошо заметна на распаханной поверхности городища (Турбин, 1926. С. 4–7; Олейников, 1927. С. 1–7). Кроме внутренней разделительной стены авторы отмечают и расположенные в восточной половине городища следы кирпичного здания. По мнению И.И. Турбина, оно располагалось посередине восточной котловины. Он допускал, что это остатки храма или наблюдательной вышки. Последнюю функцию здания поддерживал и Т.М. Олейников, но в отличие от своего предшественника он размещал это сооружение в 5 арш. (3,56 м) от юго-восточного угла городища (Турбин, 1926. С. 4–7; Олейников, 1927. С. 1–7). Компьютерная дешифровка аэрофотоснимка показывает, что там действительно четко выделяется внутренняя стена, разделяющая городище на две равные части. Хорошо просматриваются и остатки кирпичной постройки, расположенной в районе внутреннего юго-восточного угла крепости (рис. 8).

Кроме бросающихся в глаза возвышений, на территории Алексеевского городища отмечались и западины. Т.М. Олейников упоминал одну западину в западной половине городища и две западины в восточной. С.А. Плетнёва в раскопе, разбитом в восточной части городища, обнаружила два пятна полуземлянок – в квадратах 11–12 и в квадрате 14. Последняя была частично раскопана. Темное пятно ямы, размером 6,5×3,95 м и вытянутое по линии 3–В, хорошо просматривалось на фоне желтого глинистого материка. В результате вскрытия ее западной половины было установлено, что глубина постройки составляла около 1 м от поверхности материка. На уровне пола обнаружены несколько обломков обожженных кирпичей и два мелких фрагмента керамики с зеленой глазурью (Плетнёва, 1962. С. 23). Не располагая информацией своих предшественников – И.И. Турбина, С.Н. Зяматнина и Т.М. Олейникова о том, что при строительстве в кладке крепостных стен Алексеевского городища использовался обожженный кирпич, исследовательница посчитала, что найденные в полуземлянке обломки обожженного кирпича должны обязательно относиться к XVII–XVIII вв. Этот вывод она пыталась подкрепить и ссылкой на то, что и зеленая полива на фрагментах посуды якобы должна указывать исключительно на XVIII в., хотя химический анализ состава глазури сделан не был. Последний аргумент С.А. Плетнёвой также не может быть принят, если вспомнить, что византийские сосуды с зеленой поливой IX–X вв. хорошо известны в Северном Причерноморье (Макарова, 1972. С. 5–8; Пономарёв, 2013. С. 440–461), откуда они попадали в земли Хазарского каганата и далее в Древнюю Русь наряду с другими категориями северо-причерноморского экспорта, найденными на территории Алексеевского селища – амфорами, красноглиняными кувшинами и т.д. Все это заставляет усомниться в правильности предложенной С.А. Плетнёвой датировки XVII–XVIII вв. не докопанной полуземлянки в квадрате 14 Алексеевского городища.

Датировка

В отчете Т.М. Олейникова можно найти упоминание о том, что в районе Алексеевского городища когда-то обитали хазары (Олейников, 1927. С. 1–7). Своих аргументов он не изложил и можно думать, что эта точка зрения базировалась на основе общих представлений российских историков XIX – начала XX в. об этнополитической ситуации в регионе. Тогда были распространены

ны уже прочно сложившиеся взгляды на хазар, как обитателей в IX–X вв. «дикого поля» на обширной территории к югу от Харькова и Воронежа и далее к Волге, Крыму и Кавказским горам (Веселовский, 1866. С. 3; Вейнберг, 1885. С. 7–11; 1891. С. 59–72; Ефименко, 1906. С. 15; Грушевский, 1911. С. 273–280; Багалей, 1914. С. 188–190). Показательно, что, когда воронежский священник С.Е. Зверев задал научному сообществу вопрос: кто же обитал на Маяцком городище, то Д.Я. Самоквасов без колебаний ответил – хазары (Захарова, 2010. С. 13–22). Стратиграфическая ситуация на Алексеевском городище была прослежена С.А. Плетнёвой, которая выделила там три культурных слоя. Нижний, перекрывающий материковую поверхность, содержал материалы салтовской культуры. Второй слой – это период строительства крепости. Он хорошо фиксировался прослойкой натопанной глины, образовавшейся в процессе возведения кирпичных стен на глиняном растворе. Никаких материалов для датировки XVII–XVIII вв. слоя строительства обнаружено не было. И это обстоятельство С.А. Плетнёва особо подчеркивала, объясняя его тем, что крепость, вероятно, существовала очень непродолжительное время. Самый верхний слой – это современный дерн. Зачистка бровки западины у северной стены показала, что крепость была возведена на культурном слое салтовского времени (Плетнёва, 1962. С. 20–25). Возникает вопрос: когда? Приведенные параллели строительным материалам и приемам, конструкциям основания и стен, параметрическим характеристикам и метрологии Алексеевского городища показывают, что все они хорошо вписываются в хазаро-аланское кирпичное и каменное фортификационное зодчество в бассейне Дона, имеющее византийские истоки. Этому времени соответствует и радиоуглеродная дата образца бревна из Алексеевского городища – 767–847 гг., которая в рамках четвертого десятилетия IX в. синхронна с радиоуглеродной датой основания Маяцкого городища – 809–891 гг., синхронна с младшей монетой (813 г.) из клада Правобережного Цимлянского городища (учитывая поправку на возможное хождение монеты), а также синхронна строительной миссии спафарокандидата Петроны Каматира в Хазарию для возведения Саркела – 834–837 гг. (Продолжатель..., 1992. С. 56–57). Таким образом, вывод С.Н. Замятнина о принадлежности Алексеевского городища носителям салтовской культуры получает убедительное подтверждение. Есть все основания полагать, что этот памятник являлся важным

звеном в цепи типологически близких ему фортификационных сооружений, воздвигнутых в 30-х гг. IX в. под руководством византийских специалистов в рамках мероприятий по укреплению государственных границ Хазарского каганата (Афанасьев, 1987. С. 88–142; Седов, 1999. С. 74) в долине Тихой Сосны, на землях донских алан (буртасов) и на Нижнем Дону, в зоне этнической территории собственно хазар. Примечательно, что в это же время (837/838 гг.) в Хазарском каганате начинается специальный выпуск собственных монет с упоминанием в легенде страны Хазар и имени пророка Моисея (Kovalev, 2005. Р. 220–252). Все это является отражением нацеленных на государственную самоидентификацию сложных процессов кардинальных изменений во внешней и внутренней политике и в конфессиональных постулатах, которые проходили в Хазарском каганате в 30–40-х гг. IX в.

Оценивая научное заключение С.Н. Замятина об Алексеевском городище, следует особо отметить, что написанный им проект ответа ГАИМК на письмо И.И. Турбина свидетельствует о том, что именно он был первым, кто в 1926 г. сформулировал само понятие «салтовская культура» в качестве научно-исследовательского инструмента. В том же году оно фигурирует в официальном письме ГАИМК в адрес Воронежского музея, а несколько позже этот термин использует в своем отчете в ГАИМК Т.М. Олейников (ранее считалось, что это понятие ввел в научный оборот Ю.В. Готье в 1927 г.). С.Н. Замятин хорошо известен нам как крупнейший специалист по палеолиту СССР, но на раннем этапе своей научной деятельности сфера его интересов охватывала практически все, что связано с историей Воронежского края (Бухтоярова, 2007. С. 9–12). Заметный след он оставил и в области салтовской археологии – обследование Верхнеольшанского городища (Замятин, 1921б. С. 35–39), раскопки катакомбного могильника у х. Подгоровки (Плетнёва, 1962. С. 241–251; Ляпушкин, 1961. С. 204–211). Из текста проекта письма ГАИМК в адрес И.И. Турбина, рукописной приписки к нему и текста письма ГАИМК в Воронежский музей складывается впечатление, что С.Н. Замятин вкладывал в термин «салтовская культура» следующий смысл:

а) общность строительной техники Верхнесалтовского, Верхнеольшанского, Маяцкого и Алексеевского городищ, несмотря на разницу в строительных материалах (обработанные меловые и песчаные каменные блоки, сырцовый и обожженный кирпич), из которых были сооружены их крепостные стены;

б) сходство погребальных сооружений (катакомбы) Верхнесалтовского, Подгоровского и Маяцкого могильников;

в) сходство основных категорий керамических комплексов (лощенные кувшины и кухонные горшки) Верхнесалтовского, Верхнеольшанского, Маяцкого городищ.

В его понимании, салтовская культура охватывала узкую полосу лесостепной зоны Донецко-Донского междуречья между с. Верхний Салтов и х. Дивногорье, а для ее изучения он кратко сформулировал собственную научную программу, которая включала исследование Алексеевского, Верхнеольшанского, Маяцкого городищ, раскопки Подгоровского и Маяцкого катакомбных могильников, разведки с задачей поиска новых памятников этой культуры. Уже тогда у молодого исследователя сложилась убежденность в том, что реконструкция исторической ситуации в регионе Среднего Дона на базе археологических источников салтовской культуры неразрывно связана с решением Северо-Кавказской экспедицией, которой в те годы руководил А.А. Миллер, сходных проблем на Нижнем Дону. Можно предполагать, что трагические события конца 20 – начала 30-х годов прошлого века (расстрел Г.В. Ерёмченко, аресты Г.Н. Яковлева, Т.М. Олейникова и А.А. Миллера) повлияли на продолжение исследовательских работ по этой тематике в бассейне Среднего Дона. Спустя девять лет высказанная С.Н. Замятниным мысль о салтовской археологической культуре на Среднем Дону и ее возможных связях с синхронной материальной культурой населения Нижнего Дона получила дальнейшее развитие и некоторую понятийную трансформацию в концептуальной статье М.И. Артамонова «Средневековые поселения на Нижнем Дону», которая на многие десятилетия определила направление развития раннесредневековой археологии бассейна Дона в контексте истории населения Хазарского каганата (Артамонов, 1935. С. 3–117).

Архивные источники

Афанасьев Г.Е. Работы на Маяцком городище // Отчет о работе Советско-Венгерской экспедиции в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6959.

Афанасьев Г.Е. Исследование Маяцкого городища // Отчет о работе Советско-Венгеро-Болгарской экспедиции о работах на Маяцком городище в 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8154.

Афанасьев Г.Е. Раскопки в центральной части цитадели // Отчет о работе Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции ИА АН СССР в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9055.

- Афанасьев Г.Е.* Раскопки на территории городища // Отчет о работе Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции в 1982 году. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8946.
- Афанасьев Г.Е., Плетнёва С.А.* Отчет о работе на территории Маяцкого городища (крепости) в 1978 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7207.
- Афанасьев Г.Е., Плетнёва С.А.* Раскопки крепости // Отчет о работе Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции в 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7583.
- Олейников Т.М.* Отчет за 1927 г. о раскопках около Дмитровского городища Воронежской губ. // РО НА ИИМК. Ф. 2. 1927. Д. 208.
- Плетнёва С.А.* Отчет Северо-Донецкого отряда Нижне-Донской экспедиции о работах летом 1962 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2471.
- Турбин И.И.* Заявление о городищах в Воронежской губернии. // РО НА ИИМК. Ф. 2. 1926. Д. 163.

Литература

- Артамонов М.И.* Средневековые поселения на Нижнем Дону: по материалам Северо-Кавказской экспедиции. Л, 1935. (ИГАИМК. Вып. 131)
- Афанасьев Г.Е.* Памятники салтово-маяцкой культуры в долине р. Тихая Сосна // Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н.э. Воронеж, 1983. С. 89–101.
- Афанасьев Г.Е.* Перспективы применения методов аэрокосмического зондирования в археологии // КСИА. Вып. 210. 1993а. С. 14–25.
- Афанасьев Г.Е.* Донские аланы. М, 1993б.
- Афанасьев Г.Е.* Кто же в действительности построил Левобережное Цимлянское городище? // РА. 2011. № 3. С. 108–119.
- Афанасьев Г.Е.* О строительном материале и метрологии хазаро-аланских городищ бассейна Дона // Поволжская археология. 2012. № 2. С. 29–49.
- Афанасьев Г.Е.* Эволюция теоретико-методического подхода к изучению Маяцкого городища // Дивногорский сборник. Труды музея – заповедника «Дивногорье». Вып. 3. Воронеж, 2012. С. 93–122.
- Афанасьев Г.Е.* Колтуновское (Олександрово) городище хазарского времени (к проблеме истоков архитектуры и строительных приемов) // Салтово-маяцка археологічна культура: проблеми та дослідження. Вип. 3. Харків, 2013. С. 24–44, 144–147.
- Афанасьев Г.Е., Красильников К.И.* Византийские архитектурные и строительные традиции в фортификации Красного городища // Проблемы археологии Кавказа. Вып. 1. М., 2012. С. 204–225.
- Багалей Д.И.* Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ. // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Т. 2. Вып. 1. Харьков, 1890.
- Багалей Д.И.* Русская история. Т. 1. Княжеская Русь (до Иоанна III). М., 1914.
- Белов Г.Д.* Раскопки в северной части Херсонеса в 1931–1933 гг. // Археологические памятники Боспора и Херсонеса. М.; Л., 1941. С. 202–267. (МИА. № 4)
- Белов Г.Д.* Западная оборонительная стена и некрополь возле нее // Археологические памятники юго-западного Крыма. М.; Л., 1953. С. 237–254. (МИА. № 34)
- Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф., Якобсон А.Л.* Квартал XVIII (Раскопки 1941, 1947 и 1948 гг.) // Археологические памятники юго-западного Крыма. М.; Л., 1953. С. 160–236. (МИА. № 34)

- Биджиев Х.Х.* Хумаринское городище. Черкесск, 1983.
- Бухтоярова И.М. С.Н.* Замятнин (1899–1958) – выдающийся археолог Воронежского края // Научные труды преподавателей и студентов исторического факультета. Вып. 2. Воронеж, 2007. С. 9–12.
- Веселовский Г.М.* Воронеж в историческом и современно-статистическом отношениях. Воронеж, 1866.
- Вейнберг Л.Б.* Воронежский край. Исторический очерк. Вып. 1. Воронеж, 1885.
- Вейнберг Л.Б.* Очерк замечательнейших древностей Воронежской губернии. Воронеж, 1891.
- Витрувий.* Десять книг об архитектуре. М., 2006.
- Герцен А.Г.* Система оборонительных сооружений Мангупа: дис. ... канд. ист. наук. Симферополь, 1984.
- Голофаст Л.А.* Градостроительный облик Херсона в XIII в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XV. Симферополь, 2009. С. 275–377.
- Городцов В.А.* Руководство для археологических раскопок. М., 1914.
- Грушевский М.* Киевская Русь. Т. 1. Введение. Территория и население в эпоху образования государства. СПб., 1911.
- Ефименко А.Я.* История украинского народа. СПб., 1906.
- Ёлишин Д.Д.* Комплекс монументальных сооружений конца X в. на Старокиевской горе: археологический, историко-архитектурный и градостроительный аспекты: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008.
- Замятнин С.Н.* По поводу археологической карты Воронежской губернии // Воронежский историко-археологический вестник. Воронеж, 1921а. № 1. С. 43–47.
- Замятнин С.Н.* Археологические разведки в Алексеевском и Валуйском уездах // Воронежский историко-археологический вестник. Воронеж, 1921б. № 2. С. 35–39.
- Захарова Е.Ю.* Археологическая деятельность С.Е. Зверева // Вестник ВГУ. Серия: история, политология, социология. 2010. № 1. С. 13–22.
- Колода В.В.* Рецензия: Флёров В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М.; Иерусалим. 2011 // Харьковский историко-археологический ежегодник «Древности 2012». Вып. 11. Харьков, 2012. С. 352–358.
- Косцюшко-Валюжинич К.К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 году // Известия ИАК. Вып. 16. СПб., 1905. С. 37–110.
- Кузнецов В.А.* Нижний Архыз в X–XII веках. Ставрополь, 1993.
- Ле Боэк Я.* Римская армия эпохи ранней империи. М., 2001 // <http://www.roman-glogy.com/le-boeck-strategiya>
- Липатов А.А.* Византийские традиции в строительном производстве Древней Руси: строительные растворы, стены, фундаменты: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006.
- Литовченко А.* О реконструкции гробничного мавзолея Св. Василия из византийского Херсона // Каразінські читання: тези доповідей 63-й Міжнарод. Наук. конф. Харків., 2010. С. 205.
- Ляпушкин И.И.* Раскопки Правобережного Цымылянского городища // КСИИМК. Выпуск 4. 1940. С. 58–62.
- Ляпушкин И.И.* Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. М.; Л., 1961. (МИА; № 104)

- Макарова Т.И. Поливная керамика в Древней Руси. М., 1972.
- Макарова Т.И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. VI. Симферополь, 1997. С. 344–393.
- Майнов В.Н. Остатки засечно-сторожевой линии в пределах Воронежской губернии // Древняя и Новая Россия. 1875. № 5. С. 59–77.
- Нешева В. Богозданият град Мелник. София, 2008.
- Николаева Э.Я. Поселение у д. Ильич // КСИА. Вып. 168. 1981. С. 88–92.
- Ноздрин Р. Слобода Алексеевка Бирюченского уезда (черты из истории слободы и ее современного быта) // Памятная книжка Воронежской губернии. 1905 г. (отдел III). Воронеж, 1905. С. 33–48.
- Оустерхаут Р. Византийские строители. Киев–Москва, 2005.
- Паромов Я.М. Таманский полуостров // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья. IV–XIII века. М., 2003. С. 146–170.
- Плетнёва С.А. Подгоровский могильник // СА. 1962. № 3. С. 241–251.
- Плетнёва С.А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху Средневековья. Археология СССР. М., 1981. С. 62–75.
- Плетнёва С.А. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. IV. Симферополь, 1994. С. 271–396.
- Плетнёва С.А. Очерки хазарской археологии. М.; Иерусалим. 2000.
- Пономарёв Л.Ю. Двухкамерные жилища (дома – пятистенки) салтово-маяцких поселений Керченского полуострова // Нартекс. Byzantina Ukrainensis. Харьков, 2013. Т. 2. С. 440–461.
- Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. М., 1992.
- Рабовянов Д. Извънстоличните каменни крепости на Първато Българско царство (IX – началото на XI в.). София, 2011.
- Ратпопорт П.А. Крепостные сооружения Саркела. М., 1959. С. 9–39. (МИА. № 72)
- Романчук А.И. Раннесредневековая строительная керамика Херсонеса // ВВ. 1976. Т. 37. С. 156–159.
- Саидий С.А. Как построить сейсмостойкий дом. Ташкент, 2012.
- Сведения 1873 г. о городищах и курганах // ЗРАО. Т. VIII. Вып. 1–2. Новая серия. Труды отделения русской и славянской археологии. Книга первая. СПб., 1896. С. 237–312.
- Свицтун Г.Е. К вопросу о строительном материале и архитектуре салтовских лесостепных городищ бассейна Северского Донца // Харьковский археологический сборник. Вып. 2. Харьков, 2007. С. 40–58.
- Свицтун Г.Е. Фортификация городища Верхний Салтов // Степи Европы в эпоху Средневековья. Т. 7. Донецк, 2009. С. 459–478.
- Седов В.В. Древнерусская народность. М., 1999.
- Сокольский Н.И. Крепость на городище у хутора Батарейка I // СА. 1963. № 1. С. 179–191.
- Сокольский Н.И. Крепость на поселении Батарейка II // КСИА. Вып. 109. 1967. С. 112–114.
- Сорокопуд С., Филоненко А. О подводных археологических разведках в акватории Севастополя // Vita Antiqua. 1999. Вып. 1. С. 71–74.
- Токаренко С.Ф. Технология изготовления кирпичей Семикаракорской крепости. Опыт реконструкции // Степи Европы в эпоху Средневековья. Т. 7. Донецк, 2009. С. 535–542.

- Фирсов Л.В.* Исары. Очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма. Новосибирск, 1990.
- Флавий Вегеций Ренат.* Краткое изложение военного дела // ВДИ. 1940. № 1. С. 231–293.
- Флёров В.С.* Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок в 1987–1988, 1990 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. IV. Симферополь, 1994. С. 441–516.
- Флёров В.С.* «Семикаракоры» – крепость Хазарского каганата на Нижнем Дону // РА. 2001. № 2. С. 58–67.
- Флёров В.С., Флёрова В.Е.* Правобережная Цимлянская и Маяцкая крепости: сравнение планов и технологий // Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья и кочевники Южно-Русских степей в эпоху раннего Средневековья. Воронеж, 2008. С. 59–61.
- Флёров В.С.* «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М.; Иерусалим. 2011.
- Фомин М.В., Шевцова А.А.* Центрические храмы византийского Херсона // <http://theatron.byzantion.ru/topic.php?forum=12&topic=121&start=4>.
- Băjencaru C.* Minor fortification in the Balkan–Danubian area from Diocletian to Justinian. Cluj–Napoca. 2010.
- Gavrilovič P., Kelley S., Šendova V.* A Study of Seismic Protection, Techniques for the Byzantine Churches in Macedonia // APT Bulletin. 2003. Vol. 34. № 2/3. P. 1–9.
- Pringle D.* The Defence of Byzantine Africa from Justinian to the Arab Conquest (An account of the military history and archaeology of the African provinces in the sixth and seventh centuries). BAR International Series 99 (i). 1981.
- Kemp B.* Soil (including mud–brick architecture) // Ancient Egyptian Materials and Technology. Cambridge, 2000. P. 78–103.
- Kovalev R.* Creating Khazar Identity through Coins: The Special Issue Dirhams of 837/8 // East Central and Eastern Europe in the Early Middle Ages. The University of Michigan Press, 2005. P. 220–252.
- Schilbach E.* Byzantinische Metrologie. München, 1970.
- Underwood P.A.* Some Principles of Measure in the Architecture of the Period of Justinian. // Cahiers Archéologiques. III. 1948. P. 64–74.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ В РОССИИ: ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ ФАЗЫ РАЗВИТИЯ, ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹

© 2015 г. С.П. Щавелёв

Курский государственный медицинский университет

Ключевые слова: гуманитарные науки, краеведение, архивные комиссии, археологические съезды, Академия наук, Центральное бюро краеведения, археологические исследования, издательская деятельность, политические репрессии

Статья посвящена истории краеведения в России, изложению особенностей этого процесса в различные периоды, начиная с XIX века и до современности. Авторы анализируют научное и культурное значение исторического краеведения, последствия воздействия политических доктрин и социальных условий на краеведческую деятельность, высказываются предположения о ее дальнейшей судьбе.

«Краеведы были в восторге. Разных крынок и прялок они собрали уже великое множество. А теперь... Теперь им подалось нечто выдающееся. Волчий приёмш... Наконец-то что-то настоящее, что-то живое! О волчьем приёмше можно даже в газету написать. Таким образом, из них, краеведов, могут когда-нибудь получиться настоящие учёные! ... Муфта понял, что краеведам невозможно что-либо объяснить. ... Краеведы заинтересованы в открытии чего-то необычайного, и теперь они считали: такое открытие было ими сделано».

Эно Рауд.
Муфта, Полботинка
и Моховая Борода

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-33-01018 «Духовная практика как философская проблема: онтологические, эпистемологические, аксиологические аспекты».

Как известно, к рубежу XIX–XX вв. в России сложилась своеобразная организация гуманитарной науки, включая археологию (Формозов, 1986; Тункина, 2002; Платонова, 2010; Смирнов, 2011; Тихонов, 2013). Одной из примечательных сторон этой организации было сотрудничество дипломированных специалистов и любителей – в столь впечатляющих масштабах, которых, пожалуй, не знали за пределами России. У более или менее профессиональных ученых из Академии наук и университетов имела сеть разветвленная сеть добровольных помощников на местах – в большинстве губернских, в отдельных уездных городах и даже кое-где на селе. Это были представители чиновничества, учительства, духовенства, сельских хозяев-помещиков, деятелей земства, расквартированного там и сям офицерства и тому подобных общественных групп. В разной степени присущий всем им дилетантизм чаще всего не мешал самоотверженной, на общественных началах выполняемой работе по сбору различных древностей, а также сведений о памятниках старины. В ту пору никто из них не называл себя «краеведом». Они считали себя любителями истории, этнографии, фольклористики, архивного дела, археологии. Хотя по сути они занимались именно тем, что в 1920-е гг. получит название «краеведение».

Вопрос о научном и культурном значении исторического краеведения сложен, деликатен и запутан в нашей историографии. Оценки соответствующего общественного явления колеблются в широком диапазоне. Многие представители университетской и академической науки относились и относятся к своим добровольным и бескорыстным помощникам из провинции с иронией, если не с пренебрежением. Воронежец С.Н. Введенский на следствии в ГПУ в 1931 г. показывал: «В области краеведческой работы можно отметить участие в ней только профессора Невзорова; остальные профессора [Воронежского университета] были к краеведению совершенно равнодушны, считая его каким-то бесполезным и ненужным придатком к науке, а не наукой» (ГАОПИ. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 16967. Л. 160 об.).

Таково, надо признать, господствующее мнение дипломированных специалистов. Поищите профессионала, который бы не относился к дилетантам в своей узкой сфере без иронии, а то и вражды... В точных, естественных науках с их очень сложным формально-математическим аппаратом отчуждение от самозванцев вполне понятно. Время изобретателей «вечного двигателя» давно прошло. Что же касается наук гуманитарных и отчасти наук

о жизни (как они стали называться в наши дни), то здесь роль любителей сложнее. Ведь соответствующие источники если и не доступнее для истолкования, то по крайней мере подлежат поиску, сбору и хранению не только специалистами. Рукописи и старопечатные книги, предметы старинного быта, случайные археологические находки. Монументальные памятники старины, которым угрожает разрушение. Устное народное творчество, безвозвратно умирающее вместе с исполнителями. Уникальные природные ландшафты, их экосистемы. Здесь есть, где приложить усилия практически любому желающему. Игнорируя поиски краеведов, замалчивая их достижения, кастовые ученые порой заимствуют их находки, а то и идеи без ссылки на первооткрывателей.

В других случаях краеведческое движение наоборот превозносилось как проявление народной, земской инициативы, высокое служение науке и просвещению (Шмидт, 1997; Бердинских, 2003). В столь высоких оценках имела доля истины. Представители губернских статистических комитетов, губернских ученых архивных комиссий, церковно-исторических обществ, земских музеев и тому подобных организаций, будучи новичками, учениками в научной работе, как правило, стремились овладеть правильной в свое время методикой раскопок, фиксации находок. Они довольно тесно сотрудничали с академическими и университетскими центрами в Москве, Санкт-Петербурге и других университетских городах.

Специалисты из университетских центров, начиная с Москвы и Петербурга, их периодически консультировали, инструктировали на раскопках и музейных выставках, в архивах. Всероссийские, а затем и областные археологические съезды объединяли и ученых, и любителей, и меценатов – общественных деятелей, и представителей власти. Ведь и сами ученые археологи в то время только формировали идейную и методическую парадигму своих занятий древностями и поэтому не слишком далеко опережали самостоятельных ревнителей отечественного прошлого.

Любителей старины объединяло патриотическое стремление лучше узнать прошлое своей родины и распространить это знание в народе. Но у представителей разных сословий и общественных групп имелись и некоторые отличия в их археологической мотивации. Чиновничье, офицерское и особенно помещичье дворянство первым начало заниматься археологией (в тогдашнем широком смысле этого слова – как «древлеведением» вообще). К разным «антикам», собирательству предметов старины дворян

подталкивал и опыт зарубежных вояжей с обязательным посещением музеев и раскопок, и установка императорской власти (начиная с Николая I) проследить глубинные истоки российской государственности, и культуртрегерское отношение к зависимым от них крестьянам. Для стремительно набиравшего свой общественный вес купечества личные музеи и пожертвования на охрану памятников стали одной из козырных карт в игре на повышение своего социального статуса. Духовенство в ходе реформ Александра II получило право отдавать своих детей не только в духовные семинарии, но и в императорские университеты и прочие светские учебные заведения. Этим правом воспользовались не только священники да причетчики, но и прочая «мелкая сошка» из низов служилого класса и даже зажиточного крестьянства. Так возникла и быстро росла разночинческая интеллигенция, из среды которой вышло больше всего краеведов (Формозов, 2008. С. 7).

Рядовые заседания всякой ученой архивной комиссии, либо другого похожего общественного комитета любителей старины объединяли и высших чиновников губернии (порой вплоть до самого губернатора или вице-губернатора), и гимназических учителей, священнослужителей, офицеров, действующих и отставных, получивших образование разночинцев. Вместе они решали вопросы проведения раскопок, устройства музеев, описания архивов... Представить себе такое впоследствии, в наши дни уже невозможно. А ведь это и были своего рода ячейки гражданского общества.

Показателем доброкачественности тогдашнего любительства в гуманитарных исследованиях стала целая плеяда выдающихся историков, археологов, этнографов, фольклористов, которые начинали накануне и сразу после революции именно в качестве краеведов, как, скажем, А.А. Спицын и Д.К. Зеленин в Вятке, В.А. Городцов на Рязанщине, П.С. Рыков и В.И. Стрельский в Курске, С.Н. Замятнин и М.Е. Фосс в Воронеже, и еще многие другие светила русской и советской науки. Правда, среди губернских и уездных любителей изучать прошлое родного края большинство составляли, конечно, куда более скромные фигуры. Встречались там и акцентированные чудачки плюшкинского типа. Но у большинства имелось настоящее образование – гимназическое, университетское или богословское. Не только историко-филологический да юридический факультеты дореволюционных университетов, но и военные, инженерные, коммерческие институты, училища давали своим студентам глубокие и широкие знания древних и новых

языков, истории мировой и русской культуры. Возможность периодических поездок в университетские центры страны и за границу насыщала академическое общение любителей и специалистов, тиражировала лучший опыт архивной, музейной, библиотечной работы.

Для такой громадной империи, как Российская, к тому же только начинавшей свою комплексную модернизацию европейского типа, ничем было ни организовать и ни оплатить работу профессиональных гуманитариев разных специальностей по всем ее градам и весям. На просторах такой страны никогда не хватало и никогда не хватит дипломированных кадров. А любители археологии и всей прочей старины находились повсюду. Они-то в меру сил и выявляли, собирали, описывали местные памятники истории и культуры. Таким образом, любительская историография накануне революции составляла необходимую и в общем полезную питательную среду академической науки и просветительской практики.

Разумеется, краеведческая активность совсем не отменяла для нашей страны необходимости развития профессиональных институтов гуманитарных наук – учебных, научно-исследовательских, музейно-лабораторных. Никакие краеведы не могли полностью заменить архивистов, археологов, филологов, искусствоведов, этнографов, антропологов, музейных работников и прочих гуманитариев со специальной подготовкой. Краеведы без ученых подобны маленькому ребенку, оставшемуся без взрослых. Известная критика ученых архивных комиссий Д.Я. Самоквасовым лишней раз это продемонстрировала. Но патриарх русской археологии осуждал прежде всего ту ситуацию, когда правительство прикрывало деятельностью кружков любителей старины кричащий дефицит средств для содержания государственных архивов, факультетов, музеев. А самим комиссиям тот же самый профессор Самоквасов активно помогал – личными деньгами, печатными изданиями, консультациями, участием в раскопках (Щавелёв, 1998. С. 156–159; Археология..., 2007).

Итак, в силу особых условий становления и развития русской науки (гигантские размеры территории страны, слабое финансирование, некоторое отставание от западноевропейских стандартов научной организации, имперская идеология правящих классов и неонародническая идеология интеллигенции, патриархальный менталитет основного населения – крестьянства), сочетание про-

фессионализма и любительства, по крайней мере в гуманитарных дисциплинах, получилось вполне закономерным и в целом плодотворным.

Все изменилось после октября 1917 года. Ученое сословие разом потеряло свой престиж и даже материальные условия существования. «Бывших» специалистов массово выселяли, увольняли, лишали избирательных и других прав, высылали и арестовывали. Большинство академических центров, курировавших провинциальных помощников, перестало существовать (археологические общества, комиссии, институты и тому подобные). А те, что сохранились (Академия наук, университеты) были целиком поглощены собственной перестройкой на новый лад. Ученые архивные комиссии и тому подобные объединения на местах перед закрытием потеряли большую часть своих самых активных членов – те вынуждены были эмигрировать, либо остаться, но затаиться, отказаться от любой общественной деятельности. Напротив, у всякого рода разночинцев доступ к ценностям науки и культуры расширился. Их фигуры не так резко контрастировали с новой революционной властью, как профессора, офицеры да священники. Уже по одному этому обстоятельству – понижению общего уровня кадров – *первые советские объединения краеведов* не могли существенно превзойти достижений своих непосредственных предшественников. Однако некоторая преемственность тут сохранилась, и кадровая, и организационная, а общественно-политические условия до поры до времени благоприятствовали краеведческой работе. Она подавалась и представлялась в качестве слагаемого «культурной революции» – приобщения пролетариата и крестьянства к грамоте и вообще просвещению. Новые столичные центры краеведческой работы – Народный комиссариат просвещения, Центральное бюро краеведения оказывали какую-то методическую поддержку местным объединениям, пытались координировать и направить их работу, но уже не обладали для этого должным научным, академическим потенциалом, и к тому же сами находились под сильнейшим давлением большевистской политики и идеологии. Отсюда первое поколение советских краеведов налегало в основном на просветительскую, школьно-учебную и агитационную работу, в гораздо меньшей степени занималось научными исследованиями, обработкой музейных коллекций и раскопками. Их основная заслуга – спасение какой-то части культурных ценностей из пламени Гражданской войны и последовавшей разрухи в стране.

В общем, времени и денег на реальную краеведческую работу советским любителям истории и природы родного края было отпущено слишком мало. Например, весьма типичное в своем роде курское краеведческое общество за все десять лет своего существования успело провести одни-единственные раскопки (роменского кургана на окраине города) да пару экскурсий со сборами подъемного материала (Щавелёв, 2002. С. 26–27). 99 % экспонатов и фондов археологической части их музея осталось от коллекций, накопленных Ученой архивной комиссией. Единственное появление столичных археологов в этот период на курской земле было связано со случайной находкой богатейшего погребения эпохи Великого переселения народов в районе р. Суджи, место которого шурфовали (безрезультатно) специалисты из Государственного исторического музея и Эрмитажа (Мацулевич, 1934). Периодические издания курских краеведов по собственно археологической части публиковали только планы будущих экспедиций, которым не суждено было сбыться. В других регионах страны краеведам удалось провести больше археологических исследований, но предреволюционного уровня эта работа нигде не достигла. Что, наверное, естественно для страны, недавно пережившей столь масштабные военно-революционные катаклизмы.

После неизбежной перегруппировки сил в первой половине 1920-х гг. и нескольких лет активной деятельности объединения краеведов СССР стали слишком удобной мишенью для тех, кто по заданию коммунистической партии отстреливал «врагов народа». У тех-то ведь в большинстве случаев никаких общих организаций на самом деле не было – ни «промпартии» у инженеров, ни «союза борьбы» у академиков. А у краеведов организация была, причем весьма разветвленная. Оставалось придумать ей нелегальное крыло. Что и было сделано чекистами (Акиншин, 1992; Щавелёв, 2007).

Вслед за известным «Делом Академии наук», сфабрикованным советской политической контрразведкой в 1929–1930 гг. в отношении столичных ученых-гуманитариев, репрессии против интеллигенции распространились на провинцию. Кроме ленинградского и московского «штабов» этого «заговора», чекисты придумали воронежский «центр» «контрреволюционной монархической организации “Краеведы”». В Центрально-Черноземном округе сложилась особенно разветвленная структура краеведческих групп, а председатель воронежского городского и ответственный секретарь областного бюро краеведения историк С.Н. Введенский (1867–1940)

периодически ездил в Ленинград для консультаций с академиком С.Ф. Платоновым, которого объявили руководителем «Всенародного союза борьбы за возрождение России». В качестве «филиалов» этой мифической «организации» были представлены группы краеведов из Задонска, Липецка, Острогожска, Тамбова, Орла, Курска, Старого Оскола. По версии следствия, в случае начала военной интервенции против СССР, эти группы на местах должны были «взять власть во избежание анархии». Резонные возражения вроде того, что «краеведы обычно люди пожилые, совершенно непрактичные, разве они способны справиться с анархией?» (Н.П. Анцыферов) – вызывали у следователей по этому делу только новые приступы агрессии по отношению к «запирающимся заговорщикам». В указанных городах с ноября 1930 по февраль 1931 г. арестовали по нескольку (от четырех в Курске до четырнадцати в Тамбове) краеведов, а в Воронеже еще и представителей других учреждений и общественных групп, которые будто бы готовились вместе свергнуть советскую власть. Среди них находились бывшие дворяне, офицеры, чиновники, чины полиции, купцы, священнослужители – независимо от того, чем они занимались к моменту ареста, фотографы, музейные и научные работники, преподаватели, а также лица гораздо более прозаичных профессий, вплоть до сторожей и безработных. Личные знакомства, нередко случайные, превращались в глазах следствия в свидетельства организации заговора. Так «контрреволюционная организация» выросла почти до сотни человек. Единственным доказательством ее существования для чекистов могли стать и стали личные признания обвиняемых. Методы их получения выясняются из позднейшего реабилитационного заявления преподавателя Ф.Ф. Руднева (Орел): «Следствие сопровождалось угрозой расстрела и ареста моей семьи» (Щавелёв, 2008. С. 134). Камера, в которой он сидел на следствии, располагалась рядом с уборной, а форточка в окне камеры всю зиму была без стекла. В таких условиях одни подследственные сразу или через какое-то время дали все те показания, которые диктовали им следователи, но несколько обвиняемых (тот же Руднев, куряне Н.И. Пузанова, М.А. Резанцев) сумели выстоять и не оклеветать ни в чем не повинных людей. Чекисты потеряли к ним интерес после нескольких допросов, поняли, что признания их них не выжмешь. Так произошло с воронежским профессором М.Н. Крашенинниковым, которого обвинили в игнорировании марксизма. На что он и на воле, и в тюрьме повторял, что никакого марксистского язы-

кознания пока нет и преподавать его он поэтому просто не мог. По мнению следователей, «запиравшиеся» оказались «достаточно точно изобличены показаниями других обвиняемых».

Решающим основанием для арестов и обвинений послужили всеобъемлющие признания С.Н. Введенского. Якобы «обратив [Археографическую] комиссию в штаб своего контрреволюционного союза, Платонов решил и Воронежский филиал [ее] обратиться в одно из своих отделений». «Равным образом, столь же удачно выбран был Платоновым для его цели и фронт краеведческих обществ. Обнимая в своем составе старых педагогов, ответственных чиновников – пенсионеров разных ведомств, бывших служащих земства, статистических комитетов, архивных комиссий и подобных им лиц, краеведческие общества содержат в себе много социальных элементов, чуждых советскому строю, а иногда прямо ему враждебных. Таким подбором членов, между прочим, в сильной степени страдают и краеведческие организации ЦЧОбласти в городах которой, особенно в Воронеже, было много контрреволюционных и антисоветских элементов и объектов старого общественного строя, что способствовало быстрому развитию и укреплению идей контрреволюционной монархической организации...». Так что «под прикрытием научной работы проводилась антисоветская работа...» (Щавелёв, 2007. С. 156). Ее целью было «уничтожение сов. строя и замена его буржуазно-демократической республикой» (эта последняя нестыковка с навязчивыми обвинениями в «монархизме» всех старых краеведов чекистов не смущала – все антисоветское они валили в одну кучу).

Кроме Платонова, «глава воронежского центра» показал на нескольких ученых, преимущественно историков, ленинградцев, – С.И. Тхоржеского, С.К. Богоявленского, академика А.Е. Ферсмана, И.М. Гревса, Н.П. Анциферова, А.И. Андреева, и на москвича, академика М.М. Богословского. «Их человеком» является будто бы и высланный из мест предыдущего заключения в Курск историк, бывший полковник старой армии Г.С. Габаев.

5 мая 1931 г. следствие по делу 92 краеведов ЦЧО закончилось. В соответствующем постановлении «уполномоченный 2-го Отделения Секретно-политического Отдела Полномочного представительства ОГПУ по ЦЧО Кушнир» констатировал, что все подследственные «вполне изобличены в предъявленном им преступлении, предусмотренном ст. 58–10, 11 Уголовного кодекса». С этого дня все арестованные по этому делу «числились за коллегией ОГПУ».

66 человек оставались под стражей в Воронеже, 26 – в Курске, Орле, Тамбове. Суда краеведов не удостоили: коллегия ОГПУ в Москве заочно, без вызова обвиняемых, 5 июня вынесла внесудебный приговор. Власти не вывели краеведов на открытый судебный процесс, как «вредителей» некоторых других категорий, а приговорили втайне. Слишком уж контрастировали фантастические обвинения в подготовке военного переворота и мирные краеведческие занятия. Пятерых приговорили к расстрелу, большинство к заключению в концлагерь сроком от 3 до 10 лет, нескольких – к высылке в Северный край, Западную Сибирь, Казахстан. Рядовые, по версии следствия, «заговорщики» в целом получили не менее суровые наказания, чем их столичные «вербовщики» и «руководители» из числа сотрудников Академии и Центрального бюро краеведения. Среди 112 арестованных по собственно академическому делу в Москве и в Ленинграде расстреляли шестерых (бывших офицеров); 63 получили концлагерь на срок от 3 до 10 лет; 21 (среди них все сотрудники Академии наук) трех- или пятилетнюю ссылку. В черноземном деле картина схожая. Расстреляли лиц, как-то связанных в прошлом с царской «охранкой» и белым движением. На 10 лет обрекли даже не воронежских «руководителей», а их коллег из районов. По 5 лет концлагеря получили главные фигуранты всего провинциального дела: воронежские краеведы С.Н. Введенский, А.М. Путинцев, Т.М. Олейников, В.В. Литвинов и руководитель курских краеведов Г.И. Булгаков. Один-единственный, 92-й по счету обвиняемый – воронежец В.А. Преображенский оказался освобожден из-под стражи, следствие в его отношении прекратили.

Таков печальный итог «золотого десятилетия» (С.О. Шмидт) советского краеведения в Центральном Черноземье. В дальнейшем дееспособные объединения краеведов оказались ликвидированы по всей стране, их заменяли на липовые «кружки на производстве», а 10 июня 1937 г. СНК РСФСР окончательно «признал дальнейшее существование центрального и местных бюро краеведения нецелесообразным».

Кое-кто из осужденных по этому делу обращался в 1930-е гг. с прошениями о снятии с них судимости, а в 1950 – 1960-е – о реабилитации, но безуспешно. Лишь в июле 1978 г. Воронежский областной суд отменил вынесенный им в 1931 г. приговор «за отсутствием события преступления». Несколько бывших сотрудников ОГПУ по ЦЧО, выступивших палачами краеведов, сами были расстреляны «за нарушение социалистической законности».

Сам термин «краеведение» отражал наивный пафос революционной переделки мира, привнесенный большевиками. Если кухарка может управлять государством, а матрос Железняк – национализированным банком, то почему недавние семинаристы, журналисты, техники, да и просто неквалифицированные рабочие да батраки не могут стать археологами, этнографами, археографами? Советские краеведы в своем большинстве искренне желали вписаться в культурную политику нового, большевистского государства – «сеять разумное, доброе, вечное», как завещали нашей интеллигенции народники, социалисты. Но никакого «спасибо сердечного», – метко заметил А.А. Формозов, – русский народ своим просветителям, историкам и учителям не сказал. Партия и комсомол быстро поставили краеведческие организации под жесткий идеологический и организационный контроль невежественных комиссаров. И без того мизерные дотации губернским объединениям краеведов урезали, затем вовсе отменили. «Проклятый царизм» накануне своего краха поставил губернские общества любителей старины на бюджетное финансирование, пусть и весьма скромное. Большевики оказались скупее. Советским краеведам удалось сделать немало полезного на своей научно-просветительской стезе, однако в разных регионах этот вклад был различен; в среднем – не слишком велик, заметно меньше дореволюционного. Достижения первого поколения советских краеведов преувеличены в последующей историографии, когда по обрывкам их архивов некоторые все новые и новые историки стали писать о них книги, диссертации, выставляя себя их преемниками.

С начала 1930-х гг. организованное краеведение в нашей стране прекратило свое существование. С тех пор реальную работу с разного рода древностями в губернских центрах, а тем более в уездах могли проводить одиночки. Их объединения если и возникали, то чисто формально – оставались на бумаге партийно-хозяйственных отчетов, наравне с множеством дутых «кружков», блестяще высмеянных М. Булгаковым, И. Ильфом и Е. Петровым, А. Барто.

Показательна позиция краеведов, оказавшихся во время войны на оккупированной врагом территории (Ермолов, 2008). Многие из них, практически в каждой захваченной области, пошли на службу к немцам. Как правило, по своей специальности – сотрудниками музеев и архивов. Потом это объяснялось желанием спасти те культурные ценности, которые не удалось эвакуировать. Что бы стало с Россией, победи ее Гитлер, нетрудно догадаться.

Но большевики, вспомним, еще в 1930-е гг. закрыли отделы дореволюционного прошлого в губернских музеях, «чистили» архивы от «неактуальных» фондов, физически устранили лучших краеведов. Выжившие вряд ли это забыли. Большая часть тех представителей провинциальной интеллигенции, которая запятнала себя сотрудничеством с вражеской администрацией, была после войны осуждена к лишению свободы, меньшая наказана потерей работы. Поскольку к тому времени знающих знатоков местной старины осталось совсем мало, связанные с войной коллизии их биографий в очередной раз ослабили краеведческий потенциал регионов.

В *послевоенный период эволюции «краеведения»* на местах оно становилось все более противоречивым. Отдельным областям повезло, там обосновались талантливые и энергичные личности, которые при поддержке столичных ученых выросли до ведущих специалистов по местным древностям, вещественным и рукописным. Таковы, например, учитель из уездного брянского Трубчевска Всеволод Протасьевич Левенок (1906–1985), ставший директором музея местного края, а впоследствии и сотрудником академического Института истории материальной культуры; следующий руководитель того же музея Василий Андреевич Падин (1908–2003); музейный сотрудник Фёдор Михайлович Заверняев (1919–1994) в самом Брянске; военный врач Евгений Дмитриевич Петряев (1913–1987) в Вятке (Кирове); бывший юрист Владимир Иванович Самсонов (1886–1964) и учитель географии Юрий Александрович Липкинг (1904–1983) в Курске; еще целый ряд других музейных, вузовских, архивных, газетных работников, для которых краеведение стало вторым занятием и любимым призванием. Однако в целом по стране таких оставалось немного (сравнительно с тем, какова была численность предреволюционных и первых советских объединений их коллег).

Но свято место, как известно, пусто не бывает. На смену культурным, образованным краеведам в советской глубинке приходили «краеведы» самозванные, некультурные и необразованные, сплошь и рядом просто функционально неграмотные. Зато ретивые на рекламу своих начинаний, фанатичные в отстаивании местного приоритета по любому поводу, самоуверенные в обнародовании своих «достижений». Такие встречались и раньше, но тогда было кому считать их маргиналами в науке и культуре. А теперь, наоборот, «белыми воронами» выглядели немногие выжившие интеллигенты старой закалки.

Кое-что полезного представители очередной генерации краеведов приносили. Их заметки на разные темы с интересом читала массовая аудитория городских и районных газет. Они выступали перед школьниками, вели детские кружки в Домах пионеров и сельских клубах, а позже и познавательные программы на местном радио и телевидении. Кое-кто присоединялся к экспедициям столичных археологов и помогал им на раскопках, а в промежутках собирал для музея случайные находки разных древностей. Самым настойчивым удавалось собрать свои разыскания и наблюдения в целые книжечки, опубликованные областными, а после их закрытия межрегиональными издательствами. Однако качество всех этих работ, как правило, оставляло желать лучшего. Уверяя себя и других в пользе своих занятий, новоявленные «краеведы» на самом деле приносили немало вреда. Их материалы грешили фактическими ошибками и фантастическими версиями. Те, кто получил доступ к самостоятельным разведкам и раскопкам, проводили их не слишком методично. Далеко не все из того, что они нашли, оказалось в музеях, архивах или библиотеках. Собранные коллекции остались необработанными и значительной частью вовсе утрачены. Дальше – больше. Личности этого пошиба инициировали фальсификацию 1000-летних юбилеев ряда областных центров Центральной России (начиная с Белгорода, который накануне вполне правомерно отметил свое 300-летие); пытались сделать то же самое и в Воронеже, и в Липецке, и в Курске, в других местах. Они фанатично стремились не установить, сколько же тому или иному поселению на самом деле лет, а во что бы то ни стало удревнить этот возраст до предельной, а то и запредельной даты (Пархоменко, 1993; Аббасов, 1995; Шмелёв, 1995; Резанов, 1997).

Выход на арену общественной деятельности неквалифицированных любителей краеведения – закономерное следствие экспансии так называемой массовой культуры, причем в ее не самых цивилизованных – советском и постсоветском вариантах. Краеведы новых призывов «в гимназиях не обучались». Советские средние школы и даже институты уже не учили иностранным языкам, а остальная гуманитарная подготовка стала слишком идеологизированной. Справедливости ради надо отметить, что моменты антинаучной идеологизации бывали, и не раз, присущи также профессиональной исторической науке. Причем и до революции, и особенно затем, с тех же до- и послевоенных времен и до сегодняшнего дня. Еще характернее для «кастовой науки» советского периода «про-

сто» отход его представителей, попавших в провинцию, от авторских исследований, замыкание на преподавании истории, либо вообще смена профессии. В определенных ситуациях, пользу для историографии приносили не те, кто писал и публиковался, а те, кто молчал.

Перспективы любительской историографии сегодня не ясны. С одной стороны, ряд краеведческих инициатив получил поддержку новых меценатов, спонсоров, региональных властей. Выходят краевые справочники, периодические органы, сборники материалов, биографическая литература. Там, где с краеведами практически работают настоящие ученые, реальные достижения налицо. В столице сложилась целая историко-культурная дисциплина – москвоведение, и ее есть по каким пособиям преподавать в школах. Все глубже наши представления и о «душе Петербурга», намеченной когда-то незабвенным Н.П. Анциферовым. Отрадным примером может служить Воронеж, где за последние десятилетия издана уже целая библиотечка полезной краеведческой литературы. Недавно в Воронеже увидела свет региональная культурно-историческая энциклопедия. Она получила высокие оценки специалистов. Университетские преподаватели сумели организовать и направить сбор словарного материала по множеству направлений, привлекая к нему не только своих коллег, чей круг все-таки ограничен, но и настоящих краеведов разных профилей (музыкального, спортивного, архитектурного и всяких прочих). Руководителями этого успешного проекта выступили доцент А.Н. Акиншин и профессор О.Г. Ласунский из Воронежского университета.

С другой стороны, аналогичные по тематике опусы курских краеведов производят удручающее впечатление – «Краеведческий словарь-справочник «Курск»» и особенно «Большая курская энциклопедия» в нескольких томах при богатом полиграфическом оформлении переполнены абсурдными ляпсусами (Щавелёв, 2006).

Активность современных краеведов оттеняет некоторое снижение уровня гуманитарных исследований в провинциальных музеях, библиотеках и институтах (переименованных в университеты). Кризисные 1990-е гг. в высшей школе, других учреждениях культуры российской провинции, похоже, до сих пор не закончились. Поэтому научная экспертиза и редакция краеведческих опусов ныне сплошь и рядом отсутствует. Представители провинциальных, а то и столичных вузов нередко ставят свои имена с учеными степенями и званиями под низкосортными краеведческими

изданиями. Как их «редакторы» и даже соавторы. Особенно охотно это делают бывшие «историки КПСС», переквалифицировавшиеся в «историков Отечества». За годы перестройки и последующих реформ когорта краеведов расширилась, только вот в неожиданные стороны. Их рядов коснулась общая коммерциализация российской жизни. И если применительно к экономике, торговле рыночные отношения, по идее, благо, то в области изучения и охраны памятников старины вряд ли.

Больше всего среди современных «краеведов» просто коллекционеров разных редкостей, древностей. Филателисты, филокартисты, нумизматы, антиквары, реконструкторы исторических костюмов и вооружения, тому подобные. Пестрая среда, где благородное меценатство и прежде, и теперь соседствует с вульгарной наживой, спекуляцией. Отсюда выходят и союзники, и конкуренты, и сообщники официальных музейщиков, галеристов, ученых. Идеалом, а правду говоря, нормой для деятелей этого сорта являлась бы передача, пусть и по завещанию, своих уникальных собраний на государственное хранение. Отрадных примеров такого обогащения столичной и провинциальной культуры за счет ее энтузиастов немало. Но куда больше печальных примеров обратного рода – безвозвратной потери, распыления частных собраний после смерти владельцев, их продажи в частные же руки и за рубеж, ограбления государственных музеев в интересах антикварного рынка, порчи памятников археологии. В 1990 – 2000-е гг. ситуация с провинциальными древностями резко усложнилась благодаря эпидемии так называемых «черных копателей» памятников истории и культуры. В последние годы они идут уже не по отдельным памятникам, а по всем подряд в том или ином районе. Если грабителей не остановить, в ближайшем будущем целые области будут стерты с археологической карты России.

Разграбление археологических памятников – почти столь же древняя традиция, как и их сооружение. Помоложе, но не намного, фальсификация предметов старины. Коллеги археологи и историки-медиевисты и без меня хорошо знают, что в 1990 – 2000-х гг. наступил новый этап в развитии криминальной археологии в нашей стране – как по масштабам незаконных раскопок, так и по широте оборота украденных у государства артефактов на антикварном рынке. К сожалению, редко кто из профессиональных ученых и музейных работников разделяют те выводы, которые логично вытекают из наших наблюдений над «черной археологи-

ей». Эти выводы были изложены (в том числе автором этих строк), в частности, на круглом столе в редакции журнала «Российская археология» (Незаконные раскопки..., 2002). На мое выступление последовал отклик сотрудников Курского музея археологии. Они убеждены, что ради спасения для науки информации о ценных, нередко уникальных находках приходится консультировать грабителей, принимать на экспертизу их находки, не мешать их разрушительной деятельности (Зорин, Стародубцев, Шпилёв, 2004).

А в следующем выпуске того же журнала была опубликована диаметрально противоположная по своим выводам и аргументам статья В.С. Флёрова, который убежден, что «соучастие ученого в торговле древностями – это вопрос не только юридический, но и профессиональной этики». Цитируется «Кодекс профессиональной этики» Международного совета музеев за 1986 г. В частности: «Музейные работники не должны атрибутировать или иным путем определять аутентичность предметов, в отношении которых может возникнуть подозрение, что они нелегально или незаконно приобретены...» (Флёров, 2004. С. 121).

Жизнь, как мне представляется, рассудила наше разногласие с курскими музейщиками и их единомышленниками. Вот что пишет публикатор новых монетных находок: «Опасность складывающейся ситуации состоит не только в том, что, меняя владельцев, монеты безвозвратно теряют “паспортные данные” о своем происхождении, но и в том, что вымышленные сведения о месте обнаружения сребреников могут попадать в научную литературу. В качестве примера можно привести публикацию в журнале “Российская археология” (№ 1 за 2004 г.), где приведены недостоверные сведения о находках двух сребреников князя Владимира в Курской области (Зорин, Стародубцев, Шпилёв, 2004. С. 120). Информация об одной из монет почерпнута на сайте “Кладоискатель Черноземья”, где было указано неверное место ее обнаружения (близ д. Банищи) для направления по ложному следу конкурирующих кладоискателей из других регионов. В случае с другим сребреником, публиковавшимся ранее в журнале “Нумизматический альманах” (Молчанов, 2000. С. 15–16) и якобы найденном на Бесединском (Ратском) городище в Курском районе, сама подлинность монеты вызывает большие сомнения» (Зайцев, 2007. С. 6).

В процитированной работе В.В. Зайцева содержится наблюдение, которое почти экспериментально подтверждает, археологи каких регионов нашей страны теснее всего ассоциированы с гра-

бителями памятников старины, и к чему это приводит. За последние 10–15 лет, отмечает этот автор, количество находок древнейших русских монет X–XI вв. в сравнении с предыдущими годами значительно возросло. «Значительная часть ... монет происходит с территории современных Брянской и Курской областей Российской Федерации.... Найдки сребреников в этих областях были известны и ранее.... В последние годы количество находок резко возросло. Так, за прошедшие 5–7 лет только в Брянской области было обнаружено не менее 15 экземпляров древнерусских монет. Однако большая их часть известна только по фотографиям и изображениям на Интернет-сайтах» (Зайцев, 2007. С. 7), так что проверить их на подлинность затруднительно.

Недавно увидела свет книга, очень похожая на монографию по нумизматике: прекрасная полиграфия, множество иллюстраций, выражение благодарности коллегам-коллекционерам и научным сотрудникам, включая довольно известных специалистов. Настораживает отсутствие указания редактора и рецензентов. Подавляющее большинство упомянутых в книге монет якобы тмутараканского чекана содержится в частных коллекциях. Каков среди них процент подделок, трудно сказать, но наверняка немалый. Например, так называемые «монеты боярина Ратибора» явно копируют давно известные специалистам печати этого киевского посадника в Тмутаракани. Как видно, «монеты Ратибора создавались именно по образу и подобию его печатей, имеющих идентичную структуру», только добавлю, не в древние, а в новейшие времена фальшивомонетчиками для сбыта на антикварном рынке. Не случайно столь явные новоделы «появились в середине девяностых годов» (прошлого века – С.Щ.) и «до недавнего времени эти чрезвычайно редкие монеты из-за их низкого качества и еще более неудовлетворительной сохранности не публиковались» (Бабаев, 2009. С. 4). Первая публикация, признавшая их древнерусскими денежными знаками, не убедительна. Представить, что денежной эмиссией занялся бы не представитель княжеского Дома Рюриковичей, а кто-то из их подчиненных, для историка Руси невозможно – это противоречит всей системе научных знаний об ее политической системе. На примере издания К.В. Бабаева видно, что коллекционеры подлинных и поддельных монет претендуют на научный статус, имитируют атрибуты профессиональной экспертизы своих сокровищ.

Таким образом, настоящим археологам сегодня приходится проявлять осторожность, принципиальность в общении с самостоятельными волонтерами по поиску древностей. К экспертизе и пу-

бликации следует принимать только безусловно случайные находки, в отношении которых исключена возможность их получения путем несанкционированных раскопок. В большинстве случаев так оно и происходит. Однако имеются и отдельные случаи некритического заимствования добычи «черных копателей». Вот один из примеров сказанному, цитата из монографии, защищенной как докторская диссертация: «Краеведом из Курчатова А.А. Катуниным в осыпях склонов городища собраны представительные материалы, которые он передал в Курский государственный университет» (Енуков, 2005. С. 263). Умолчанию подвергаются «методы» сбора – использование «краеведом» металлоискателя и, соответственно, лопаты для выкапывания засеченных под землей вещиц. Судя по большому числу и малой величине находок, культурного слоя на упомянутом городище «краеведом» было перелопачено немало (найлены наконечники стрел и копья, 14 бляшек от ременной гарнитуры, серебряный перстень).

«За кадром» цитаты остается и тот несомненный факт, согласно которому и упомянутый грабитель, и многие его «коллеги» по криминальной «археологии» идут по областным памятникам археологии уже не выборочно, а систематически – пользуясь приобретенной у тех же музейных археологов картой этих памятников. Следовательно, скоро в Курской области уже не останется памятников старины с неповрежденным культурным слоем.

Как видно, сегодня невнятный ярлык «краеведа» накрывает очень разных персонажей. Как вполне добросовестных любителей старины, так и полукриминальных, и прямо криминальных дельцов нелегального рынка древностей. Очень пестрая группа деятелей, где наряду с добросовестными любителями немало откровенных шарлатанов и просто психически убогих персон. Закрывать глаза на опасности для просвещения и культуры, исходящей от безоглядной поддержки всех подряд нынешних краеведов, было бы недальновидным для представителей науки и государственной власти. Активность современных краеведов приносит то пользу, то прямой вред памятникам культуры. В этой ситуации стоит развивать подготовку и улучшать трудоустройство специалистов общего профиля (археологов, историков, архитекторов и т.д.), которые затем по роду своей деятельности могут специализироваться на изучении тех или иных древностей того или иного региона. И, в частности, осуществлять объективную экспертизу краеведческих проектов, далеко не все из которых достойны поддержки из казенных и общественных средств.

Литература

- Аббасов А.М. Вехи древнего Воронежа. Воронеж, 1995.
- Акинъшин А.Н. Судьба краеведов (конец 20-х – начало 30-х гг.) // Вопросы истории. 1992. № 6–7. С. 117–126.
- Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д.Я. Самоквасова (1843–1911) / Сост. С.П. Щавелёв. Курск, 2007.
- Бабаев К.В. Монеты Тмутараканского княжества. М., 2009.
- Бердинских В.А. Уездные историки: Русская провинциальная историография. М., 2003. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области. Ф. 9353. Оп. 2. Ч. 8 б.
- Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей. Курск, 2005.
- Ермолов И.Г. Коллаборационизм в сфере культуры и искусства на оккупированных территориях РСФСР в 1941–1943 гг. // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2008. № 2. С. 39–57.
- Зайцев В.В. О новых находках древнерусских монет X–XI вв. // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 2. М., 2007. 8–12.
- Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю., Шпилёв А.Г. О проблеме сохранения археологического наследия // РА. 2004. № 1. С. 120–125.
- Мацулевич Л.А. Погребение варварского князя в Восточной Европе. Новые находки в верховье реки Суджи. М.; Л., 1934. (ИГАИМК. Вып. 118)
- Молчанов А.А., Селезнёв А.Б. Сребреник Владимира Святославича с Бесединского городища под Курском // Нумизматический альманах. 2010. № 4 (15). С. 12–15.
- Незаконные раскопки и археологическое наследие России. Материалы круглого стола, проведенного редакцией и редколлекцией журнала «Российская археология» // РА. 2002. № 4. С. 70–89.
- Пархоменко И. Белгород: год основания..? // Воронеж. Историко-краеведческий сборник. Воронеж, 1993. 97–112.
- Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб., 2010.
- Рязанов Н.В. Когда основан город Курск? (Полемические заметки краеведа) // Курск. Документы. Воспоминания. Статьи / Отв. ред. и сост. А.Ю. Друговская. Курск, 1997. С. 5–19.
- Смирнов А.С. Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX – начала XX века). М., 2011.
- Тихонов И.Л. История российской археологии: формирование организационной структуры и деятельность научных центров в Санкт-Петербурге (XVIII – первая четверть XX в.): автореф. дис... докт. ист. наук. СПб., 2013.
- Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002.
- Флёров В.С. Найдено на аукционе «Christie». Роль эксперта в торговле древностями // Российская археология. 2004. № 2. С. 115–122.
- Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М., 1986.
- Формозов А.А. Заметки о русской интеллигенции 1940–2000-х годов // Формозов А.А. Статьи разных лет. Курск, 2008. С. 6–23.
- Шмелёв Ю.Н. Тайны Белгородского треугольника или страницы жизни из трех тысячелетий истории русов: расследование краеведа. М., 1995.

- Шмидт С.О.* Краеведение в научной и общественной жизни России 1920-х годов // Шмидт С.О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 156–178.
- Щавелёв С.П.* Историк русской земли. Жизнь и труды Д.Я. Самоковсова. Курск, 1998.
- Щавелёв С.П.* Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Советское краеведение в провинции: взлет и разгром (1920-е – 1950-е гг.). Курск, 2002. (Первооткрыватели курских древностей. Вып. 3)
- Щавелёв С.П.* [Рец. на кн.:] Большая курская энциклопедия. Т. I. Кн. 1–3 // Вопросы истории. 2006. № 4. С. 166–170.
- Щавелёв С.П.* «Дело краеведов ЦЧО» 1930–1931 годов. (Курский «филиал»). Курск, 2007.

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИИ В УКРАИНЕ: НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПОИСКА

© 2015 г. В.А. Колесникова, А.С. Яненко, И.В. Черновол

Институт археологии Национальной академии наук Украины,
Киев

Ключевые слова: археология, Украина, методология, персоналистика, биографистика, история изучения

В статье рассматривается процесс формирования нового направления археологической науки в Украине – истории археологии в этой стране. Авторами анализируются различные стороны данного процесса – формирование методологии, биографии ученых, изучение различных археологических культур, конкретных памятников.

Исследования в области истории/историографии археологии становятся неотъемлемой частью исследовательского поля археологии. Число подобных работ растет, география их ширится.

В Украине история археологии развивается в рамках нескольких взаимосвязанных направлений. Наиболее распространенным является изучение жизни и научной деятельности ученых-археологов, краеведов, музейных работников – так называемая *персоналистика/биографистика*. Исследовательский поиск в этом русле продиктован рядом причин – от глобального антропоцентрического поворота в гуманитарных науках в целом до потребности отдать дань уважения ученым, причем не только известным, но и незаслуженно (либо преднамеренно) забытым. Достаточно широко представлены исследования *по истории изучения археологических памятников и культур; истории экспедиций, археологии новостроек* (археологии охранных исследований). Чаще всего к подобной тематике обращаются археологи, которые в процессе изучения региона, культуры или памятника, открывают значительный пласт актуальных материалов, все еще ждущих введения в научный оборот. Непосредственно соприкасается с историей изучения археологических памятников и культур достаточно традиционное направление в истории археологии – *проблемная историография*, которая все чаще фи-

гурирует не только в соответствующих разделах научных квалификационных работ по археологии, но и предстает в виде полноценных историографических исследований на страницах специализированных изданий. Широкое распространение получила *институциональная история археологии*, в рамках которой украинские исследователи рассматривают процессы создания, функционирования, реорганизации, ликвидации различных учреждений, деятельность которых так или иначе связана с археологией (академии, общества, музеи, университеты и др.). Изучается регламентационная деятельность ведущих государственных институций и т.д. Не остается без внимания изучение *истории археологического наследия*. История археологических, музейных, библиотечных коллекций стала предметом исследования специалистов разных дисциплин, что приносит все новые и новые факты в историю отечественной археологии. С драматическими событиями XX в. связан рост интереса к проблемам эвакуации, реэвакуации, перемещения коллекций. Хотя следует отметить, что порой поиски «потерянных» фондов научных и культурно-образовательных учреждений рождают больше вопросов, нежели ответов. Исследования в области истории археологии в Украине не обошли стороной и относительно новые веяния в постсоветских гуманитарных науках – история повседневности и тесно связанные с ней микроистория и история ментальностей (историко-антропологическое направление). И *хотя история повседневной жизни археологов* представлена лишь несколькими работами, развитие данного направления представляется весьма перспективным. Как и любая научная дисциплина, история археологии нуждается в *разработке теоретико-методологических основ, понятийного и методического аппарата*. Это направление также нашло свое отражение в современном исследовательском процессе на территории Украины.

В то же время, говоря о конкретных направлениях исследований, необходимо учитывать условность и размытость границ между ними, что объясняется синкретизмом, присущим современному этапу развития истории археологии.

Подобная неразрывность направлений исследовательского процесса ярко проявляется при более детальном рассмотрении различных научных центров Украины, в которых осуществляются исследования в области истории археологии, пока, преимущественно, небольшими коллективами ученых.

В Киеве изучение истории археологии сосредоточено в стенах нескольких институций. В Институте археологии НАН Украины разрабатываются такие направления как персоналистика/биографистика (Колеснікова, 2007; Косюхно, 2010; Станіцина, 1992; Колибенко, 2012; Буйских, 2012), институциональная история (Колеснікова, Черновол, Яненко, 2012; Війдеко, 2012; Колеснікова, 2011; 2012; Станіцина, 2012; Залізник, 2012; Яненко, 2012; Колеснікова, Яненко, 2013), история археологического наследия, в частности книжного собрания и архивной коллекции Ф.К. Вовка (Вовк, 2009; Черновол, 2011а; 2011б; Яненко, 2011), история повседневной жизни археологов (Колеснікова, Яненко, 2012), история исследования археологических памятников и культур (Федорченко, 2010). Вышли из печати труды М.Ю. Брайчевского, составителем которых и автором предисловия является Ю.В. Кухарчук (Брайчевський, 2004).

В Киевском национальном университете им. Тараса Шевченко проводятся исследования в области институциональной истории (в частности, изучение зарождения и реорганизации археологического образования и формирования кафедры археологии и музееведения в университете) и связанной с ней персоналистикой (Самойленко, 2007; 2012). Выпускник кафедры С.В. Палиенко активно разрабатывает проблемы истории археологии второй половины XX в., методики и методологии археологических исследований (Палиенко, 2009а; 2009б), широко используя в своих исследованиях методы устной истории.

О.И. Бонь, работающий в Киевском университете им. Бориса Гринченко, исследует разнообразные аспекты истории украинской науки, музейного дела, памятничкоохранного движения, деятельность выдающихся деятелей культуры и науки Украины конца XIX – первой половины XX в. Важное место в его работе занимает изучение становления и развития археологических институций, деятельность председателя ВУАК А.П. Новицкого (Бонь, 2004; 2007; 2012).

Биографии репрессированных музейных деятелей, механизмы уничтожения национальной научной интеллигенции Украины в 1920–1930 гг., история музейного дела и многое другое – предмет исследований киевского ученого С.И. Белокопя. Среди широкого круга его работ значительное место занимает персоналистика, посвященная украинским археологам (Сергій Білокінь).

В контексте истории охраны памятников и музейного дела в Украине рассматриваются разнообразные вопросы истории архео-

логии в Центре памятниковедения НАН Украины и Украинского общества охраны памятников истории и культуры. В тесном сотрудничестве с Центром были подготовлены исследования, в которых затрагиваются аспекты институциональной истории, истории культурного наследия, становления и развития законодательства по охране археологических памятников, персоналистики и др. (Принь О., 2009; Принь М., 2012а; 2012б; Присяжнюк, 2010; Хлівнюк, 2009; Молочко, 2012; Рудика, 2012; 2013; Горькова, 2013 и др.).

В Национальном музее истории Украины история музейной коллекции Ф.К. Вовка и других украинских археологов является предметом исследования Т.Н. Радиевской (Радієвська, 2003; 2009). В других музейных центрах Киева также ведется работа, в частности по персоналистике (Павлова, 2007). В Институте биографических исследований НБУ им. В.И. Вернадского жизненный путь и научную деятельность археологов изучает С.И. Ляшко (Ляшко, 2003; 2010).

Сотрудники Национального Киево-Печерского заповедника, исследуя вопросы истории учреждения, в том числе касаются персоналий ученых-археологов, институциональной истории, в частности «Музейного городка», и истории археологических коллекций (Полюшко, 2001; 2009; Масалова, 2008; Чередниченко, 2009).

В Институте украинской археографии и источниковедения им. М.С. Грушевского НАН Украины изучаются вопросы эпистолярного наследия археологов (Наулко, 2012; Старков, 2012).

В Чернигове сотрудники Черниговского национального педагогического университета им. Т.Г. Шевченко и Государственного исторического музея им. В.В. Тарновского, в частности, Е.Е. Черненко и Л.В. Ясновская, кроме непосредственных полевых археологических исследований, проводят изучение истории археологии региона – формирования и судьбы археологической коллекции музея (Черненко, 2007), истории исследования древнерусских памятников региона (Ясновська, 2010; 2013).

В Полтаве в Центре охраны и исследований памятников археологии управления культуры Полтавской областной государственной администрации, а также в Полтавском краеведческом музее разрабатываются такие направления, как история музейных коллекций, история археологического изучения региона, персоналика. Ведущий исследователь этой тематики на Полтавщине – А.Б. Супруненко (Граб, Супруненко, 1992; Супруненко, 2000; 2007; Лугова, Мельникова, 2003).

В Житомирском областном краеведческом музее история археологии, представленная главным образом историей изучения археологических памятников региона и т.н. музейной археологией, отражена в работах А.А. Тарабукина (Тарабукін, 2002; 2003).

В Одессе исследования в области истории археологии, преимущественно, судьбы археологического наследия, институциональной истории и персоналистики проводятся в стенах Одесского археологического музея и Одесского национального университета им. И.И. Мечникова. Этой проблематикой занимаются С.Б. Охотников, А.Е. Музычко, И.А. Стрыжова, А.Н. Колесниченко и др. (Охотников, 2010; Стрыжова, 2013; Музычко, 2011а; 2011б; Колесниченко, 2011).

В течение длительного времени сотрудница Сумского государственного университета Н.А. Нищенко изучает жизнь и научную деятельность Н.Е. Макаренко и его учеников, а также в этом контексте археологические исследования Роменского и Сумского музеев в 1920–1930 гг. (Нищенко, 2002; 2005; 2006).

В Крыму исследования в области истории археологии сосредоточены в двух центрах. В Симферополе в Таврическом национальном университете им. В.И. Вернадского уже многие годы плодотворно работает А.А. Непомнящий, разрабатывая персоналистику, институциональную историю, историю археологического наследия в контексте крымоведческих Штудий (Непомнящий, 2006; 2007; 2011), передавая традиции и своим ученикам (Акимченков, 2010; 2011; 2012). В Севастополе в Национальном заповеднике «Херсонес Таврический» в направлении изучения персоналистики, истории археологического наследия, институциональной истории работают Л.О. Гриненко, Т.В. Дианова, Н.В. Красовская, И.А. Антонова (Антонова, 1997; Гриненко, 2003; 2005; Дианова, Красовська, 2009; Дианова, Красовская, 2011).

Во Львове изучение истории археологии проводится в нескольких учреждениях. Одним из них является Львовский национальный университет им. Ивана Франко, где Н.Н. Билас и А.Ю. Баукова занимаются исследованиями институциональной истории, персоналистики, историей изучения археологических памятников/культур и археологического наследия (Билас, 2004; 2010; Баукова, 2008). В Институте украиноведения им. И. Крипьякевича НАН Украины этой проблематикой занимаются А.С. Сытник, В.М. Петегирич, Н.М. Булик (Булик 2008; 2009; 2012; Петегирич,

рич, 2010; Ситник, 2007; 2012; Ситник, Томенюк, 2010). Активно работает в области исследования археологических памятников региона в контексте истории краеведения С.В. Терский (Терський, 2010).

Многолетние традиции в истории археологического изучения региона, истории новострочных экспедиций, институциональной истории, разработке теоретико-методологических основ существуют в Днепропетровском национальном университете им. Олеся Гончара, что демонстрируют работы И.Ф. Ковалевой, А.С. Струкуленко, Д.Л. Тесленко, А.Г. Руденко, О.Н. Каковкиной (Струкуленко, 2011; Руденко, 2011; Ковальова, 2012; Тесленко, 2006; 2012; Каковкина, 1998). В то же время В.М. Бекетова проводит изучение персоналистики, эпистолярного наследия, институциональной истории в Днепропетровском национальном историческом музее им. Д.И. Яворницкого (Бекетова, 2008).

Изучение археологического исследования региона и персоналий проводится в Николаевском национальном университете им. В.О. Сухолинского М.Ю. Ласинской (Ласінська, 2011).

В Донецке Р.А. Литвиненко, представитель Донецкого национального университета, и А.Н. Усачук, сотрудник Донецкого областного краеведческого музея, занимаются историей археологических исследований и археологического наследия региона, исследуют научную деятельность археологов (Усачук, 1994; 2010; Литвиненко, 2012).

В Луганском областном краеведческом музее изучаются биографии археологов – музейных сотрудников края, история археологического исследования региона, проблемная историография (Ключнева, 2009; Шестаков, 2009).

Успешно проводятся работы по исследованию институциональной истории, персоналистике, истории судеб коллекций Л.И. Бабенко и И.А. Снежко в Харьковском историческом музее, а также В.В. Скирдой и И.Н. Скирдой в Харьковском национальном университете им. В.Н. Каразина (Музей археологии и этнографии Слободской Украины) (Бабенко, 2012; Сніжко, 2009; Скирда В., 2000; Скирда В., Скирда И., 2011; 2012а; 2012б). В Национальном техническом университете «Харьковский политехнический институт» И.В. Дворкин ведет исследования в области истории музейного дела второй половины XIX – начала XX в., освещая в том числе вопросы институциональной истории археологии этого периода (Дворкін, 2009).

На протяжении длительного времени изучают историю археологического изучения края и персоналистику сотрудники Винницкого областного краеведческого музея М.В. Потупчик и М.Е. Потупчик (на: Потупчик М.В., Потупчик М.Е., 1998; 2003).

В Черновицком национальном университете им. Ю. Федьковича проводятся исследования по персоналистике, а также истории исследования археологических памятников (Борчук, 1999; Пивоваров, 2009; 2010).

Кроме областных центров, довольно интенсивные исследования по истории археологии проводятся в Нежине (Черниговская обл.), Каменец-Подольском (Хмельницкая обл.), Опшине (Полтавская обл.). Работы по проблематике институциональной истории, персоналистике, истории археологического изучения региона выполняются в Нежинском государственном университете им. Н. Гоголя и Нежинском краеведческом музее им. И.Г. Спасского (Гомоляко, 2012; Дмитренко, 2012). В Каменец-Подольском государственном историческом музее-заповеднике и в Центре подольеведения при Каменец-Подольском национальном университете им. И. Огиенко эта проблематика изучается в контексте краеведческих Штудий (Баженов, 1995; Волкова, 2010; Прокопчук, 2009). Биографии украинских археологов-керамологов изучаются в Национальном музее-заповеднике украинского гончарства в Опшине (Визир, 2010а; 2010б; Щербань, 2011).

Среди наработок последних лет необходимо отметить и проведение нескольких тематических конференций:

– I Международная конференция «История археологии: личности и школы (к 160-летию В.В. Хвойки)» (совместно с Институтом истории материальной культуры РАН) проходила в Киеве 5–8 октября 2010 г. В конференции приняли участие 73 исследователя, представляющие 35 научных учреждений Украины и России. Заслушано 60 докладов; состоялся круглый стол, посвященный проблемам археологического образования;

– II Международная конференция «История археологии: исследователи и научные центры (к 165-летию со дня рождения Ф.К. Вовка)». Конференция проходила в Киеве 25–28 сентября 2012 г. В работе конференции приняли участие 82 исследователя из Украины, России, Молдавии, Польши, Франции, Румынии, которые представляли 41 научное учреждение. Заслушано 43 доклада. В рамках конференции состоялся круглый стол «История археологии: границы и принципы субдисциплины»;

– Международный научный семинар «История украинской археологии: личности, центры и научные школы» (Львов-Винники, 8–9 ноября 2012 г.). Заслушано 39 докладов.

Тематика, связанная с историей археологии, также часто обсуждалась на историко-краеведческих и музейных конференциях регионального уровня.

В последние годы увидел свет целый ряд публикаций по истории археологии. Среди них сборники материалов I и II Международных конференций (История археологии, 2011; Історія археології, 2012), материалы круглого стола, который состоялся в рамках второй конференции и был посвящен вопросам границ и принципов истории археологии как отдельной субдисциплины (История археологии, 2013). Следует отметить обстоятельное исследование А.С. Сытника, в котором отражена история археологической науки во Львове первой половины XX в., показана жизнь и деятельность как выдающихся, так и малоизвестных ученых (Ситник, 2012). Изданы монографии о жизни и деятельности В.В. Хвойки (Колеснікова, 2007), о судьбе археологической коллекции Черниговского исторического музея (Черненко, 2007). Привлекает внимание сборник об археологе Леоне Козловском, в котором описаны не только события жизни и деятельности известного ученого и общественного деятеля, но и ярко показан историко-культурный фон, на котором развивались события, изложенные в книге (Професор..., 2010).

В журнале «Археологія», издании «Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині» и других периодических изданиях имеются соответствующие рубрики.

Таким образом, можно констатировать, что в Украине успешно развивается изучение истории археологии. Наиболее широко представлена персоналистика, история исследований археологических памятников и культур, история экспедиций, история археологического наследия. Именно эти направления преобладают в регионах (в силу специфики как задач, так и наличия источников). Следует также отметить, что локализация центров, в которых активно изучается история археологии в большинстве случаев совпадает с научными центрами, сформировавшимися еще в конце XIX – первой половине XX в.

Безусловно, исследования в области истории археологии имеют, зачастую, междисциплинарный характер. С одной стороны, исследования ведутся на стыке археологии, истории, историогра-

фии, этнологии, музееведения, памятникоохранного дела и т.п., с другой, специализация самого исследователя может относиться к одной из указанных областей науки, что обуславливает специфику его подхода к источнику и процессу исследования. Такая ситуация ведет как к позитивному, так и к негативному результату. Ее плюсы – в расширении используемой методической, методологической, источниковедческой базы; минусы – в размытости границ и отсутствии четкого предметного поля исследования. Все говорит о том, что история археологии стала одной из полноправных отраслей археологической науки в Украине.

В то же время активно развивающимся исследованиям в области истории археологии присущ ряд проблем, которые, впрочем, являются вполне естественными для данного этапа формирования направления и зачастую имеют не только локальную сосредоточенность:

- отсутствие единого интеллектуального пространства;
- отсутствие координации в исследованиях;
- замкнутость отдельных центров;
- отсутствие специализированных библиографических изданий;
- отсутствие разработанной теоретико-методологической базы исследований.

Несомненно, сегодня существует насущная потребность в создании общего интеллектуального исследовательского пространства в области истории археологии. Очевидно, что его формы должны быть максимально разнообразны:

- виртуальное – в виде регулярно наполняемого общими усилиями информационного массива, площадки для общения, баз данных разрабатываемых тематик, библиографических баз и т.д.;
- публикационное – издание тематических сборников, материалов семинаров и круглых столов, учреждение тематических серий и т.д.;

– реальное – предполагающее интерактивное общение в процессе регулярных научных мероприятий (конференций, циклов специализированных семинаров, заседаний круглых столов) различного уровня – от местных, региональных до международных).

Назрела необходимость институционализации направления – создания координирующего центра исследований в области истории археологии, оформления исследований в виде плановой тематики, включения истории археологической науки в шифр специальности «археология».

Литература

- Акимченков В.В. «Академия в миниатюре»: Севастопольский музей краеведения (1923–1939). Киев-Симферополь, 2012. (Биобиблиография кривоведения. Вып. 17)
- Акимченков В.В. Документи местных архивов как источник по истории музейного дела: на примере Государственного архива в Автономной республике Крым // Сіверщина в історії України. Київ–Глухів, 2011. Вип. 4. С. 46–49.
- Акимченков В.В. Севастопольский музей краеведения и кривоведческие исследования // Сіверщина в історії України. Київ–Глухів, 2010. Вип. 3. С.332–336.
- Антонова И.А. Основатель Херсонесского музея // Крымский архив. 1997. № 3. С. 57–67.
- Бабенко Л.И. К истории коллекции предметов из Литого (Мельгуновского) кургана // РА. 2012. № 3. С. 20–27.
- Баженов Л.В. Историчне краєзнавство Правобережної України в ХІХ – на початку ХХ століть: Становлення. Історіографія. Бібліографія. Хмельницький, 1995.
- Баукова А.Ю. Науково-дослідна діяльність Керченського історико-археологічного музею (1922–1988 рр.): археологічний аспект: автореф. дис... канд. іст. наук. Київ, 2008.
- Бекетова В.М. Музей – це доля: історія музею в життєписах його працівників // Видатні особистості. Музейна персоналістика. Дніпропетровськ, 2008. Вип. 10. С. 64–73.
- Білас Н.М. Археологічна наука у Львівському університеті (друга половина ХІХ – 30-ті роки ХХ ст.): автореф. дис... канд. іст. наук. Київ, 2004.
- Білас Н.М. Леон Козловський – професор кафедри доісторичної археології зі спеціальним оглядом праісторії польських земель (1921–1939) університету Яна Казимира у Львові // Професор Леон Козловський. Львів; Нью-Йорк, 2010. С. 328–367.
- Бонь О.І. Федір Ернст та його діяльність у мистецтвознавчих наукових осередках у 1920–1930 роках // Краєзнавство. 2012. № 3(80). С. 161–168.
- Бонь О.І. «... Методологія в мене не відповідає сучасним вимогам, зато мої знання їм необхідні» // Сумська старовина. 2007. № ХХІ–ХХІІ. С. 123–131.
- Бонь О.І. Академік Олекса Петрович Новицький: наукова та громадська діяльність. К., 2004.
- Борчук С.М. Громадсько-культурна та наукова діяльність Ісидора Івановича Шараневича (1829–1901 рр.): автореф. дис... канд. іст. наук. Чернівці, 1999.
- Брайчевський М.Ю. Твори. Т. 1 / Упоряд. Ю.В. Кухарчук. Київ, 2004.
- Буйських С.Б. А.В. Бураков – дослідователь Причорноморських древностей України // Історія археології: дослідники та наукові центри. Київ, 2012. С. 51–57.
- Булик Н.М. Археологічні осередки Львова (1875–1914): наукові пошуки та польові здобутки // Археологічні дослідження Львівського університету. Львів, 2008. Вип. 11. С. 209–237.
- Булик Н.М. До питання про наукові контакти львівських археологів у ХІХ – на початку ХХ століття // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Львів, 2012. Вип. 16.
- Булик Н.М. Формування української археології в Галичині у ХІХ столітті: Ісидор Шараневич (1829–1901) // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Львів; Нью-Йорк, 2009. Вип. 13. С. 307–321.

- Відейко М.Ю.* Організаційний експеримент: Трипільська комісія // Історія археології: дослідники та наукові центри. Київ, 2012. С. 84–92.
- Візір Н.* Іван Зарецький – дослідник і збирач традиційної опішнянської кераміки // Етнічна історія народів Європи. Київ, 2010а. Вип. 32. С. 28–32.
- Візір Н.* Керамологічна діяльність Івана Зарецького в Російському етнографічному музеї // Ніжинська старовина. 2010б. Вип. 10 (13). С. 151–157.
- Волкова В.М., Нестеренко В.А.* Кам'янець-Подільський історичний музей: перші 50 років. Кам'янець-Подільський, 2010.
- Гомоляко А.О.* Науково-педагогічна діяльність В.Ю. Данилевича: автореф. дис. ... канд. іст. наук. Чернігів, 2012.
- Горькова А.О.* Охорона археологічних пам'яток в радянському законодавстві (1926–1930 рр.) // Сіверщина в історії України. Київ–Глухів. 2013. Вип. 6. С. 8–11.
- Грив В.І., Супруненко О.Б.* Доля М.Я. Рудинського // Археологія. 1992. № 4. С. 91–100.
- Гриненко Л.О.* «Керченский коллега» (роль В.В. Шкорпила в становленні Херсонесського музею) // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2005. Вып. IX. С. 330–359.
- Гриненко Л.О.* Предтеча археологического музея в Херсонесе: музей архимандрита Евгения // Восток–Запад: межконфессиональный диалог. Севастополь, 2003. С. 97–101.
- Дворкін І.В.* Трансформація музейної справи Наддніпрянщини у 1805–1920 рр. (за матеріалами Полтавської, Харківської, Чернігівської губерній та м. Києва): автореф. дис... канд. іст. наук. Луганськ, 2009.
- Дианова Т.В., Красовская Н.В.* «Музей посетил <...> и в том расписался...» // Херсонесский сборник. Севастополь, 2011. Вып. XIV. С. 79–104.
- Дианова Т.В., Красовська Н.В.* Херсонесський музей очима відвідувачів // Археологія. 2009. № 1. С. 72–86.
- Дмитренко Н.М.* Місцеві музеї Північного Лівобережжя та їх внесок у розвиток історичного краєзнавства і охорону національної культурної спадщини (1917–1937 рр.): автореф. дис. ... канд. іст. наук. Чернігів, 2012.
- Залізняк Л.Л.* Відділ археології кам'яного віку Інституту археології НАН України. Історія та персоналії // Археологія. 2012. С. 122–134.
- История археологии: границы и принципы субдисциплины: Материалы круглого стола 26.09.2012 в рамках II-й Междунар. науч. конф. «История археологии: исследователи и научные центры (к 165-летию со дня рождения Ф.К. Вовка)».* Киев, 25–28.09.2012. Киев, 2013.
- История археологии: личности и школы: Материалы Международ. науч. конф. к 160-летию со дня рождения В.В. Хвойки.* Киев, 5–8.10.2010. СПб., 2011.
- Історія археології: дослідники та наукові центри.* Київ, 2012. (Археологія і давня історія України. Вип. 9)
- Каковкіна О.М.* Археологічні з'їзди другої половини XIX – початку XX ст. в Україні. Науковий та суспільно-політичний аспекти: автореф. дис... канд. іст. наук. Дніпропетровськ, 1998.
- Ключнєва І.М.* Луганський археолог С.О. Локтюшев // Краєзнавчі записки. Вип. V: Археологічне надбання С.О. Локтюшева (до 130-річчя від дня народження). Луганськ, 2009. С. 11–24.
- Ковальова І.Ф.* Дніпрогесівська археологічна експедиція 1927–1932 рр. // Історія археології: дослідники та наукові центри. Київ, 2012. С. 113–115.

- Колесникова А.В., Яненко А.С.* Жизнь археолога в повседневном измерении как одно из направлений истории археологии // Евразийский археолого-историографический сборник. К 60-летию Сергея Владимировича Кузьминых. СПб.–Красноярск, 2012. С. 153–160.
- Колесниченко А.Н.* М.Ф. Болтенко и археологические исследования на о. Березань: неизвестные страницы личного архива М.Ф. Болтенко // История археологии: личности и школы. Матер. Международ. науч. конф. к 160-летию со дня рождения В.В. Хвойки. Киев, 5–8.10.2010. СПб., 2011. С. 181–186.
- Колеснікова В.А.* Археологічні установи Української академії наук у перші роки її існування // Археологія. 2012. № 1. С. 115–121.
- Колеснікова В.А.* Вікентій (Чеслав) Хвойка. Сторінки наукової біографії. Київ, 2007.
- Колеснікова В.А.* До історії Всеукраїнського археологічного музею // Сіверщина в історії України. Київ–Глухів, 2011. Вип. 4. С. 427–432.
- Колеснікова В.А., Чернопол І.В., Яненко А.С.* Музей (Кабінет) Антропології та Етнології імені проф. Хв. Вовка. Київ, 2012.
- Колеснікова В.А., Яненко А.С.* Становлення і розвиток експериментальної археології в наукових інституціях радянської Росії та України (20–30 рр. ХХ ст.) // Археологія і давня історія України. Київ, 2013. Вип. 1(10): Експериментальна археологія: досвід моделювання об'єктів та виробництв. С. 239–251.
- Кобиленко О.В.* Українська спадщина Гната Стеллецького // Історія археології: дослідники та наукові центри. Київ, 2012. С. 123–130.
- Косохно С.С.* Співпраця В.Б. Антоновича та В.В. Хвойки у галузі археології як приклад зв'язків української наукової громадськості кінця ХІХ – початку ХХ ст. // Науково-дослідницька та просвітницька діяльність Вікентія Хвойки. До 160-річчя з дня народження: Матеріали наук.-практ. конф., с. Халеп'я, 19 лютого 2010 року. Трипілля, 2010. С. 93–96.
- Ласінська М.Ю.* Дослідження археологічних пам'яток Нижнього Побужжя: історіографія проблеми (ХІХ – 30-ті роки ХХ ст.): автореф. дис. ... канд. іст. наук. Миколаїв, 2011.
- Литвиненко Р.О.* Новобудовна археологія в Донбасі: етапи, дослідники, досягнення // Історія археології: дослідники та наукові центри. Київ, 2012. С. 155–159.
- Лугова Л., Мельникова І.* Матеріали з розкопок В. Щербаківського у збірці Полтавського краєзнавчого музею // Полтавський краєзнавчий музей: Зб. наук. стат. 2001–2003 рр. Маловідомі сторінки історії, музеєзнавство, охорона пам'яток. Полтава, 2003. С. 290–299.
- Ляшко С.М.* Наукова біографія Я.П. Новицького: проблеми теорії і практики // Музейний вісник. 2010. № 10. С. 220–229.
- Ляшко С.Н.* Днепровская археологическая экспедиция 1927–1932 гг. и ее роль в развитии отечественной археологической науки // Проблемы археологии Подніпров'я. Дніпропетровськ, 2003. С. 14–27.
- Масалова І.І.* Київські музеї в 1902–1928 роках (за матеріалами путівників та довідників по Києву) // Лаврський альманах. 2008. Вип. 22. С. 132–149.
- Молочко Є.В.* Популяризація культурної спадщини Криму (ХІХ – початок ХХ століття): автореф. дис... канд. іст. наук. Київ, 2012.
- Музичко О.Є.* Євген Чикаленко, Володимир Винниченко. Листування. 1902–1929 роки; Євген Чикаленко, Сергій Єфремов. Листування. 1903–1928 роки; Євген Чикаленко, Андрій Ніковський. Листування. 1908–1921 роки // Український історичний журнал. 2011а. № 1. С. 216–221.

- Музичко О.Є. Одеський візантиніст та релігієзнавець професор О.П. Доброклонський (1856–1937) // Древнее Причерноморье. Вып. IX. Одесса, 2011б. С. 315–321.
- Наулко В.І. Епістолярна спадщина Ф.К. Вовка – важливе джерело наукових знань // Історія археології: дослідники та наукові центри. Київ, 2012. С. 181–185.
- Непомнящий А.А. Археологічні з'їзди та розвиток кримознавчих досліджень за дорядянської доби // Питання історії науки і техніки. 2007. № 2. С. 9–19.
- Непомнящий А.А. Новые материалы к истории Таврического общества истории, археологии и этнографии // Праці центру пам'яткознавства. Київ, 2011. Вип. 20. С. 169–183.
- Непомнящий А.А. Украинское общество изучения Крыма и Кавказа: неизвестная страница истории крымоведения // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 2006. Вып. XII. Ч. 2. С. 683–701.
- Німенко Н.А. Велет українознавства (до 125-річчя від дня народження Миколи Омеляновича Макаренка) // Сумська старовина. 2002. № X. С. 5–25.
- Німенко Н.А. З історії археологічних досліджень на Сумщині у 20-х роках ХХ ст. // Сумська старовина. 2006. № XX. С. 53–67.
- Німенко Н.А. З когорти першовідкривачів (Сильвестр Магура – вихованець школи проф. М. Макаренка) // Наукові праці історичного факультету. Запоріжжя, 2005. Вип. 19. С. 403–409.
- Охотников С.Б. Археология в Одессе. Одесса, 2010.
- Павлова В.В. Сторінки життя та наукова діяльність В.Є. Козловської // Археологія. 2007. № 4. С. 70–83.
- Палієнко С.В. Історико-культурний поділ пізнього палеоліту Східної Європи в радянському та пострадянському палеолітознавстві: автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2009а.
- Палієнко С.В. Культурно-історичні реконструкції в пострадянському палеолітознавстві та деякі актуальні проблеми археологічної методології // С.Н. Бибииков и первобытная археология: Материалы Международ. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения С.Н. Бибиикова. СПб., 2009б. С. 120–123.
- Петегрич В. Внесок Вітольда Ауліха у дослідження Княжого Галича // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Львів, 2010. Вип. 14. С. 11–15.
- Пивоваров С.В. Археологічні дослідження І.С. Винокура на Буковині // Актуальні проблеми археології: Тези Міжнарод. наук. конф. на пошану І.С. Винокура. Тернопіль, 2010. С. 7-9.
- Пивоваров С.В. Розвиток археологічної науки в Чернівецькому університеті (друга половина ХІХ ст. – 2004 р.) // Vita Antiqua. Київ, 2009. № 7/8. С. 34–37.
- Полюшко Г.В. Втрачені скарби Лаврського музею: Пошуки і знахідки. Київ, 2001.
- Полюшко Г.В. Охорона пам'яток Києво-Печерської лаври в 1920-х роках: сучасний погляд // Другі Зарембівські читання. Київ, 2009. С. 193–200.
- Потупчик М.В., Потупчик М.Є. Археологічні дослідження території Вінниччини в ХІХ – на початку ХХ ст. // Подільська старовина. Вінниця, 2003.
- Потупчик М.В., Потупчик М.Є. З історії формування археологічної колекції музею // Подільська старовина. Вінниця, 1998. С. 42–49.
- Принь М.О. Охорона, вивчення і використання пам'яток історії та культури на Донеччині та Луганщині в 20-х – на початку 30-х рр. ХХ ст.: автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2012а.

- Принь М.О.* Пам'яткоохоронні дослідження Харківського археологічного музею в Старобільській окрузі // Проблеми истории и археологии Украины. Материалы VIII Международ. науч. конф. 9–10.11.2012. Харьков, 2012б. С. 95.
- Принь О.В.* Становлення і розвиток державної системи охорони культурної спадщини у Донбасі (1945–1991 рр.): автореф. дис... канд. іст. наук. Київ, 2009.
- Присяжнюк О.М.* Становлення і розвиток системи охорони культурної спадщини Одеської області (1944–2009 рр.): автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2010.
- Прокопчук В.С.* Інституціоналізація краєзнавчого руху Правобережної України 20-х років ХХ – початку ХХІ ст.: етапи, форми, напрями діяльності: автореф. дис. ... докт. іст. наук. Чернівці, 2009.
- Професор Леон Козловський. Львів; Нью-Йорк, 2010.
- Радієвська Т.М.* Роль Федора Вовка у становленні вітчизняного палеолітознавства та його спадщина у зібранні Національного музею історії України // Український музей. Київ, 2003. С. 53–58.
- Радієвська Т.М.* Палеолічні колекції в археологічній збірці Національного музею історії України // Національному музею історії України – 110. Київ, 2009. Ч. 1. С. 9–18.
- Руденко Г.Г.* Археологія в краєзнавстві Катеринославщини (друга половина ХІХ – початок 30-х років ХХ століття): автореф. дис. ... канд. іст. наук. Дніпропетровськ, 2011.
- Рудика Н.М.* Становлення та розвиток нормативної бази охорони пам'яток археології в Україні (1991–2011 роки): автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2012.
- Рудика Н.М.* Українське законодавство з охорони пам'яток археології (становлення і розвиток). Київ, 2013.
- Самойленко Л.Г.* Педагогічна діяльність професора Л.М. Славіна // Археологія. 2007. № 1. С. 40–50.
- Самойленко Л.Г.* Создание кафедры археологии и музееведения в Киевском университете // Історія археології: дослідники та наукові центри. Київ, 2012. С. 228–234.
- Сергій Білокінь. Історик України. Персональний сайт [Електронний ресурс]. <http://www.s-bilokin.name>.
- Ситник О.С.* Археологічна наука у Львові: Перша половина ХХ ст. Львів; Жешув, 2012.
- Ситник О.* Польові дослідження Львівського відділу Інституту археології АН УРСР (1940–1950) // Археологічні дослідження Львівського університету. Львів, 2007. Вип. 10. С. 254–286.
- Ситник О., Томенюк О.* Юрій Полянський та Стефан Круковський – геологічно-палеолітичний тандем // Археологічні дослідження Львівського університету. Львів, 2010. Вип. 13. С. 7–52.
- Скирда В.В.* Археологічна наука у Харківському університеті (1805–1920 рр.): автореф. дис... канд. іст. наук. Київ, 2000.
- Скирда В.В., Скирда І.М.* ХІІ Археологічний з'їзд у Харкові: 110 років тому // Проблеми истории и археологии Украины. Материалы VIII Международ. науч. конф. 9–10.11.2012. Харьков, 2012а. С. 96.
- Скирда В.В., Скирда І.М.* Дослідження В.О. Городцова на території сучасної України // Проблеми истории и археологии Украины. Материалы VIII Международ. науч. конф. 9–10.11.2012. Харьков, 2012б. С. 96–97.
- Скирда В.В., Скирда І.М.* Фіно-угорська проблематика на археологічних з'їздах в Україні // Мадяри в Середньому Подніпров'ї. Київ, 2011. С. 194–197.

- Сніжко І.А. Архівна спадщина М.В. Сібільова // Древности. Харьков, 2009. С. 286–290.
- Станіцина Г.О. З історії Наукового архіву Інституту археології НАН України // Історія археології: дослідники та наукові центри. Київ, 2012. С. 268–276.
- Станіцина Г.О. Петро Іванович Смолічев // Археологія. 1992. № 2. С. 101–111.
- Старков В.А. Федір Вовк та родина Чикаленків: відносини крізь призму обопільного листування // Історія археології: дослідники та наукові центри. Київ, 2012. С. 277–281.
- Стрижова І.А. Одеське товариство історії і старожитностей (1839–1922 рр.): збереження історико-культурної спадщини Південної України: автореф. дис. ... канд. іст. наук. Одеса, 2013.
- Струкуленко А.С. Новобудовні археологічні експедиції 70–90-х рр. ХХ ст. та їх внесок у дослідження давньої історії північностепової Наддніпрянщини: автореф. дис. ... канд. іст. наук. Дніпропетровськ, 2011.
- Супруненко О.Б. Археологія в діяльності першого приватного музею України. Лубенський музей К.М. Скаржинської. Київ-Полтава, 2000.
- Супруненко О.Б. З історії археологічних досліджень на Полтавщині. Київ; Полтава, 2007.
- Тарабукін О.О. Археологічні дослідження на території Східної Волині у перші десятиріччя радянської влади (20–30-ті роки ХХ ст.) // Велика Волинь. 2002. Т. 25. Ч. 1. С. 148–156.
- Тарабукін О.О. Початки археологічного вивчення Житомирщини (кінець ХVІІІ – третя чверть ХІХ ст.). Житомир, 2003.
- Терський С.В. Історія археологічних досліджень та історичного краєзнавства Волині. Львів, 2010.
- Тесленко Д.Л. Историография археологии: проблема структуры предметного поля // Історія археології: дослідники та наукові центри. Київ, 2012. С. 295–301.
- Тесленко Д.Л. О содержании понятия Ямная культурно-историческая область в современной историографии // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Городцовские чтения. Оренбург, 2006. С. 85–88.
- Усачук А.Н. Исследования В.М. Евсеева в восточных районах Донецкой области // Донецкий археологический сборник. 1994. Вып. 5. С. 97–102.
- Усачук А.Н. О сборнике Изюмского музея 1923 года издания (история одного экземпляра) // Человек и древности. Памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). М., 2010. С. 770–780.
- Федір Вовк і його книжкове зібрання. Київ, 2009.
- Федорченко О.С. Пізній палеоліт Північного Надчорномор'я та Надазов'я. Історія дослідження: автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2010.
- Хлівнюк О.В. Охрана культурной спадщини в Криму (1887–1941 рр.): автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2009.
- Чередниченко А.М. Византологічні студії в Українській Академії наук (1919 – середина 1930-х рр.): автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2009.
- Черненко О.Є. Археологічна колекція Чернігівського історичного музею імені В.В. Тарновського (1896–1948 рр.) // Скарбниця української культури. Вип. 9 (Спецвип. 1). Чернігів, 2007.
- Черновол І.В. Личные книжные собрания выдающихся ученых как источник к изучению истории археологии (на примере личной библиотеки Федора Кондратьевича Вовка (Волкова) // История археологии: личности и школы. Материалы Международ. науч. конф. к 160-летию со дня рождения В.В. Хвойки. Киев, 5–8.10.2010. СПб., 2011а. С. 305–315.

- Черновол І.В.* Спадщина Федора Вовка в Інституті археології НАН України // Археологія. 2011б. № 1. С. 110–116.
- Шестаков І.А.* История и библиография археологических исследований палеолита Луганщины // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ, 2009. Вип. 10. С. 4–31.
- Шербань О.В.* Життєпис Лідії Савівни Шульгіної за матеріалами слідчої справи № 6003 // Археологія і давня історія України. 2011. Вип. 4. С. 201–206.
- Яненко А.С.* «Утраченные» музейные коллекции Украины: возможности актуализации археологического наследия 1920 – начала 1930-х годов (на примере музеев Подолья) // Новые исследования по археологии стран СНГ и Балтии. Материалы Школы молодых археологов. Кириллов, 3–12.09.2011. М., 2011. С. 166–177.
- Яненко А.С.* Археологічна діяльність музеїв радянської України (1919–1934 рр.): автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2012.
- Яснговська Л.В.* Давньоруські старожитності Чернігівщини в історико-культурному просторі та науковому житті регіону: автореф. дис. ... канд. іст. наук. Чернівці, 2010.
- Яснговська Л.В.* До історії досліджень Чернігівського Спаського собору протягом XIX – на початку XX ст. // Сіверщина в історії України. Київ–Глухів. 2013. Вип. 6. С. 36–39.

ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ АРХЕОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ ПРЕДМЕТА АРХЕОЛОГИИ, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННЫХ ПРАКТИК ВОСПРОИЗВОДСТВА НАУКИ

© 2015 г. О.М. Мельникова

Удмуртский государственный университет, Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, Ижевск

Ключевые слова: философия науки, науковедение, методология, когнитивные и социокультурные институты, социальная практика

В статье рассматриваются вопросы современного состояния истории археологической науки как отдельной субдисциплины, проблемы ее методологии, терминологии, а также подходов и методов исследования.

Семь лет назад на первом возобновленном археологическом съезде в Новосибирске мне уже приходилось делиться с коллегами размышлениями по поводу состояния и перспектив развития историографии археологии (Мельникова, 2006. С. 435–437). Это был круг вопросов, с которыми пришлось столкнуться в начале 2000-х гг. во время работы над диссертацией «Научные школы в археологии» (Мельникова, 2004). Характеризуя свое видение развития этой области знания, я обратила внимание на целый ряд, прежде всего, методологических проблем историко-научного и историографического исследования в отечественной археологии: вопросы институционализации историко-научного знания в археологии, источниковедческой основы историко-научных и историографических исследований, понятийного аппарата, подходов и методов исследования.

За прошедшее время стало очевидно, что многие обсуждавшиеся на археологическом съезде проблемы в разной степени получили свое дальнейшее развитие и требуют обсуждения с позиций накопленного знания. Ключевым результатом деятельности ученых-археологов в области историко-научных и историографических изысканий стал бесспорный факт институционализации

историко-научного направления в археологии в качестве самостоятельной субдисциплины. Обоснованию этого факта посвящена настоящая статья.

Это обоснование возможно сделать в нескольких направлениях: с позиций науковедения и шире – философии и методологии науки; с позиций истории исторической науки и, естественно, с позиций археологической науки.

Как известно, любая научная дисциплина является образованием, располагающим собственными способами и механизмами сохранения целостности и воспроизводства и объединяющим когнитивные (от лат. *cognitio* – знание) и социокультурные институты. Именно благодаря этим исторически выработанным устойчивым формам социальной практики санкционируется и обеспечивается относительно самостоятельное функционирование и развитие конкретной отрасли науки, в том числе и археологии.

К когнитивным институтам научной дисциплины принято относить фиксированный корпус научного знания, явления и процессы, считающиеся традиционными объектами ее изучения, а также совокупность теоретико-методологических представлений о природе исследуемой реальности, совокупность средств и методов ее изучения.

В структуре социокультурных институтов научной дисциплины существенную роль играют каналы дисциплинарной коммуникации между коллегами, разного рода профессиональные объединения формального и неформального свойства. Значимым является единый и доступный всем членам археологического сообщества массив дисциплинарных публикаций, в том числе научная периодика, содержание которого в каждый момент времени и представляет собой корпус знания, накопленный научной дисциплиной. К социокультурным институтам отнесем также сферу профессиональной подготовки (специализированные кафедры, аспирантура в научных учреждениях, вузах, музеях), определение профессиональной квалификации специалистов (через защиты выпускных квалификационных работ в вузах и диссертаций разного уровня).

Безусловным критерием существования научной дисциплины выступает *единая писаная история ее успехов и неудач*. Ее знание и осознание позволяет научному сообществу адекватно оценивать предшествующий исследовательский опыт, формировать на его основе представления о перспективах развития науки. Иными

словами, не может существовать наука и дисциплинарно организованное сообщество вне обращения к своей истории, без написания этой истории.

Но именно этот раздел отечественной археологии развивался на протяжении XX столетия крайне медленно, длительное время находился в маргинальном состоянии, чему способствовал целый ряд исторических обстоятельств. Это и процесс институционализации археологии как научной дисциплины в недрах различных областей научного знания – как естественнонаучного, так и социально-гуманитарного, и исследовательская марксистская парадигма, развитие которой сопровождалось воздействием на археологию целого ряда вненаучных факторов (особенности политического режима, изолированность от мировой науки, история профессионального образования).

Как правило, обращение к историко-научным и историографическим сюжетам в рамках археологических исследований происходило из необходимости зафиксировать эмпирически зримую цепь сменявших друг друга археологических открытий в области изучения отдельного памятника, археологической культуры или региона страны. Эти открытия воплощали идею прогрессивного, зачастую линейного движения развития знания.

Возможно, с монографии Г.С. Лебедева «История отечественной археологии» (Лебедев, 1992) историографический интерес стал постепенно обретать статус самостоятельного научного направления. Реализованные в этом исследовании науковедческий и культурно-исторический подходы применительно к истории археологии стали новым шагом по сравнению с очерковой формой многолетних историко-научных исследований А.А. Формозова. Эти подходы не только выявили историю формирования системных характеристик археологии как научной дисциплины, но и позволили многим археологам по-новому понять круг решаемых ими научных проблем, исходя не только из специфики изучаемого объекта, но в связи с историческими обстоятельствами развития науки и научной мысли.

Говорят, что в науке приходится век анализа на миг синтеза. По-видимому, не случайно этот процесс пришелся на рубежные 1980–1990-е гг. – время переосмысления не только российской истории, но и истории отечественной исторической науки. Уже в позднесоветское время многие дискуссии общенаучного содержания (в первую очередь об объекте и предмете науки в археологии,

о содержании понятия «археологическая культура») с очевидностью обнажили необходимость их разрешения на прочной историографической и историко-научной основе. Познавательный потенциал марксистской методологии археологического исследования получил осмысление в целом ряде историко-научных исследований, в том числе, монографических (Генинг, 1982; Пряхин, 1986). Эти книги стали объективным результатом процесса развития науки, которая стремилась выработать представления о своем состоянии, перспективах развития, социальных функциях.

Стихийный процесс одновременного появления историко-научных и историографических исследований на рубеже 1990–2000-х гг. в различных регионах России также не был случайным. В этом проявилось стремление части археологического сообщества к осмыслению состояния отечественной археологии в новых условиях методологического плюрализма и открытости к мировой науке. Стала четче проявляться неудовлетворенность состоянием, как тогда чаще говорили, историографии археологии. Была обозначена слабая источниковедческая обоснованность этих исследований, встали задачи пересмотра методологических и содержательно-предметных оснований историографии археологии.

Сегодня эта работа энтузиастов принесла уже первые плоды не только в виде научных статей, монографий, защищенных диссертаций. Можно констатировать, что сложились определенные схемы и каналы коммуникации между коллегами, важную роль координации которых взяли на себя москвичи и петербуржцы. География этих коммуникаций охватывает практически все российское пространство, а благодаря коллегам из Киева – и пространство СНГ. Стал формироваться единый и доступный всем членам сообщества массив дисциплинарных публикаций, информирование о которых происходит достаточно оперативно. Профессиональные научные периодические издания, включая в первую очередь «Российскую археологию», стали регулярно публиковать статьи на историко-научные темы.

Ставшие уже регулярными археологические съезды включают в свою программу историко-научные секции, состав участников которых постоянно обновляется и расширяется. Большие многопрофильные научные форумы так же считают возможным специально обсуждать историко-научную тематику. Так, на прошедшем в 2013 г. Уральском археологическом совещании, которое состоялось в г. Сыктывкаре, обсуждались актуальные историко-научные

проблемы уральского региона. Появляются и специализированные научные конференции, наподобие организуемых целенаправленно работающего в этом направлении коллектива исследователей ИА НАНУ. Причем круг участников таких обсуждений – не только «чистые» историографы, но и широкий круг археологов, представляющих различные субдисциплины, направления и проблемные области археологии.

В программах подготовки археологов в университетах страны многие годы изучался и, там где удалось сохранить профильную подготовку археологов, присутствует дисциплина «История археологических знаний», «Историография археологии», «История археологической науки».

Наконец, паспорт специальности «археология» содержит раздел «История науки», что свидетельствует об устойчивом развитии научного направления и демонстрирует его трансформацию в область самостоятельной субдисциплины.

Осталось создать писаную историю этой субдисциплины...

Но возникает вопрос: означает ли все это, что история археологии – это удел ограниченного круга ученых, нашедших свою исследовательскую нишу и с определенной периодичностью информирующих друг друга о сделанных ими открытиях? Говоря словами В. Маяковского: «Если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно?». Поиск ответа на этот вопрос позволяет обсуждать проблему функций историко-научного знания и назначения субдисциплины «История и историография археологии» внутри археологии и для археологов.

Мы привыкли уже к тому, что ни одно научное исследование не обходится без историографического обоснования исследовательских задач. Эта проблемно-тематическая историография носит преимущественно инструментальный характер. Велика ее роль для понимания степени изученности и постановки научных проблем. История последних весьма поучительна для современного археологического сообщества: с одной стороны, она носит мемориальный характер, с другой, служит формированию историко-научных компетенций современных археологов, позволяя обозначить наиболее эффективные элементы научного знания, без учета которого невозможно поддерживать дисциплинарный статус археологии. Таким образом, историко-научное знание выполняет важную *познавательную функцию*, позволяющую каждому исследователю зафиксировать значимые научные события в своей области деятельности

и одновременно задающую необходимые ориентиры дальнейшему развитию историко-научных исследований.

Правда, такой подход нередко обнаруживает упрощенное представление об историографическом процессе как линейном поступательном развитии, при котором каждая последующая стадия находится на более высокой ступени, чем ей предшествующая. Он не всегда может учитывать разрывы в исследовательских традициях, изменения конфигурации пространства археологической науки, личные биографии ученых, трансформации в различных сферах общественной жизни.

Важная задача истории и историографии археологии состоит еще и в том, чтобы использовать ее потенциал для профессиональной социализации археологов, причем не только неофитов, но и уже сложившихся ученых, путем приобщения к профессиональным ценностям и практикам археологического сообщества. Так сложилось, что эта функция актуализируется именно сегодня, в условиях определенного кризиса системы присвоения научных степеней, особенно по историческим наукам. Целостная история археологии как история ее открытий, заблуждений, методов, идей должна сформулировать эти ценности и выполнять важную миссию формирования профессиональных норм как археологического исследования, так и археологического историописания. Значимым элементом этих профессиональных норм выступают и нормы этики научного творчества.

Во многом реализация этой социальной функции истории археологии ложится в первую очередь на университетское археологическое сообщество. Целенаправленная работа по формированию профессиональных норм на основе историко-научных знаний возможна в системе высшего профессионального образования. Собственно, в системе специалитета, там, где существовали специализации по археологии, она не прерывалась никогда, и сводилась не только к формированию профессиональных ценностей «не укради», но и к серьезной историографической работе в процессе постановки и решения исследовательских задач.

Но сегодня сложно говорить о продолжении этой традиции на первой ступени нынешней системы высшего профессионального образования – бакалавриате, где сделана ориентация на общую гуманитарную подготовку студента, а часы, в случае введения профиля «археология», весьма ограничены. Но есть шанс воспользоваться стандартами для магистров истории, обучение ко-

торых сложно представить без углубленной историографической и историко-научной подготовки студентов (причем не только по истории российской, но и мировой археологической науки).

Конечно, не в каждом вузе можно отыскать преподавателя, готового погрузиться в историко-научные штудии. Но Федеральный образовательный стандарт предоставляет несколько шансов для преодоления этого барьера. Во-первых, стандарт настаивает как на обязательной норме на том, что 15% всех учебных дисциплин магистерской подготовки должны вести приглашенные ученые или практики. Во-вторых, есть возможность создания совместных образовательных программ консорциума вузов, не обязательно зарубежных, где также возможно предусмотреть мобильность и студентов, и преподавателей. Наконец, можно использовать предусмотренные образовательным стандартом интерактивные дистанционные образовательные технологии, в том числе в формате вебинаров и научно-исследовательских семинаров, что вполне возможно сделать усилиями вузов и академических учреждений, заинтересованных в качественной подготовке кадров.

Да, специализированных археологических магистратур не так много, учитывая тот факт, что время романтиков прошло, и студенты выбирают иные, менее затратные по времени, пути профессиональной и личностной самореализации. Но есть шанс включения дисциплины «История и историография археологии» в круг дисциплин подготовки магистров по направлению «История исторической науки»: такие программы есть, например, в Омском и Сыктывкарском университетах. Есть магистерские программы, связанные с историей и культурой отдельных регионов России, например, в Самаре. Я руковожу магистерской программой «Финно-угорский мир в историко-культурном и социально-политическом измерении», где есть целый ряд дисциплин (например, «Финно-пермские народы на археологической карте средневековой Евразии», «История и культура финно-угорских народов в лицах»), где принципиально важными являются историко-археологические сюжеты.

Проблема в том, что мы, археологическое сообщество, не координируем структуру и содержание своих учебных программ в области археологии и в том числе истории археологии. Можем ли мы сегодня сказать, в каких университетах открыты программы магистратуры по археологии? Возможно, и Институт археологии РАН мог бы взять на себя эту миссию, так как от профессиона-

лизма выпускников университетов зависит дальнейшее развитие науки. А профессионализм зависит от того, какой позитивный и негативный опыт из истории и историографии археологии будет усвоен в качестве норм профессиональной деятельности.

Важно сотрудничество не только в формате археологических практик, но необходимо и более глубокое погружение науки в образовательное пространство (как, например, в Институте всеобщей истории РАН, где есть Центр исторического образования, который активно работает с преподавателями вузов и даже школ). Это мог бы стать «Центр истории и историографии археологии» в Институте археологии РАН, который занимался бы выработкой стратегии, методологии истории и историографии археологии, обоснованием содержания понятийного аппарата, интегрированием историко-научного и историографического знания в структуру конкретных археологических исследований, координированием работы в масштабе страны и поддержанием междисциплинарных и дисциплинарных связей, в том числе и с мировой наукой.

Но, даже решив организационные вопросы, мы сталкиваемся с другой ключевой проблемой: у нас нет учебных пособий для магистратуры как по археологии в целом, так и по истории науки – вот актуальная задача, которую уже сегодня можно и необходимо решать в формате субдисциплины! Целенаправленная подготовка археолога с широкими историографическими компетенциями требует создания учебной литературы, которая передает профессиональные ценности в виде знаний, методологии, образцов позитивного и негативного поведения ученого. Обладая большим кругом статей, рядом серьезных монографий, наше сообщество готово интеллектуально поддержать такую задачу. Однако финансовая сторона требует решения: к сожалению, мне ни разу не попадались конкурсы на написание учебников и учебных пособий. Возможна некая централизованная программа или инициирование специальных грантов, в том числе со стороны археологического сообщества.

Смею предположить, что в условиях современных процессов в развитии науки, продолжающейся дифференциации и интеграции, именно история и историография археологии являются сегодня площадкой внутридисциплинарного диалога между представителями различных направлений, проблемных областей, субдисциплин археологии, которая поддерживает ее единство как целостной дисциплины. Этот факт позволяет констатировать

важную *интегративную функцию* историко-научных исследований внутри археологии.

Но для выполнения своих функций история археологии должна быть наукой с четко сформулированным объектом и предметом. В этом смысле она должна иметь однозначное наименование, обладать выверенным научным языком, обоснованными периодизациями развития истории дисциплинарных институтов археологии, разработанными исследовательскими подходами и методами.

Это означает необходимость широкой интеграции с историей исторической науки в целом, которую сегодня рассматривают как важный раздел интеллектуальной истории, позволяющий соотносить историю знания, историю науки и дисциплинарную историю с современным ей обществом, и рассматривать ее как «историю достижений человеческого интеллекта, то есть результатов интеллектуальной деятельности, историю самой этой деятельности, и культурную среду, задающую ей свои условия и предпосылки, и биографии самих творцов, и их межличностные связи, и историю распространения и восприятия новых идей и знаний» (Репина, 2011. С. 401).

Ее методологический инструментарий уже сегодня позволяет искать ответы на различные историко-научные и историографические вопросы:

- как и почему те или иные идеи возникали;
- как и почему менялось их содержание;
- как, кем и в какой форме они распространялись;
- какое воздействие эти идеи оказывали в череде сменяющихся друг друга конкретно-исторических контекстов;
- почему одни идеи распространялись быстрее, чем другие;
- как и почему некоторые идеи становились «вечными», в то время как другие были обречены на скорое забвение;
- почему одни публикации становились каноническими, а другие маргинализировались;
- как устанавливались и менялись взаимосвязи между существовавшими и вновь возникающими идеями, концепциями, учениями, системами знания, ценностями и т.д. (Репина, 2011. С. 365).

Междисциплинарные связи истории и историографии археологии на исследовательском поле интеллектуальной истории позволяют тем самым сохранять собственные традиции и автономию, но, участвуя в общем диалоге, приобретают новые перспективы.

Представляется, что междисциплинарное взаимодействие с академическими историями других научных дисциплин ставит перед нами и проблему больших, возможно, серийных изданий типа «История археологии в российских губерниях». Такой проект подстегнул бы исследования в тех регионах, где пока еще не сложились группы исследователей, работающих в области истории науки. Он мог бы плавно перетечь в проект «История советской археологии», возможно, так же выполненный в региональном формате. Очень важны биографические исследования, в особенности как важный инструмент профессиональной социализации. Безусловно, стоит важная проблема составления биобиблиографических словарей и публикации портретных, изобразительных, фотографических баз данных по археологии и об археологах прошлого. Требуется продолжения выявление и публикация как неизвестного наследия науки, так и разного рода источников, в том числе эпистолярных, которые будут способствовать пониманию культуры научного мышления прошлых эпох и адекватной оценке научных результатов прошлого. Выполнение этой задачи требует создания периодического (или продолжающегося) историко-научного издания, где могли бы публиковаться историко-научные источники, научные статьи, обсуждаться образовательные проблемы.

Такие амбициозные задачи позволят осмыслить развитие археологической научной мысли в масштабе национального государства (и шире – национальных государств) и вписать историю российской археологии, по крайней мере, в европейский контекст. Иначе мы можем получить исследования по типу того, что было, например, озвучено, в докладах некоторых украинских коллег на последней научной конференции в Киеве осенью 2012 г., когда целый ряд историко-научных проблем рассматривался учеными в контексте «отечественной» украинской археологии и замыкался этой территорией без учета контекста единства интеллектуально-пространства Российской империи и СССР.

Мне представляется, в этом широком контексте сотрудничества с историей исторической науки, сегодня следует видеть возможность развития разных стратегий историко-историографического исследования. Изучать историю археологии можно с внешней стороны (что в целом привычно для археологического сообщества): как эмпирически зримую цепь сменявших друг друга археологических открытий, но и с «невидимой» внутренней стороны «как процесс, обусловленный системными

связями историографии с данным типом культуры, определяемым ее мировоззренческой сутью, которую в наиболее доступной историографии форме выражает именно историческое сознание» (Барг, 1987. С. 6).

Развитие этих обеих познавательных стратегий важно для археологии, поскольку, в первом случае, пока еще мы не в полной мере представляем историографические факты в масштабе общенациональной науки. Освоение второй стратегии важно для понимания связи исторического контекста развития археологического знания, осмысления феномена памяти и забвения в научном исследовании, а так же реализации методологии истории повседневности, исторической антропологии науки, ее гендерной истории, устной истории. Обсуждение этих проблем, очевидно, нуждается в постоянной площадке, которая не может исчерпываться только научными конференциями, а требует регулярного обсуждения в формате некоего, если не периодического (альманаха, журнала), то продолжающегося издания.

Таковыми мне видятся наиболее значимые проблемы развития историко-научного знания в археологии, его значимые функции в археологическом сообществе и способы актуализации его не только в рамках субдисциплины, но и в целом внутри дисциплинарного археологического сообщества.

Литература

- Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987.
- Генинг В.Ф. Очерки по истории советской археологии. Киев, 1982.
- Лебедев Г.С. История отечественной археологии. СПб., 1992.
- Мельникова О.М. Научные школы в археологии: автореф. дис.... докт. ист. наук. Ижевск, 2004.
- Мельникова О.М. Историография археологии: в поисках новых смыслов? // Современные проблемы археологии России. Т. II. Материалы Всероссийского археологического съезда (23–28.11.2006. Новосибирск). Новосибирск, 2006. С. 435–437.
- Пряхин А.Д. История советской археологии. М., 1986.
- Ретина Л.П. История исторической науки на рубеже веков. М., 2011.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ – Археологические вести. СПб.
АМКМ – Архив Минусинского краеведческого музея
АН СССР – Академия наук СССР
АН УРСР – Академия наук Української Радянської Соціалістичної Республіки
АРАН – Архив Российской академии наук
АРК – Автономная Республика Крым
АС – Археологический съезд
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.; СПб.
АУФСБ – Архив Управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области
БРЭ – Большая российская энциклопедия. М.
БСЭ – Большая советская энциклопедия. М.
ВВ – Византийский временник. М.
ВГУ – Воронежский государственный университет.
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ВО – Восточное обозрение. М.
ВСН – Ведомственные строительные нормы
ВСНХ – Высший совет народного хозяйства
ВСОРГО – Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества
ВХУТЕМАС – Высшие художественно-технические мастерские
ВУАК – Всеукраинский археологический комитет
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГАКК – Государственный архив Красноярского края
ГАОПИ – Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
Главмузей – Главный комитет по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы при НКП
Главнаука – Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями при НКП
Главнечерноземводстрой – Главное управление по мелиорации земель в нечерноземной зоне РСФСР
Госстрой – Государственный комитет СССР по делам строительства
Гохран – Государственное хранилище ценностей Наркомфина РСФСР
ГубОНО – губернский отдел народного образования

ГУС – Государственный ученый совет
ГИМ – Государственный исторический музей
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
ЗРАО – Записки Русского археологического общества. СПб.
ИА НАНУ – Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИААЭ – Институт антропологии, археологии и этнографии АН СССР
ИАК – Императорская археологическая комиссия
ИАЭ – Институт антропологии и этнографии АН СССР
ИВСОРГО – Известия ВСОРГО. Иркутск
ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры. СПб.
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИЛАИ – Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово.
ИОПХ – Императорское общество поощрения художеств.
ИР НБУВ НАНУ – Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского Национальной академии наук Украины.
ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной Комиссии. Симферополь.
КГУ – Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина
КИЦЦ – Комиссия по изъятию церковных ценностей
КККМ – Красноярский краевой краеведческий музей
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.; Л.
ЛО ИА АН СССР – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАИ – Московский археологический институт
МАО – Московское археологическое общество.
МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
МВ–АО – Музейное ведомство Финляндии, археологический отдел
МГА – Минусинский городской архив
МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
Минсельхоз – Министерство сельского хозяйства РСФСР–СССР
Минтрансстрой – Министерство транспортного строительства СССР

МИФЛИ – Московский институт философии, литературы и истории им.
Н.Г. Чернышевского
МПС – Министерство путей сообщения
МУЗО – Отдел по делам музеев и охране памятников старины при НКП
РСФСР
НА ОАМ НАНУ – Научный архив Одесского археологического музея
НАНУ
НАНУ – Национальная академия наук Украины.
Наркомздрав – Народный комиссариат здравоохранения РСФСР –
СССР
Наркомпрод – Народный комиссариат продовольствия РСФСР–СССР
Наркомпрос – Народный комиссариат просвещения РСФСР–СССР
Наркомпутъ – Народный комиссариат путей сообщения СССР
НВ – Новый восток. М
НБУ – Национальная библиотека Украины им. В.И. Вернадского
НКП – Народный комиссариат просвещения РСФСР–СССР
ОАИЭ – Общество археологии, истории и этнографии при Казанском
университете
ОАМ НАНУ – Одесский археологический музей Национальной акаде-
мии наук Украины
ОВ – Одесский вестник. Одесса
ОЗ – Отечественные записки. СПб.
ОНО – Отдел народного образования.
ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного истори-
ческого музея
ОР – Отдел рукописей
Петросовет – Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов.
Помгол – Комитет помощи голодающим
РА – Российская археология. М.
РАИМК – Российская академия истории материальной культуры.
РАН – Российская академия наук
РАО – Русское археологическое общество
РО НА ИИМК – Рукописный отдел Научного архива Института истории
материальной культуры РАН
РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институ-
тов общественных наук
РГБ – Российская государственная библиотека
РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд
РИМ – Российский Исторический музей
РОНБФ – Рукописный отдел Национальной библиотеки Финляндии

РСА СПбИИ РАН – Русская секция архива Санкт-Петербургского института истории РАН
СА – Советская археология. М.
САИ – Свод археологических источников. М.
СНиП – Строительные нормы и правила
СПФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
СУ РСФСР – Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР (СССР). Пг.; М.
ТГИМ – Труды Государственного исторического музея. М.
ТСА РАНИОН – Труды секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН. М.
ТЭО – технико-экономическое обоснование строительных работ
УЗКУ – Ученые записки Казанского университета. Казань.
УЗХакасИЯЛИ – Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Абакан.
УОНО – Уездный отдел народного образования
УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук
ФОН – факультет общественных наук
ЦИАМ – Центральный исторический архив г. Москвы
ЦЧО – Центрально-черноземная область
АРТ – The Association For Preservation Technology International
ВАР – British Archaeological Reports
СІГ – Corpus inscriptionum Graecorum / Ed. A. Boeckhius. Berolini, 1843. Vol. 2.
ЕSА – Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki.
ІРЕ – Latyshev B. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Petropoli, 1916. Vol. I.
Ю – Journal d'Odessa. Odessa.

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ

Выпуск IV

Редактирование: П.Э. Любимова
Верстка: Г.С. Пузакова

Подписано в печать 30.10.2015
Формат 60x90/16
Уч.-изд.л. 16,63.
Бумага офсетная
Тираж 300. Заказ № 1650

ИА РАН
117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано в ГУП МО «Коломенская типография»
140400, г. Коломна, ул. III Интернационала, д. 2а

ISBN 978-5-94375-186-8

9 785943 751868